

РОССИЯ В АМЕРИКАНСКОЙ ГЕОПОЛИТИКЕ

**Зигмунд Бжезинский, Генри
Киссинджер
Россия в американской геополитике. До
и после 2014 года**

Зигмунд Бжезинский
Россия в современном мире

Геополитическое положение России

Россия после краха СССР

Распад в конце 1991 года самого крупного по территории государства в мире способствовал образованию «черной дыры» в самом центре Евразии. Это было похоже на то, как если бы центральную и важную в геополитическом смысле часть суши стерли с карты земли.

Крах Советского Союза стал заключительным этапом постепенного распада мощного китайско-советского коммунистического блока, который за короткий промежуток времени сравнялся, а в некоторых зонах даже превзошел границы владений Чингисхана. Однако более современный трансконтинентальный евроазиатский блок просуществовал недолго; уже отпадение от него Югославии Тито и неповиновение Китая Мао свидетельствовали об уязвимости коммунистического лагеря перед лицом националистических устремлений, которые, как оказалось, сильнее идеологических уз. Китайско-советский блок просуществовал около десяти, Советский Союз – примерно 70 лет.

Однако в геополитическом плане еще более значительным событием явился развал многовековой, с центром правления в Москве, великой Российской державы. Распад этой империи был ускорен общим социально-экономическим и политическим крахом советской системы, хотя большая часть ее болезней оставалась затушеванной почти до самого конца благодаря системе секретности и самоизоляции. Поэтому мир был ошеломлен кажущейся быстротой саморазрушения Советского Союза. В течение всего лишь двух недель декабря 1991 года сначала о роспуске Советского Союза демонстративно заявили главы республик России, Украины и Белоруссии, затем официально он был заменен на более неопределенное образование, названное Содружеством Независимых Государств, объединившим все советские республики, кроме балтийских; далее советский президент неохотно ушел в отставку, а советский флаг был спущен с башни Кремля; и наконец, Российская Федерация – в настоящее время

преимущественно русское национальное государство с общей численностью населения в 150 миллионов человек – появилась на арене в качестве преемницы де-факто бывшего Советского Союза, в то время как остальные республики – насчитывающие еще 150 миллионов человек – утверждали в разной степени свои права на независимость и суверенитет.

Крах Советского Союза вызвал колоссальное геополитическое замешательство. В течение 14 дней россияне, которые вообще-то даже меньше были осведомлены, чем внешний мир, о приближающемся распаде Советского Союза, неожиданно для себя обнаружили, что они более не являются хозяевами трансконтинентальной империи, а границы других республик с Россией стали теми, какими они были с Кавказом в начале 1800-х годов, со Средней Азией – в середине 1800-х и, что намного более драматично и болезненно, с Западом – приблизительно в 1600 году, сразу же после царствования Ивана Грозного. Потеря Кавказа способствовала появлению стратегических опасений относительно возобновления влияния Турции; потеря Средней Азии породила чувство утраты значительных энергетических и минеральных ресурсов, равно как и чувство тревоги в связи с потенциальной мусульманской проблемой; независимость Украины бросила вызов притязаниям России на божественное предназначение быть знаменосцем всего панславянского сообщества.

Пространство, веками принадлежавшее царской империи и в течение трех четвертей века Советскому Союзу под главенством русских, теперь заполнено дюжиной государств, большинство из которых (кроме России) едва ли готовы к обретению подлинного суверенитета; к тому же численность населения этих государств тоже разная: от довольно крупной Украины, имеющей 52 миллиона человек, и до Армении, насчитывающей всего 3,5 миллиона. Их жизнеспособность представлялась сомнительной, в то время как готовность Москвы постоянно приспосабливаться к новой реальности также выглядела непредсказуемой. Исторический шок, который испытали русские, был усилен еще и тем, что примерно 20 миллионов человек, говорящих по-русски, в настоящее время постоянно проживают на территории иностранных государств, где политическое господство находится в руках все более националистически настроенных элит, решивших утвердить свою национальную

самобытность после десятилетий более или менее принудительной русификации.

Крах Российской империи создал вакуум силы в самом центре Евразии. Слабость и замешательство были присущи не только новым, получившим независимость государствам, но и самой России: потрясение породило серьезный кризис всей системы, особенно когда политический переворот дополнился попыткой разрушить старую социально-экономическую модель советского общества. Травма нации усугубилась военным вмешательством России в Таджикистане, обусловленным опасениями захвата мусульманами этого нового независимого государства, но в еще большей степени она была обострена трагическим, кровавым, невероятно дорогим, как в политическом, так и в экономическом плане, вторжением России в Чечню. Самым болезненным в этой ситуации является осознание того, что авторитет России на международной арене в значительной степени подорван; прежде одна из двух ведущих мировых сверхдержав в настоящее время в политических кругах многими оценивается просто как региональная держава «третьего мира», хотя по-прежнему и обладающая значительным, но все более и более устаревающим ядерным арсеналом.

Образовавшийся геополитический вакуум увеличивался в связи с размахом социального кризиса в России. Коммунистическое правление в течение трех четвертей века причинило беспрецедентный биологический ущерб российскому народу. Огромное число наиболее одаренных и предприимчивых людей были убиты или пропали без вести в лагерях ГУЛАГа, и таких людей насчитывается несколько миллионов. Кроме того, страна также несла потери во время Первой мировой войны, имела многочисленные жертвы в ходе затяжной Гражданской войны, терпела зверства и лишения во время Второй мировой войны. Правящий коммунистический режим навязал удушающую ортодоксальную доктрину всей стране, одновременно изолировав ее от остального мира. Экономическая политика страны была абсолютно индифферентна к экологическим проблемам, в результате чего значительно пострадали как окружающая среда, так и здоровье людей. Согласно официальным статистическим данным России, к середине 90-х годов только примерно 40 % от числа новорожденных появлялись на свет здоровыми, в то время как

приблизительно пятая часть от числа всех российских первоклассников страдала задержкой умственного развития. Продолжительность жизни у мужчин сократилась до 57,3 года, и русских умирало больше, чем рождалось. Социальные условия в России фактически соответствовали условиям страны «третьего мира» средней категории.

* * *

Не только кризис внутри страны и потеря международного статуса мучительно тревожат Россию, особенно представителей русской политической элиты, но и геополитическое положение России, также оказавшееся неблагоприятным. На Западе вследствие процесса распада Советского Союза границы России существенно изменились в неблагоприятную для нее сторону, а сфера ее геополитического влияния серьезно сократилась. Прибалтийские государства находились под контролем России с 1700-х годов, и потеря таких портов, как Рига и Таллин, сделала доступ России к Балтийскому морю более ограниченным, причем в зонах, где оно зимой замерзает. Хотя Москва и сумела сохранить политическое главенствующее положение в новой, получившей официальный статус независимости, но в высшей степени русифицированной Беларуси, однако еще далеко не ясно, не одержит ли в конечном счете и здесь верх националистическая инфекция. А за границами бывшего Советского Союза крах Организации Варшавского договора означал, что бывшие сателлиты Центральной Европы, среди которых на первое место выдвинулась Польша, быстрыми темпами склоняются в сторону НАТО и Европейского Союза.

Самым беспокоящим моментом явилась потеря Украины. Появление независимого государства Украины не только вынудило всех россиян переосмыслить характер их собственной политической и этнической принадлежности, но и обозначило большую геополитическую неудачу Российского государства. Отречение от более чем 300-летней российской имперской истории означало потерю потенциально богатой индустриальной и сельскохозяйственной экономики и 52 миллиона человек, этнически и религиозно наиболее тесно связанных с русскими, которые способны были превратить Россию в

действительно крупную и уверенную в себе имперскую державу. Независимость Украины также лишила Россию ее доминирующего положения на Черном море, где Одесса служила жизненно важным портом для торговли со странами Средиземноморья и всего мира в целом.

Потеря Украины явилась геополитически важным моментом по причине существенного ограничения геостратегического выбора России. Даже без Прибалтийских республик и Польши Россия, сохранив контроль над Украиной, могла бы все же попытаться не утратить место лидера в решительно действующей евразийской империи, внутри которой Москва смогла бы подчинить своей воле неславянские народы южного и юго-восточного регионов бывшего Советского Союза. Однако без Украины с ее 52-миллионным славянским населением любая попытка Москвы воссоздать евразийскую империю способствовала бы, по всей видимости, тому, что в гордом одиночестве Россия оказывалась запутавшейся в затяжных конфликтах, с поднявшимися на защиту своих национальных и религиозных интересов неславянскими народами; война с Чечней является, вероятно, просто первым тому примером. Более того, принимая во внимание снижение уровня рождаемости в России и буквально взрыв рождаемости в республиках Средней Азии, любое новое евразийское государство, базирующееся исключительно на власти России, без Украины неизбежно с каждым годом будет становиться все менее европейским и все более азиатским.

Потеря Украины явилась не только центральным геополитическим событием, она также стала геополитическим катализатором. Именно действия Украины – объявление ею независимости в декабре 1991 года, ее настойчивость в ходе важных переговоров в Беловежской пуще о том, что Советский Союз следует заменить более свободным Содружеством Независимых Государств, и особенно неожиданное навязывание, похожее на переворот, украинского командования над подразделениями Советской Армии, размещенными на украинской земле, – помешали СНГ стать просто новым наименованием более федерального СССР. Политическая самостоятельность Украины ошеломила Москву и явилась примером, которому, хотя вначале и не очень уверенно, затем последовали другие советские республики.

Потеря Россией своего главенствующего положения на Балтийском море повторилась и на Черном море не только из-за получения Украиной независимости, но также еще и потому, что новые независимые государства Кавказа – Грузия, Армения и Азербайджан – усилили возможности Турции по восстановлению однажды утраченного влияния в этом регионе. До 1991 года Черное море являлось отправной точкой России в плане проекции своей военно-морской мощи на район Средиземноморья. Однако к середине 90-х годов Россия осталась с небольшой береговой полосой Черного моря и с неразрешенным спорным вопросом с Украиной о правах на базирование в Крыму остатков советского Черноморского флота, наблюдая при этом с явным раздражением за проведением совместных, Украины с НАТО, военно-морских и морских десантных маневров, а также за возрастанием роли Турции в регионе Черного моря. Россия также подозревала Турцию в оказании эффективной помощи силам сопротивления в Чечне.

* * *

Далее, к юго-востоку геополитический переворот вызвал аналогичные существенные изменения статуса России в зоне Каспийского бассейна и в Средней Азии в целом. До краха Советского Союза Каспийское море фактически являлось российским озером, небольшой южный сектор которого находился на границе с Ираном. С появлением независимого и твердо националистического Азербайджана – позиции которого были усилены устремившимися в эту республику нетерпеливыми западными нефтяными инвесторами – и таких же независимых Казахстана и Туркменистана, Россия стала только одним из пяти претендентов на богатства Каспийского моря. Россия более не могла уверенно полагать, что по собственному усмотрению может распоряжаться этими ресурсами.

Появление самостоятельных независимых государств Средней Азии означало, что в некоторых местах юго-восточная граница России была оттеснена в северном направлении более чем на тысячу миль. Новые государства в настоящее время контролируют большую часть месторождений минеральных и энергетических ресурсов, которые

обязательно станут привлекательными для иностранных государств. Неизбежным становится то, что не только представители элиты, но вскоре и простые люди в этих республиках будут становиться все более и более националистически настроенными и, по всей видимости, будут все в большей степени придерживаться мусульманской ориентации. В Казахстане, обширной стране, располагающей огромными запасами природных ресурсов, но с населением почти в 20 миллионов человек, распределенным примерно поровну между казахами и славянами, лингвистические и национальные трения, по-видимому, имеют тенденцию к усилению. Узбекистан – при более однородном этническом составе населения, насчитывающего примерно 25 миллионов человек, и лидерах, делающих акцент на историческом величии страны, – становится все более активным в утверждении нового постколониального статуса региона. Туркменистан, который географически защищен Казахстаном от какого-либо прямого контакта с Россией, активно налаживает и развивает новые связи с Ираном в целях ослабления своей прежней зависимости от российской системы для получения доступа на мировые рынки.

Республики Средней Азии, получающие поддержку Турции, Ирана, Пакистана и Саудовской Аравии, не склонны торговать своим новым политическим суверенитетом даже ради выгодной экономической интеграции с Россией, на что многие русские все еще продолжают надеяться. По крайней мере, некоторая напряженность и враждебность в отношениях этих республик с Россией неизбежны, хотя на основании неприятных прецедентов с Чечней и Таджикистаном можно предположить, что нельзя полностью исключать и возможности развития событий в еще более худшую сторону. Для русских спектр потенциального конфликта с мусульманскими государствами по всему южному флангу России (общая численность населения которых, вместе с Турцией, Ираном и Пакистаном, составляет более 300 миллионов человек) представляет собой источник серьезной обеспокоенности.

И наконец, в момент краха советской империи Россия столкнулась с новой угрожающей геополитической ситуацией также и на Дальнем Востоке, хотя ни территориальные, ни политические изменения не коснулись этого региона. В течение нескольких веков Китай

представлял собой более слабое и более отсталое государство по сравнению с Россией, по крайней мере в политической и военной сферах. Никто из русских, обеспокоенных будущим страны и озадаченных драматическими изменениями этого десятилетия, не в состоянии проигнорировать тот факт, что Китай в настоящее время находится на пути становления и преобразования в более развитое, более динамичное и более благополучное государство, нежели Россия. Экономическая мощь Китая в совокупности с динамической энергией его 1,2-миллиардного населения существенно меняют историческое уравнение между двумя странами с учетом незаселенных территорий Сибири, почти призывающих китайское освоение.

Такая неустойчивая новая реальность не может не отразиться на чувстве безопасности России по поводу ее территорий на Дальнем Востоке, равно как и в отношении ее интересов в Средней Азии. В долгосрочной перспективе подобного рода перемены могут даже усугубить геополитическую важность потери Россией Украины. О стратегических последствиях такой ситуации для России очень хорошо сказал Владимир Лукин, первый посол посткоммунистического периода России в Соединенных Штатах, а позднее председатель Комитета по иностранным делам в Госдуме:

«В прошлом Россия видела себя во главе Азии, хотя и позади Европы. Однако затем Азия стала развиваться более быстрыми темпами... и мы обнаружили самих себя не столько между «современной Европой» и «отсталой Азией», сколько занимающими несколько странное промежуточное пространство между двумя «Европами».

Короче говоря, Россия, являвшаяся до недавнего времени созидателем великой территориальной державы и лидером идеологического блока государств-сателлитов, территория которых простиралась до самого центра Европы и даже одно время до Южно-Китайского моря, превратилась в обеспокоенное национальное государство, не имеющее свободного географического доступа к внешнему миру и потенциально уязвимое перед лицом ослабляющих его конфликтов с соседями на западном, южном и восточном флангах. Только непригодные для жизни и недостижимые северные просторы, почти постоянно скованные льдом и покрытые снегом, представляются безопасными в геополитическом плане.

* * *

Таким образом, период исторического и стратегического замешательства в постимперской России был неизбежен. Потрясающий развал Советского Союза и особенно ошеломляющий и, в общем-то, неожиданный распад великой Российской империи положили начало в России процессу широкого поиска души, широким дебатам по вопросу о том, как в настоящее время должна Россия определять самое себя в историческом смысле, появлению многочисленных публичных и частных суждений по вопросам, которые в большинстве крупных стран даже не поднимаются: «Что есть Россия? Где Россия? Что значит быть русским?».

Это не просто теоретические вопросы: любой ответ на них наполнен значительным геополитическим содержанием. Является ли Россия национальным государством, основу которого составляют только русские, или Россия является по определению чем-то большим (как Великобритания – это больше, чем Англия) и, следовательно, ей судьбой назначено быть империей? Каковы – исторически, стратегически и этнически – действительные границы России? Следует ли рассматривать независимую Украину как временное отклонение в рамках этих исторических, стратегических и этнических понятий? (Многие русские склонны считать именно так.) Чтобы быть русским, должен ли человек быть русским с этнической точки зрения или он может быть русским с политической, а не этнической точки зрения (т. е. быть «россиянином» – что эквивалентно «британцу», а не «англичанину»)? Например, Ельцин и некоторые русские доказывали (с трагическими последствиями), что чеченцев можно и даже должно считать русскими.

За год до крушения Советского Союза русский националист, один из тех, кто видел приближающийся конец Союза, во всеуслышание заявил с отчаянием:

«Если ужасное несчастье, немыслимое для русских людей, все-таки произойдет и государство разорвут на части, и люди, ограбленные и обманутые своей 1000-летней историей, внезапно останутся одни, когда их недавние «братья», захватив свои пожитки, сядут в свои «национальные спасательные шлюпки» и уплывут от давшего крен

корабля, что ж, нам некуда будет податься... Русская государственность, которая олицетворяет собой «русскую идею» политически, экономически и духовно, будет создана заново. Она вберет в себя все лучшее из долгих 1000 лет существования царизма и 70 советских лет, которые пролетели как одно мгновение».

Но как? Поиск ответа, который был бы приемлемым для русского народа и одновременно реалистичным, осложняется историческим кризисом самого русского государства. На протяжении практически всей своей истории это государство было одновременно инструментом и территориальной экспансии, и экономического развития. Это также было государство, которое преднамеренно не представляло себя чисто национальным инструментом, как это принято в западноевропейской традиции, но определяло себя исполнителем специальной наднациональной миссии, с «русской идеей», разнообразно определенной в религиозных, геополитических или идеологических рамках. Теперь же в этой миссии ей внезапно отказали, когда государство уменьшилось территориально до главным образом этнической величины.

Более того, постсоветский кризис русского государства (так сказать, его «сущности») был осложнен тем фактом, что Россия не только внезапно лишилась своей имперской миссионерской роли, но и оказалась под давлением своих собственных модернизаторов (и их западных консультантов), которые, чтобы сократить зияющий разрыв между социально отсталой Россией и наиболее развитыми евразийскими странами, требуют, чтобы Россия отказалась от своей традиционной экономической роли ментора, владельца и распорядителя социальными благами. Это потребовало ни более ни менее как политически революционного ограничения роли Российского государства на международной арене и внутри страны. Это стало абсолютно разрушительным для большинства укоренившихся моделей образа жизни в стране и усилило разъединяющий смысл геополитической дезориентации среди русской политической элиты.

* * *

В этой запутанной обстановке, как и можно было ожидать, на вопрос: «Куда идет Россия и что есть Россия?» – возникает множество ответов. Большая протяженность России в Евразии давно способствовала тому, чтобы элита мыслила геополитически. Первый министр иностранных дел постимперской и посткоммунистической России Андрей Козырев вновь подтвердил этот образ мышления в одной из своих первых попыток определить, как новая Россия должна вести себя на международной арене. Меньше чем через месяц после распада Советского Союза он заметил: «Отказавшись от мессианства, мы взяли курс на прагматизм... мы быстро пришли к пониманию, что геополитика... заменяет идеологию».

Вообще говоря, как реакция на крушение Советского Союза возникли три общих и частично перекрывающихся геостратегических варианта, каждый из которых, в конечном счете, связан с озабоченностью России своим статусом по сравнению с Америкой и содержит некоторые внутренние варианты. Эти несколько направлений мысли могут быть классифицированы следующим образом:

1. Приоритет «зрелого стратегического партнерства» с Америкой, что для некоторых приверженцев этой идеи являлось на самом деле термином, под которым зашифрован глобальный кондоминиум.

2. Акцент на «ближнее зарубежье» как на объект основного интереса России, при этом одни отстаивают некую модель экономической интеграции при доминировании Москвы, а другие также рассчитывают на возможную реставрацию некоторого имперского контроля с созданием, таким образом, державы, более способной уравновесить Америку и Европу.

3. Контральянс, предполагающий создание чего-то вроде евразийской антиамериканской коалиции, преследующей цель снизить преобладание Америки в Евразии.

Хотя первая идея первоначально доминировала среди членов новой правящей команды президента Ельцина, второй вариант снискал известность в политических кругах вскоре после первой идеи, частично как критика геополитических приоритетов Ельцина; третья идея возникла несколько позже, где-то в середине 90-х годов, в качестве реакции на растущие настроения, что геостратегия постсоветской России неясна и не работает. Как это случается, все три

варианта оказались неуклюжими с исторической точки зрения и разработанными на основе весьма фантастических взглядов на нынешние мощь, международный потенциал и интересы России за рубежом.

Сразу же после крушения Советского Союза первоначальная позиция Ельцина отображала всегда лелеемую, но никогда не достигавшую полного успеха концепцию русской политической мысли, выдвигаемую «прозападниками»: Россия – государство западного мира – должна быть частью Запада и должна как можно больше подражать Западу в своем развитии. Эта точка зрения поддерживалась самим Ельциным и его министром иностранных дел, при этом Ельцин весьма недвусмысленно осуждал русское имперское наследие. Выступая в Киеве 19 ноября 1990 года и высказывая мысли, которые украинцы и чеченцы смогли впоследствии обернуть против него же, Ельцин красноречиво заявил:

«Россия не стремится стать центром чего-то вроде новой империи... Россия лучше других понимает пагубность такой роли, поскольку именно Россия долгое время играла эту роль. Что это дало ей? Стали ли русские свободнее? Богаче? Счастливее?.. История научила нас, что народ, который правит другими народами, не может быть счастливым».

Сознательно дружественная позиция, занятая Западом, особенно Соединенными Штатами, в отношении нового российского руководства ободрила постсоветских «прозападников» в российском внешнеполитическом истеблишменте. Она усилила его проамериканские настроения и соблазнила членов этого истеблишмента. Новым лидерам льстило быть на коротке с высшими должностными лицами, формулирующими политику единственной в мире сверхдержавы, и они легко впали в заблуждение, что они тоже лидеры сверхдержавы. Когда американцы запустили в оборот лозунг о «зрелом стратегическом партнерстве» между Вашингтоном и Москвой, русским показалось, что этим был благословлен новый демократический американо-российский кондоминиум, пришедший на смену бывшему соперничеству.

Этот кондоминиум будет глобальным по масштабам. Таким образом Россия будет не только законным правопреемником бывшего Советского Союза, но и де-факто партнером в мировом устройстве,

основанном на подлинном равенстве. Как не устают заявлять российские лидеры, это означает не только то, что остальные страны мира должны признать Россию равной Америке, но и то, что ни одна глобальная проблема не может обсуждаться или решаться без участия и/или разрешения России. Хотя открыто об этом не говорилось, в эту иллюзию вписывается также точка зрения, что страны Центральной Европы должны каким-то образом остаться, или даже решить остаться, регионом, политически особо близким России. Роспуск Варшавского договора и СЭВ не должен сопровождаться тяготением их бывших членов к НАТО или даже только к ЕС.

Западная помощь тем временем позволит российскому правительству провести реформы внутри страны, исключить вмешательство государства в экономику и создать условия для укрепления демократических институтов. Восстановление Россией экономики, ее специальный статус равноправного партнера Америки и просто ее привлекательность побудят недавно образовавшиеся независимые государства – благодарные России за то, что она не угрожает им, и все более осознающие выгоды некоего союза с ней – к самой тесной экономической, а затем и политической интеграции с Россией, расширяя таким образом пределы этой страны и увеличивая ее мощь.

* * *

Проблема с таким подходом заключается в том, что он лишен внешнеполитического и внутривнутриполитического реализма. Хотя концепция «зрелого стратегического партнерства» и ласкает взор и слух, она обманчива. Америка никогда не намеревалась делить власть на земном шаре с Россией, да и не могла делать этого, даже если бы и хотела. Новая Россия была просто слишком слабой, слишком разоренной 75 годами правления коммунистов и слишком отсталой социально, чтобы быть реальным партнером Америки в мире. По мнению Вашингтона, Германия, Япония и Китай по меньшей мере так же важны и влиятельны. Более того, по некоторым центральным геостратегическим вопросам, представляющим национальный интерес Америки, – в Европе, на Ближнем Востоке и на Дальнем Востоке –

устремления Америки и России весьма далеки от совпадения. Как только неизбежно начали возникать разногласия – из-за диспропорций в сфере политической мощи, финансовых затрат, технологических новшеств и культурной притягательности – идея «зрелого стратегического партнерства» стала казаться дутой, и все больше русских считают ее выдвинутой специально для обмана России.

Возможно, этого разочарования можно было бы избежать, если бы Америка раньше, во время американо-российского «медового месяца», приняла концепцию расширения НАТО и одновременно предложила России «сделку, от которой невозможно отказаться», а именно – особые отношения сотрудничества между Россией и НАТО. Если бы Америка четко и решительно приняла концепцию расширения альянса с оговоркой, что Россия будет каким-либо образом включена в этот процесс, можно было бы, вероятно, избежать возникшего у Москвы впоследствии чувства разочарования «зрелым партнерством», а также прогрессирующего ослабления политических позиций «прозападников» в Кремле.

Временем сделать это была вторая половина 1993 года, сразу же после того, как Ельцин в августе подтвердил, что стремление Польши присоединиться к трансатлантическому альянсу не противоречит «интересам России». Вместо этого администрация Клинтона, тогда все еще проводившая политику «предпочтения России», мучилась еще два года, в течение которых Кремль «сменил пластинку» и стал все более враждебно относиться к появляющимся, но нерешительным сигналам о намерении Америки расширить НАТО. К 1996 году, когда Вашингтон решил сделать расширение НАТО центральной задачей политики Америки по созданию более крупного и более безопасного евроатлантического сообщества, русские встали в жесткую оппозицию. Следовательно, 1993 год можно считать годом упущенных исторических возможностей.

Нельзя не признать, что не все тревоги России в отношении расширения НАТО лишены законных оснований или вызваны недоброжелательством. Некоторые противники расширения НАТО, разумеется, особенно в российских военных кругах, воспользовались менталитетом времен холодной войны и рассматривают расширение НАТО не как неотъемлемую часть собственного развития Европы, а скорее как продвижение к границам России возглавляемого Америкой

и все еще враждебного альянса. Некоторые представители российской внешнеполитической элиты – большинство из которых на самом деле бывшие советские должностные лица – упорствуют в давней геостратегической точке зрения, что Америке нет места в Евразии, и что расширение НАТО в большей степени связано с желанием американцев расширить свою сферу влияния. В некоторой степени их оппозиция связана с надеждой, что не связанные ни с кем страны Центральной Европы однажды вернутся в сферу геополитического влияния Москвы, когда Россия «поправится».

Но многие российские демократы также боялись, что расширение НАТО будет означать, что Россия останется вне Европы, подвергнется политическому ostracismu и ее будут считать недостойной членства в институтах европейской цивилизации. Отсутствие культурной безопасности усугубляло политические страхи, что сделало расширение НАТО похожим на кульминацию давней политики Запада, направленной на изолирование России, чтобы оставить ее одну – уязвимой для различных ее врагов. Кроме того, российские демократы просто не смогли понять ни глубины возмущения населения Центральной Европы более чем полувековым господством Москвы, ни глубины их желания стать частью более крупной евроатлантической системы.

С другой стороны, возможно, что ни разочарования, ни ослабления российских «прозападников» избежать было нельзя. Новая российская элита, не единая сама по себе, с президентом и его министром иностранных дел, неспособными обеспечить твердое геостратегическое лидерство, не могла четко определить, чего новая Россия хочет в Европе, как не могла и реалистично оценить имеющиеся ограничения, связанные со слабостью России. Российские демократы, ведущие политические схватки, не смогли заставить себя смело заявить, что демократическая Россия не против расширения трансатлантического демократического сообщества и хочет входить в него. Мания получить одинаковый с Америкой статус в мире затруднила политической элите отказ от идеи привилегированного геополитического положения России не только на территории бывшего Советского Союза, но и в отношении бывших стран – сателлитов Центральной Европы.

* * *

Такое развитие обстановки сыграло на руку националистам, которые к 1994 году начали вновь обретать голос, и милитаристам, которые к тому времени стали критически важными для Ельцина сторонниками внутри страны. Их все более резкая и временами угрожающая реакция на чаяния населения стран Центральной Европы лишь усилила решимость бывших стран-сателлитов – помнящих о своем, лишь недавно обретенном освобождении от господства России, – получить безопасное убежище в НАТО.

Пропасть между Вашингтоном и Москвой углубилась еще больше из-за нежелания Кремля отказаться от всех завоеванных Сталиным территорий. Западное общественное мнение, особенно в Скандинавских странах, а также и в Соединенных Штатах было особо встревожено двусмысленным отношением России к Прибалтийским республикам. Признавая их независимость и не заставляя их стать членами СНГ, даже демократические российские руководители периодически прибегали к угрозам, чтобы добиться льгот для крупных сообществ русских колонистов, которых преднамеренно поселили в этих странах во времена правления Сталина. Обстановка была еще больше омрачена подчеркнутым нежеланием Кремля денонсировать секретное германо-советское соглашение 1939 года, которое проложило дорогу насильственному включению этих республик в состав Советского Союза. Даже через пять лет после распада Советского Союза представители Кремля настаивали (в официальном заявлении от 10 сентября 1996 года), что в 1940 году Прибалтийские государства добровольно «присоединились» к Советскому Союзу.

Российская постсоветская элита явно ожидала, что Запад поможет или, по крайней мере, не будет мешать восстановлению главенствующей роли России в постсоветском пространстве. Поэтому их возмутило желание Запада помочь получившим недавно независимость постсоветским странам укрепиться в их самостоятельном политическом существовании. Даже предупреждая, что «конфронтация с Соединенными Штатами – это вариант, которого следует избежать», высокопоставленные российские аналитики, занимающиеся вопросами внешней политики США, доказывали (и не

всегда ошибочно), что Соединенные Штаты добиваются «реорганизации межгосударственных отношений во всей Евразии... чтобы в результате на континенте было не одно ведущее государство, а много средних, относительно стабильных и умеренно сильных... но обязательно более слабых по сравнению с Соединенными Штатами, как по отдельности, так и вместе».

В этом отношении Украина имела крайне важное значение. Все большая склонность США, особенно к 1994 году, придать высокий приоритет американо-украинским отношениям и помочь Украине сохранить свою недавно обретенную национальную свободу рассматривалась многими в Москве – и даже «прозападниками» – как политика, нацеленная на жизненно важные для России интересы, связанные с возвращением Украины, в конечном счете, в общий загон. То, что Украина будет со временем каким-то образом «реинтегрирована», остается догматом веры многих из российской политической элиты. В результате геополитические и исторические сомнения России относительно самостоятельного статуса Украины лоб в лоб столкнулись с точкой зрения США, что имперская Россия не может быть демократической.

Кроме того, имелись чисто внутренние доводы, что «зрелое стратегическое партнерство» между двумя «демократиями» оказалось иллюзорным. Россия была слишком отсталой и слишком уж опустошенной в результате коммунистического правления, чтобы представлять собой жизнеспособного демократического партнера Соединенных Штатов. И эту основную реальность не могла затушевать высокопарная риторика о партнерстве. Кроме того, постсоветская Россия только частично порвала с прошлым. Почти все ее «демократические» лидеры – даже если они искренне разочаровались в советском прошлом – были не только продуктом советской системы, но и бывшими высокопоставленными членами ее правящей элиты. Они не были в прошлом диссидентами, как в Польше или Чешской Республике. Ключевые институты советской власти – хотя и слабые, деморализованные и коррумпированные – остались. Символом этой действительности и того, что коммунистическое прошлое все еще не разжало своих объятий, является исторический центр Москвы: продолжает существовать Мавзолей Ленина. Это равнозначно тому, что постнацистской Германией руководили бы

бывшие нацистские «гауляйтеры» среднего звена, которые провозглашали бы демократические лозунги, и при этом мавзолей Гитлера продолжал стоять в центре Берлина.

Политическая слабость новой демократической элиты усугублялась самым масштабом экономического кризиса в России. Необходимость широких реформ – чтобы исключить государство из экономики – вызвала чрезмерные ожидания помощи со стороны Запада, особенно США. Несмотря на то, что эта помощь, особенно со стороны Германии и США, постепенно достигла больших объемов, она даже при самых лучших обстоятельствах все равно не могла способствовать быстрому экономическому подъему. Возникшее в результате социальное недовольство стало дополнительной поддержкой для растущего круга разочарованных критиков, которые утверждают, что партнерство с Соединенными Штатами было обманом, выгодным США, но наносящим ущерб России.

* * *

Итак, в первые годы после крушения Советского Союза не существовало ни объективных, ни субъективных предпосылок для эффективного глобального партнерства. Демократически настроенные «прозападники» просто хотели очень многого, но сделать могли очень мало. Они желали равноправного партнерства – или скорее кондоминиума – с США, относительной свободы действий внутри СНГ и с геополитической точки зрения «ничьей земли» в Центральной Европе. Однако их двойственный подход к советской истории, отсутствие реализма во взглядах на глобальную власть, глубина экономического кризиса и отсутствие широкой поддержки во всех слоях общества означали, что они не смогут создать стабильной и подлинно демократической России, наличие которой подразумевает концепция «равноправного партнерства». России необходимо пройти через длительный процесс политических реформ, такой же длительный процесс стабилизации демократии и еще более длительный процесс социально-экономических преобразований, затем суметь сделать более существенный шаг от имперского мышления в сторону национального мышления, учитывающего новые

геополитические реальности не только в Центральной Европе, но и особенно на территории бывшей Российской империи, прежде чем партнерство с Америкой сможет стать реально осуществимым геополитическим вариантом развития обстановки.

При таких обстоятельствах неудивительно, что приоритет в отношении «ближнего зарубежья» стал основным элементом критики прозападного варианта, а также ранней внешнеполитической альтернативой. Она базировалась на том доводе, что концепция «партнерства» пренебрегает тем, что должно быть наиболее важным для России: а именно ее отношениями с бывшими советскими республиками. «Ближнее зарубежье» стало короткой формулировкой защиты политики, основной упор которой будет сделан на необходимость воссоздания в пределах геополитического пространства, которое когда-то занимал Советский Союз, некоей жизнеспособной структуры с Москвой в качестве центра, принимающего решения. С учетом этого исходного условия широкие слои общества пришли к согласию, что политика концентрирования на Запад, особенно на США, приносит мало пользы, а стоит слишком дорого. Она просто облегчила Западу пользование возможностями, созданными в результате крушения Советского Союза.

Однако концепция «ближнего зарубежья» была большим «зонтиком», под которым могли собраться несколько различных геополитических концепций. Эта концепция собрала под своими знаменами не только сторонников экономического функционализма и детерминизма (включая некоторых «прозападников»), которые верили, что СНГ может эволюционировать в возглавляемый Москвой вариант ЕС, но и тех, кто видел в экономической интеграции лишь один из инструментов реставрации империи, который может работать либо под «зонтиком» СНГ, либо через специальные соглашения (сформулированные в 1996 году) между Россией и Беларусью или между Россией, Беларусью, Казахстаном и Кыргызстаном; ее также разделяют романтики-славянофилы, выступающие за «Славянский союз» России, Украины и Беларуси, и, наконец, сторонники до некоторой степени мистического представления о евразийстве как об основном определении постоянной исторической миссии России.

В его самом узком смысле приоритет в отношении «ближнего зарубежья» включал весьма разумное предложение, что Россия должна

сначала сконцентрировать свои усилия на отношениях с недавно образовавшимися независимыми государствами, особенно потому, что все они остались привязанными к России реалиями специально поощряемой советской политики стимулирования экономической взаимозависимости среди них. Это имело и экономический, и геополитический смысл. «Общее экономическое пространство», о котором часто говорили новые российские руководители, было реальностью, которая не могла игнорироваться лидерами недавно образованных независимых государств. Кооперация и даже некоторая интеграция были настоящей экономической потребностью. Таким образом, содействие созданию общих институтов стран СНГ, чтобы повернуть вспять вызванный политическим распадом Советского Союза процесс экономической дезинтеграции и раздробления, было не только нормальным, но и желательным.

Для некоторых русских содействие экономической интеграции было, таким образом, функционально действенной и политически ответственной реакцией на то, что случилось. Часто проводилась аналогия между ЕС и ситуацией, сложившейся после распада СССР. Реставрация империи недвусмысленно отвергалась наиболее умеренными сторонниками экономической интеграции. Например, в важном докладе, озаглавленном «Стратегия для России», опубликованном уже в августе 1992 года Советом по внешней и оборонной политике группой известных личностей и высокопоставленных государственных чиновников, «постимперская просвещенная интеграция» весьма аргументированно отстаивалась как самая правильная программа действий для постсоветского экономического пространства.

Однако упор на «ближнее зарубежье» не был просто политически мягкой доктриной регионального экономического сотрудничества. В ее геополитическом содержании имелся имперский контекст. Даже в довольно умеренном докладе в 1992 году говорилось о восстановившейся России, которая в конечном счете установит стратегическое партнерство с Западом, партнерство, в котором Россия будет «регулировать обстановку в Восточной Европе, Средней Азии и на Дальнем Востоке». Другие сторонники этого приоритета оказались более беззастенчивыми, недвусмысленно заявляя об «исключительной роли» России на постсоветском пространстве и обвиняя Запад в

антироссийской политике, которую он проводит, оказывая помощь Украине и прочим, недавно образовавшимся независимым государствам.

Типичным, но отнюдь не экстремальным примером стало суждение Ю. Амбарцумова, председателя в 1993 году парламентского Комитета по иностранным делам и бывшего сторонника приоритета партнерства, который открыто доказывал, что бывшее советское пространство является исключительно российской сферой геополитического влияния. В январе 1994 года его поддержал, прежде энергичный сторонник приоритета партнерства с Западом, министр иностранных дел России Андрей Козырев, который заявил, что Россия «должна сохранить свое военное присутствие в регионах, которые столетиями входили в сферу ее интересов». И действительно, 8 апреля 1994 года «Известия» сообщили, что России удалось сохранить не менее 28 военных баз на территории недавно обретших независимость государств и линия на карте, соединяющая российские военные группировки в Калининградской области, Молдове, Крыму, Армении, Таджикистане и на Курильских островах, почти совпадает с линией границы бывшего Советского Союза.

* * *

В сентябре 1995 года президент Ельцин издал официальный документ по политике России в отношении СНГ, в котором следующим образом классифицировались цели России: «Главной задачей политики России по отношению к СНГ является создание экономически и политически интегрированного сообщества государств, которое будет способно претендовать на подобающее ему место в мировом сообществе... консолидация России в роли ведущей силы в формировании новой системы межгосударственных политических и экономических отношений на постсоюзном пространстве».

Следует отметить политический размах этого усилия, указание на отдельный субъект права, претендующий на «свое» место в мировой системе, и на доминирующую роль России внутри этого нового субъекта права. В соответствии с этим Москва настаивала на

укреплении политических и военных связей между Россией и недавно возникшим СНГ: чтобы было создано единое военное командование, чтобы вооруженные силы государств СНГ были связаны официальным договором, чтобы «внешние» границы СНГ находились под централизованным контролем (читай: контролем Москвы), чтобы российские войска играли решающую роль в любых миротворческих операциях внутри СНГ и чтобы была сформулирована общая внешняя политика стран СНГ, основные институты которого должны находиться в Москве (а не в Минске, как первоначально было решено в 1991 году), при этом президент России должен председательствовать на проводимых СНГ встречах на высшем уровне.

И это еще не все. В документе от сентября 1995 года также заявлялось, что «в странах «ближнего зарубежья» должно гарантироваться распространение программ российского телевидения и радио, должна оказываться поддержка распространению российских изданий в регионе и Россия должна готовить национальные кадры для стран СНГ.

Особое внимание должно быть уделено восстановлению позиций России в качестве главного образовательного центра на постсоветском пространстве, имея в виду необходимость воспитания молодого поколения в странах СНГ в духе дружеского отношения к России».

Отражая подобные настроения, Государственная Дума России в начале 1996 года зашла настолько далеко, что объявила ликвидацию Советского Союза юридически недействительным шагом. Кроме того, весной того же года Россия подписала два соглашения, обеспечивающих более тесную экономическую и политическую интеграцию между Россией и наиболее сговорчивыми членами СНГ. Одно соглашение, подписанное с большой помпой и пышностью, предусматривало создание союза между Россией и Беларусью в рамках нового «Сообщества Суверенных Республик» (русское сокращение «ССР» многозначительно напоминало сокращенное название Советского Союза – «СССР»), а другое соглашение, подписанное Россией, Казахстаном, Беларусью и Кыргызстаном, обуславливало создание в перспективе «Сообщества Объединенных Государств». Обе инициативы отражали недовольство медленными темпами объединения внутри СНГ и решимость России продолжать способствовать процессу объединения.

Таким образом, в акценте «ближнего зарубежья» на усиление центральных механизмов СНГ соединились некоторые элементы зависимости от объективного экономического детерминизма с довольно сильной субъективной имперской решимостью. Но ни то ни другое не дали более философского и к тому же геополитического ответа на все еще терзающий вопрос: «Что есть Россия, каковы ее настоящая миссия и законные границы?».

Это именно тот вакуум, который пыталась заполнить все более привлекательная доктрина евразийства с ее фокусом также на «ближнее зарубежье». Отправной точкой этой ориентации, определенной в терминологии, связанной скорее с культурой и даже с мистикой, была предпосылка, что в геополитическом и культурном отношении Россия не совсем европейская и не совсем азиатская страна и поэтому явно представляет собой евразийское государство, что присуще только ей. Это – наследие уникального контроля России над огромной территорией между Центральной Европой и Тихим океаном, наследие империи, которую Москва создавала в течение четырех столетий своего продвижения на восток. В результате этого продвижения Россия ассимилировала многочисленные нерусские и неевропейские народы, приобретая этим единую политическую и культурную индивидуальность.

* * *

Евразийство как доктрина появилось не после распада Советского Союза. Впервые оно возникло в XIX веке, но стало более распространенным в XX столетии в качестве четко сформулированной альтернативы советскому коммунизму и в качестве реакции на якобы упадок Запада. Русские эмигранты особенно активно распространяли эту доктрину как альтернативу советскому пути, понимая, что национальное пробуждение нерусских народов в Советском Союзе требует всеобъемлющей наднациональной доктрины, чтобы окончательный крах коммунизма не привел также к распаду Великой Российской империи.

Уже в середине 20-х годов нынешнего столетия это было ясно сформулировано князем Н. С. Трубецким, ведущим выразителем идеи

евразийства, который писал, что «коммунизм на самом деле является искаженным вариантом европеизма в его разрушении духовных основ и национальной уникальности русского общества, в распространении в нем материалистических критериев, которые фактически правят и Европой, и Америкой...

Наша задача – создать полностью новую культуру, нашу собственную культуру, которая не будет походить на европейскую цивилизацию... когда Россия перестанет быть искаженным отражением европейской цивилизации... когда она снова станет самой собой: Россией-Евразией, сознательной наследницей и носительницей великого наследия Чингисхана».

Эта точка зрения нашла благодарную аудиторию в запутанной постсоветской обстановке. С одной стороны, коммунизм был заклеен как предательство русской православности и особой, мистической «русской идеи», а с другой стороны – было отвергнуто западничество, поскольку Запад считался разложившимся, антирусским с точки зрения культуры и склонным отказать России в ее исторически и географически обоснованных притязаниях на эксклюзивный контроль над евразийскими пространствами.

Евразийству был придан академический лоск много и часто цитируемым Львом Гумилевым, историком, географом и этнографом, который в своих трудах «Средневековая Россия и Великая Степь», «Ритмы Евразии» и «География этноса в исторический период» подвел мощную базу под утверждение, что Евразия является естественным географическим окружением для особого русского этноса, следствием исторического симбиоза русского и нерусских народов – обитателей степей, который в результате привел к возникновению уникальной евразийской культурной и духовной самобытности. Гумилев предупреждал, что адаптация к Западу грозит русскому народу потерей своих «этноса и души».

Этим взглядам вторили, хотя и более примитивно, различные российские политики-националисты. Бывший вице-президент Александр Руцкой, например, утверждал, что «из геополитического положения нашей страны ясно, что Россия представляет собой единственный мостик между Азией и Европой. Кто станет хозяином этих пространств, тот станет хозяином мира». Соперник Ельцина по президентским выборам 1996 года коммунист Геннадий Зюганов,

несмотря на свою приверженность марксизму-ленинизму, поддержал мистический акцент евразийства на особой духовной и миссионерской роли русского народа на обширных пространствах Евразии, доказывая, что России предоставлены таким образом как уникальная культурная роль, так и весьма выгодное географическое положение для того, чтобы играть руководящую роль в мире.

Более умеренный и прагматичный вариант евразийства был выдвинут и руководителем Казахстана Нурсултаном Назарбаевым. Столкнувшись в своей стране с расколом между коренными казахами и русскими переселенцами, число которых почти одинаково, и стремясь найти формулу, которая могла бы как-нибудь ослабить давление Москвы, направленное на политическую интеграцию, Назарбаев выдвинул концепцию «Евразийского союза» в качестве альтернативы безликому и неэффективному СНГ. Хотя в его варианте отсутствовало мистическое содержание, свойственное более традиционному евразийскому мышлению, и явно не ставилась в основу особая миссионерская роль русских как лидеров Евразии, он был основан на той точке зрения, что Евразия – определяемая географически в границах, аналогичных границам Советского Союза, – представляет собой органичное целое, которое должно также иметь и политическое измерение.

Попытка дать «ближнему зарубежью» наивысший приоритет в российском геополитическом мышлении была в некоторой степени оправдана в том плане, что некоторый порядок и примирение между постимперской Россией и недавно образовавшимися независимыми государствами были абсолютно необходимыми с точки зрения безопасности и экономики. Однако несколько сюрреалистический оттенок большей части этой дискуссии придали давнишние представления о том, что политическое «объединение» бывшей империи было некоторым образом желательным и осуществимым, будь оно добровольным (по экономическим соображениям) или следствием в конечном счете восстановления Россией утраченной мощи, не говоря уже об особой евразийской или славянской миссии России.

* * *

Оппозиция идеям Москвы в отношении «интеграции» была особенно сильной на Украине. Ее лидеры быстро поняли, что такая «интеграция», особенно в свете оговорок России в отношении законности независимости Украины, в конечном счете приведет к потере национального суверенитета. Кроме того, тяжелая рука России в обращении с новым украинским государством: ее нежелание признать границы Украины, ее сомнения в отношении права Украины на Крым, ее настойчивые притязания на исключительный экстерриториальный контроль над Севастополем – все это придало пробудившемуся украинскому национализму явную антирусскую направленность. В процессе самоопределения, во время критической стадии формирования нового государства украинский народ, таким образом, переключился от традиционной антипольской или антирумынской позиции на противостояние любым предложениям России, направленным на большую интеграцию стран СНГ, на создание особого славянского сообщества (с Россией и Беларусью), или Евразийского союза, разоблачая их как имперские тактические приемы России.

Решимости Украины сохранить свою независимость способствовала поддержка извне. Несмотря на то, что первоначально Запад, и особенно Соединенные Штаты, запоздал признать важное с точки зрения геополитики значение существования самостоятельного украинского государства, к середине 90-х годов и США, и Германия стали твердыми сторонниками самостоятельности Киева. В июле 1996 года министр обороны США заявил: «Я не могу переоценить значения существования Украины как самостоятельного государства для безопасности и стабильности всей Европы», а в сентябре того же года канцлер Германии, невзирая на его мощную поддержку президента Ельцина, пошел еще дальше, сказав, что «прочное место Украины в Европе не может больше кем-либо подвергаться сомнению... Больше никто не сможет оспаривать независимость и территориальную целостность Украины». Лица, формулирующие политику США, также начали называть американо-украинские отношения «стратегическим партнерством», сознательно используя то же выражение, которое определяло американо-российские отношения.

Как уже отмечалось, без Украины реставрация империи, будь то на основе СНГ или на базе евразийства, стала бы нежизнеспособным

делом. Империя без Украины будет в конечном счете означать, что Россия станет более «азиатским» и более далеким от Европы государством. Кроме того, идея евразийства оказалась также не очень привлекательной для граждан только что образовавшихся независимых государств Средней Азии, лишь некоторые из которых желали бы нового союза с Москвой. Узбекистан проявил особую настойчивость, поддерживая противодействие Украины любым преобразованиям СНГ в наднациональное образование и противясь инициативам России, направленным на усиление СНГ.

Прочие члены СНГ также настороженно относятся к намерениям Москвы, проявляя тенденцию сгруппироваться вокруг Украины и Узбекистана, чтобы оказать противодействие или избежать давления Москвы, направленного на более тесную политическую и военную интеграцию. Кроме того, почти во всех недавно образовавшихся государствах углублялось чувство национального сознания, центром внимания которого все больше становится заклеивание подчинения в прошлом как колониализма и искоренение всевозможного наследия той эпохи. Таким образом, даже уязвимый с этнической точки зрения Казахстан присоединился к государствам Средней Азии в отказе от кириллицы и замене ее латинским алфавитом, как это ранее сделала Турция. В сущности, для препятствования попыткам России использовать СНГ как инструмент политической интеграции к середине 90-х годов неофициально сформировался скрыто возглавляемый Украиной блок, включающий Узбекистан, Туркменистан, Азербайджан и иногда Казахстан, Грузию и Молдову.

Настойчивость Украины в отношении лишь ограниченной и главным образом экономической интеграции лишила понятие «Славянский союз» какого-либо практического смысла. Распространяемая некоторыми славянофилами и получившая известность благодаря поддержке Александра Солженицына идея автоматически потеряла геополитический смысл, как только была отвергнута Украиной. Это оставило Беларусь наедине с Россией; и это также подразумевало возможное разделение Казахстана, поскольку заселенные русскими его северные районы могли потенциально стать частью этого союза. Такой вариант, естественно, не устраивал новых руководителей Казахстана и просто усилил антирусскую направленность казахского национализма. Для Беларуси «Славянский

союз» без Украины означал не что иное, как включение в состав России, что также разожгло недовольство националистов.

Короче говоря, геополитическая несостоятельность приоритета ориентации на «ближнее зарубежье» заключалась в том, что Россия была недостаточно сильной политически, чтобы навязывать свою волю, и недостаточно привлекательной экономически, чтобы соблазнить новые государства. Давление со стороны России просто заставило их искать больше связей за рубежом, в первую очередь с Западом, в некоторых случаях также с Китаем и исламскими государствами на юге. Когда Россия пригрозила создать свой военный блок в ответ на расширение НАТО, она задавала себе болезненный вопрос: «С кем?». И получила еще более болезненный ответ: самое большее – с Беларусью и Таджикистаном.

Новые государства, если хотите, были все больше склонны не доверять даже вполне оправданным и необходимым формам экономической интеграции с Россией, боясь возможных политических последствий. В то же время идеи о якобы присущей России евразийской миссии и о славянской загадочности только еще больше изолировали Россию от Европы и в целом от Запада, продлив, таким образом, постсоветский кризис и задержав необходимую модернизацию и вестернизацию российского общества по тому принципу, как это сделал Кемаль Ататюрк в Турции после распада Османской империи. Таким образом, акцент на «ближнее зарубежье» стал для России не геополитическим решением, а геополитическим заблуждением.

* * *

Если не кондоминиум с США и не «ближнее зарубежье», тогда какие еще геостратегические варианты имелись у России? Неудачная попытка ориентации на Запад для достижения желательного глобального равенства «демократической России» с США, что больше являлось лозунгом, нежели реальностью, вызвала разочарование среди демократов, тогда как вынужденное признание, что «реинтеграция» старой империи была в лучшем случае отдаленной перспективой, соблазнило некоторых российских геополитиков поиграть с идеей

некоего контральянса, направленного против гегемонии США в Евразии.

В начале 1996 года президент Ельцин заменил своего ориентированного на Запад министра иностранных дел Козырева более опытным, но ортодоксальным Евгением Примаковым, специалистом по бывшему Коминтерну, давним интересом которого были Иран и Китай. Некоторые российские обозреватели делали предположения, что ориентация Примакова может ускорить попытки создания новой «антигегемонистской» коалиции, сформированной вокруг этих трех стран с огромной геополитической ставкой на ограничение преобладающего влияния США в Евразии. Некоторые первые поездки и комментарии Примакова усилили такое впечатление. Кроме того, существующие связи между Китаем и Ираном в области торговли оружием, а также склонность России помочь Ирану в его попытках получить большой доступ к атомной энергии, казалось, обеспечивали прекрасные возможности для более тесного политического диалога и создания, в конечном счете, альянса. Результат мог, по крайней мере теоретически, свести вместе ведущее славянское государство мира, наиболее воинственное в мире исламское государство и самое крупное в мире по численности населения и сильное азиатское государство, создав таким образом мощную коалицию.

Необходимой отправной точкой для любого такого контральянса было возобновление двусторонних китайско-российских отношений на основе недовольства политической элиты обоих государств тем, что США стали единственной сверхдержавой. В начале 1996 года Ельцин побывал с визитом в Пекине и подписал декларацию, которая недвусмысленно осуждала глобальные «гегемонистские» тенденции, что, таким образом, подразумевало, что Россия и Китай вступят в союз против Соединенных Штатов. В декабре 1996 года премьер-министр Китая Ли Пен нанес ответный визит, и обе стороны не только снова подтвердили, что они против международной системы, в которой «доминирует одно государство», но также одобрили усиление существующих альянсов. Российские обозреватели приветствовали такое развитие событий, рассматривая его как положительный сдвиг в глобальном соотношении сил и как надлежащий ответ на поддержку Соединенными Штатами расширения НАТО. Некоторые даже

ликовали, что российско-китайский альянс будет для США отповедью, которую они заслужили.

Однако коалиция России одновременно с Китаем и Ираном может возникнуть только в том случае, если Соединенные Штаты окажутся настолько недальновидными, чтобы вызвать антагонизм в Китае и Иране одновременно. Безусловно, такая возможность не исключена, и действия США в 1995–1996 годах почти оправдывали мнение, что Соединенные Штаты стремятся вступить в антагонистические отношения и с Тегераном, и с Пекином. Однако ни Иран, ни Китай не были готовы связать стратегически свою судьбу с нестабильной и слабой Россией. Оба государства понимали, что любая подобная коалиция, как только она выйдет за рамки некоторой преследующей определенную цель тактической оркестровки, может поставить под угрозу их выход на более развитые государства с их исключительными возможностями по инвестициям и столь необходимыми передовыми технологиями. Россия могла предложить слишком мало, чтобы быть по-настоящему достойным партнером по коалиции антигегемонистской направленности.

Лишенная общей идеологии и объединенная лишь «антигегемонистскими» чувствами, подобная коалиция будет по существу альянсом части стран «третьего мира» против наиболее развитых государств. Ни один из членов такой коалиции не добьется многого, а Китай в особенности рискует потерять огромный приток инвестиций. Для России – аналогично – «призрак российско-китайского альянса... резко увеличит шансы, что она снова окажется почти отрезанной от западной технологии и капиталов», как заметил один критически настроенный российский геополитик. Такой союз в конечном счете обречет всех его участников, будь их два или три, на длительную изоляцию и общую для них отсталость.

Кроме того, Китай окажется старшим партнером в любой серьезной попытке России создать подобную «антигегемонистскую» коалицию. Имеющий большую численность населения, более развитый в промышленном отношении, более новаторский, более динамичный и потенциально вынашивающий определенные территориальные планы в отношении России, Китай неизбежно присвоит ей статус младшего партнера, одновременно испытывая нехватку средств (а возможно, и нежелание) для помощи России в преодолении ее отсталости. Россия,

таким образом, станет буфером между расширяющейся Европой и экспансионистским Китаем.

* * *

Таким образом, ни один из вариантов контральянса не является при ближайшем рассмотрении жизнеспособной альтернативой. Решение новой геополитической дилеммы России не может быть найдено ни в контральянсе, ни в иллюзии равноправного стратегического партнерства с США, ни в попытках создать какое-либо новое политически или экономически «интегрированное» образование на пространствах бывшего Советского Союза. Во всех них не учитывается единственный выход, который на самом деле имеется у России.

Для России единственный геостратегический выбор, в результате которого она смогла бы играть реальную роль на международной арене и получить максимальную возможность трансформироваться и модернизировать свое общество, – это Европа. И это не просто какая-нибудь Европа, а трансатлантическая Европа с расширяющимися ЕС и НАТО. Такая Европа, как мы видели в главе 3, принимает осязаемую форму и, кроме того, она, вероятно, будет по-прежнему тесно связана с Америкой. Вот с такой Европой России придется иметь отношения в том случае, если она хочет избежать опасной геополитической изоляции.

Для Америки Россия слишком слаба, чтобы быть ее партнером, но, как и прежде, слишком сильна, чтобы быть просто ее пациентом. Более вероятна ситуация, при которой Россия станет проблемой, если Америка не разработает позицию, с помощью которой ей удастся убедить русских, что наилучший выбор для их страны – это усиление органических связей с трансатлантической Европой. Хотя долгосрочный российско-китайский и российско-иранский стратегический союз маловероятен, для Америки весьма важно избегать политики, которая могла бы отвлечь внимание России от нужного геополитического выбора. Поэтому, насколько это возможно, отношения Америки с Китаем и Ираном следует формулировать также с учетом их влияния на геополитические расчеты русских. Сохранение

иллюзий о великих геостратегических вариантах может лишь отсрочить исторический выбор, который должна сделать Россия, чтобы избавиться от тяжелого заболевания.

Только Россия, желающая принять новые реальности Европы как в экономическом, так и в геополитическом плане, сможет извлечь международные преимущества из расширяющегося трансконтинентального европейского сотрудничества в области торговли, коммуникаций, капиталовложений и образования. Поэтому участие России в Европейском Союзе – это шаг в весьма правильном направлении. Он является предвестником дополнительных институционных связей между новой Россией и расширяющейся Европой. Он также означает, что в случае избрания Россией этого пути у нее уже не будет другого выбора, кроме как в конечном счете следовать курсом, избранным постоттоманской Турцией, когда она решила отказаться от своих имперских амбиций и вступила, тщательно все взвесив, на путь модернизации, европеизации и демократизации.

Никакой другой выбор не может открыть перед Россией таких преимуществ, как современная, богатая и демократическая Европа, связанная с Америкой. Европа и Америка не представляют никакой угрозы для России, являющейся неэкспансионистским национальным и демократическим государством. Они не имеют никаких территориальных притязаний к России, которые могут в один прекрасный день возникнуть у Китая. Они также не имеют с Россией ненадежных и потенциально взрывоопасных границ, как, несомненно, обстоит дело с неясной с этнической и территориальной точек зрения границей России с мусульманскими государствами к югу. Напротив, как для Европы, так и для Америки национальная и демократическая Россия является желательным с геополитической точки зрения субъектом, источником стабильности в изменчивом евразийском комплексе.

Следовательно, Россия стоит перед дилеммой: выбор в пользу Европы и Америки в целях получения ощутимых преимуществ требует в первую очередь четкого отречения от имперского прошлого и во вторую – никакой двусмысленности в отношении расширяющихся связей Европы в области политики и безопасности с Америкой. Первое требование означает согласие с геополитическим плюрализмом, который получил распространение на территории бывшего Советского

Союза. Такое согласие не исключает экономического сотрудничества предпочтительно на основе модели старой европейской зоны свободной торговли, однако оно не может включать ограничение политического суверенитета новых государств по той простой причине, что они не желают этого. В этом отношении наиболее важное значение имеет необходимость ясного и недвусмысленного признания Россией отдельного существования Украины, ее границ и ее национальной самобытности.

Со вторым требованием, возможно, будет еще труднее согласиться. Подлинные отношения сотрудничества с трансатлантическим сообществом нельзя основывать на том принципе, что по желанию России можно отказать тем демократическим государствам Европы, которые хотят стать ее составной частью. Нельзя проявлять поспешность в деле расширения этого сообщества, и, конечно же, не следует способствовать этому, используя антироссийскую тему. Однако этот процесс не может, да и не должен быть прекращен с помощью политического указа, который сам по себе отражает устаревшее понятие о европейских отношениях в сфере безопасности. Процесс расширения и демократизации Европы должен быть бессрочным историческим процессом, не подверженным произвольным с политической точки зрения географическим ограничениям.

* * *

Для многих русских дилемма этой единственной альтернативы может оказаться сначала и в течение некоторого времени в будущем слишком трудной, чтобы ее разрешить. Для этого потребуются огромный акт политической воли, а также, возможно, и выдающийся лидер, способный сделать этот выбор и сформулировать видение демократической, национальной, подлинно современной и европейской России. Это вряд ли произойдет в ближайшем будущем. Для преодоления посткоммунистического и постимперского кризисов потребуется не только больше времени, чем в случае с посткоммунистической трансформацией Центральной Европы, но и появление дальновидного и стабильного руководства. В настоящее

время на горизонте не видно никакого русского Ататюрка. Тем не менее, русским в итоге придется признать, что национальная редефиниция России является не актом капитуляции, а актом освобождения. Им придется согласиться с тем, что высказывания Ельцина в Киеве в 1990 году о неимперском будущем России абсолютно уместны. И подлинно неимперская Россия останется великой державой, соединяющей Евразию, которая по-прежнему является самой крупной территориальной единицей в мире.

Во всяком случае, процесс редефиниции «Что такое Россия и где находится Россия» будет, вероятно, происходить только постепенно, и для этого Запад должен будет занять мудрую и твердую позицию. Америке и Европе придется ей помочь. Им следует предложить России не только заключить специальный договор или хартию с НАТО, но и начать вместе с Россией процесс изучения будущей формы возможной трансконтинентальной системы безопасности и сотрудничества, которая в значительной степени выходит за рамки расплывчатой структуры Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). И если Россия укрепит свои внутренние демократические институты и добьется ощутимого прогресса в развитии свободной рыночной экономики, тогда не следует исключать возможности ее еще более тесного сотрудничества с НАТО и ЕС.

В то же самое время для Запада и, особенно, для Америки также важно проводить линию на увековечивание дилеммы единственной альтернативы для России. Политическая и экономическая стабилизация постсоветских государств является главным фактором, чтобы сделать историческую самопереоценку России необходимостью. Следовательно, оказание поддержки новым государствам – для обеспечения геополитического плюрализма в рамках бывшей советской империи – должно стать составной частью политики, нацеленной на то, чтобы побудить Россию сделать ясный выбор в пользу Европы. Среди этих государств три страны имеют особо важное значение: Азербайджан, Узбекистан и Украина.

Независимый Азербайджан может стать коридором для доступа Запада к богатому энергетическими ресурсами бассейну Каспийского моря и Средней Азии. И наоборот, подчиненный Азербайджан означал бы возможность изоляции Средней Азии от внешнего мира и политическую уязвимость при оказании Россией давления в целях

реинтеграции. Узбекистан, который с национальной точки зрения является наиболее важной и самой густонаселенной страной Средней Азии, является главным препятствием для возобновления контроля России над регионом. Независимость Узбекистана имеет решающее значение для выживания других государств Средней Азии, а кроме того, он наименее уязвим для давления со стороны России.

Однако более важное значение имеет Украина. В связи с расширением ЕС и НАТО Украина сможет в конечном счете решить, желает ли она стать частью той или другой организации. Вероятно, для усиления своего особого статуса Украина захочет вступить в обе организации, поскольку они граничат с Украиной и поскольку, вследствие происходящих на Украине внутренних перемен, она получает право на членство в этих организациях. Хотя для этого потребуется определенное время, Западу не слишком рано – занимаясь дальнейшим укреплением связей в области экономики и безопасности с Киевом – приступить к указанию на десятилетний период 2005–2015 годов как на приемлемый срок инициации постепенного включения Украины, вследствие чего уменьшится риск возможного возникновения у украинцев опасений относительно того, что расширение Европы остановится на польско-украинской границе.

Несмотря на протесты, Россия, вероятно, молча согласится с расширением НАТО в 1999 году и на включение в него ряда стран Центральной Европы в связи со значительным расширением культурного и социального разрыва между Россией и странами Центральной Европы со времени падения коммунизма. И напротив, России будет несравнимо труднее согласиться со вступлением Украины в НАТО, поскольку ее согласие означало бы признание ею того факта, что судьба Украины больше органически не связана с судьбой России. Однако, если Украина хочет сохранить свою независимость, ей придется стать частью Центральной Европы, а не Евразии, и если она хочет стать частью Центральной Европы, ей придется сполна участвовать в связях Центральной Европы с НАТО и Европейским Союзом. Принятие Россией этих связей тогда определило бы собственное решение России также стать законной частью Европы. Отказ же России стал бы равносителен отказу от Европы в пользу обособленной «евразийской» самостоятельности и обособленного существования.

* * *

Следует надеяться на то, что отношения сотрудничества между расширяющейся Европой и Россией могут перерасти из официальных двусторонних связей в более органичные и обязывающие связи в области экономики, политики и безопасности. Таким образом, в течение первых двух десятилетий следующего века Россия могла бы все более активно интегрироваться в Европу, не только охватывающую Украину, но и достигающую Урала и даже простирающуюся дальше за его пределы. Присоединение России к европейским и трансатлантическим структурам и даже определенная форма членства в них открыли бы, в свою очередь, двери в них для трех закавказских стран – Грузии, Армении и Азербайджана, – так отчаянно домогающихся присоединения к Европе.

Нельзя предсказать, насколько быстро может пойти этот процесс, однако ясно одно: процесс пойдет быстрее, если геополитическая ситуация оформится и будет стимулировать продвижение России в этом направлении, исключая другие соблазны. И чем быстрее Россия будет двигаться в направлении Европы, тем быстрее общество, все больше приобщающееся к принципам современности и демократии, заполнит «черную дыру» в Евразии. И действительно, для России дилемма единственной альтернативы больше не является вопросом геополитического выбора. Это вопрос насущных потребностей выживания.

*(Из книги З. Бжезинского «Великая шахматная доска»,
1998 г.)*

**О концепции «Великой русской цивилизации»
(из выступления З. Бжезинского в Центре Уилсона,
Вашингтон, 16 июня 2014 г.)**

Позвольте мне попытаться раскрыть возможные последствия украинского кризиса для архитектуры европейской безопасности в свете отношений между Россией и Западом. То, что мы сейчас наблюдаем на Украине, это, с моей точки зрения, не просто ссора, а симптом более серьезной проблемы – а именно, постепенного и устойчивого подъема российского квази-мистического шовинизма, который продолжается уже в течение шести или семи лет. Главную роль в этом сыграл Путин, и содержание этой новой концепции полностью определяет отношения России с миром в целом и с Западом в частности.

Недавно Российский совет по международным делам, московский институт, членами которого являются чрезвычайно уважаемые и выдающиеся ученые – не диссиденты, не независимые мыслители, которые в настоящее время тоже существуют в Москве – в сотрудничестве с «РИА-Новости» и Советом по внешней и оборонной политике опубликовали совместную статью, посвященную трансформации российской национальной идентичности и новой доктрине внешней политики. В ней достаточно подробно освещается процесс создания абсолютно новых концептуальных рамок для определения отношений России с миром – отношений, в которых, как считают россияне, они нуждаются после распада Советского Союза и частичной дезинтеграции Российской империи.

Это довольно длинная статья, но ее обязательно стоит прочитать тем, кто интересуется международными отношениями. В ней, в частности, речь идет о нескольких ключевых концептах, которые являются частью этого нового взгляда на мир. Взгляда на мир, определяемого необходимостью, которую россияне, окружающие Путина, и сам Путин остро ощущают, необходимостью более исчерпывающей интерпретации природы и положения России в мире и ее отношений с миром и с Западом в частности. Именно в этом контексте украинский вопрос приобретает особую значимость.

В этом докладе речь идет о четырех ключевых концепциях: во-первых, концепция «разделенного народа», во-вторых, тема «защиты сограждан за рубежом», в-третьих, тема «русского мира», в-четвертых, значение признания и сохранения, приятия и продвижения «Великой русской цивилизации». Я упомянул об этом, потому что считаю, что было бы ошибкой считать кризис в Крыму и на Украине продуктом внезапной вспышки гнева. В некотором смысле их можно считать таковыми, однако было бы гораздо умнее со стороны России проверить то, что она только что провернула, примерно через 10 лет. К тому времени она стала бы сильнее и крепче в экономическом плане.

Но все уже произошло, и эти концепции сыграли в этом значительную роль. Концепция разделенного народа – это отправная точка для шовинистических заявлений о том, что суверенитет России распространяется на всех русских людей, где бы они ни находились. И тем, кто знаком с историей Европы до начала Второй мировой войны, эти заявления неизбежно покажутся пугающе знакомыми. Разумеется, эта концепция приводит нас к идее защиты сограждан, проживающих за рубежом. И это имеет особое значение для тех государств, на территории которых проживают этнические русские и которые граничат с Россией. Концепции разделенного народа и защиты сограждан за рубежом приводят нас к идее русского мира. Под ним подразумевается органическое целостное единство всех русских людей, независимо от их места проживания. И эти места проживания могут быть изменены путем воссоединения этнических русских. Вспомните о странах Балтии.

Не менее важной является убежденность в том, что Россия не входит в состав западной цивилизации. Она также не является частью Китая. Она не является частью мусульманского мира. Считается, что Россия сама по себе является великой цивилизацией. Понятие «мировой цивилизации» включает в себя ряд принципов, некоторые из которых еще неизвестны в нашем обществе, таких как, к примеру, сильная приверженность к определенному религиозному учению, гораздо более сильная, чем на Западе, где религия представляет собой часть более сложного общественного устройства. Суть заключается в том, что великая русская цивилизация отстаивает определенные базовые ценности, не только религиозные, но и ценности, касающиеся межличностных отношений – к примеру, осуждение изменений в

отношениях между полами и внутри полов, которые в настоящее время происходят в мире. В результате Россия защищает сохранность определенных базовых убеждений, которые всегда характеризовали христианство, но с точки зрения россиян, то христианство сегодня предаёт свои основополагающие принципы. Итак, мы имеем дело с полноценным мировоззрением – амбициозным мировоззрением, которое оправдывает утверждение о том, что Россия – это мировая держава. И ничто в международном диалоге с Западом не задевало г-на Путина так сильно, как слова президента Обамы, который назвал Россию сильной региональной державой. Более обидной характеристики он дать не мог.

* * *

Понимание доктринальной основы мировоззрения Путина – это важная отправная точка для рассмотрения украинского вопроса. Украинский кризис – это не результат какой-то внезапной ссоры, как я уже говорил, а симптом более серьезной проблемы: появления политики, упакованной внутри более масштабной философской концепции. Таким образом, чего нам стоит ожидать? Если Украина является всего лишь симптомом проблемы, то решить эту проблему будет крайне трудно. Я думаю, для ее решения потребуется некоторое время. Но решение этой проблемы должно быть не односторонним, поскольку Запад имеет там свои интересы. И эти интересы должны принять форму разумной политики. Если украинскую проблему локализовать, со временем она, возможно, утратит свою остроту. Особенно если российский, все более космополитичный средний класс, который сейчас поднимает голову, но все еще остается довольно слабым, станет более значимым в политическом отношении, возможно, устав от ощущения своей уязвимости и разочаровавшись в Путине, и возьмет на себя более существенную политическую роль, когда Путин отойдет от дел. Но когда это случится? Этого предсказать невозможно. Может быть, скоро. Может быть, нет. Но многое зависит еще и от того, станет ли Украина симптомом успеха или краха путинского мировоззрения. Коротко говоря, ставки высоки.

Под этими ставками я подразумеваю, в том числе, и вопрос о том, что применение силы в Крыму и непрекращающиеся попытки дестабилизировать ситуацию в отдельных областях Украины являются серьезной угрозой для международных договоров, заключенных после Второй мировой войны, и в частности для идеи о недопустимости применения силы в решении территориальных споров. Эта идея стала основополагающим принципом того европейского порядка, который сформировался после Второй мировой войны. И Россия была его частью – в том числе благодаря тем соглашениям, которые она подписала. Но теперь она бросает им вызов. И это является серьезной угрозой, актуальной угрозой – по крайней мере, в психологическом смысле, но потенциально, особенно с учетом событий в Крыму, также и в военном. Это угроза для стран Балтии, Грузии, Молдовы. Это также угроза – не слишком ярко выраженная, но, возможно, даже более опасная – для Белоруссии, потому что у Белоруссии нет никакой внешней защиты. Другие государства, которые я упомянул, ее имеют, хотя и в разной степени.

Из всего вышесказанного следует, что украинская проблема – это угроза, с которой Западу необходимо бороться на трех уровнях. Мы должны решительно бороться с искушением применить силу, с которым сталкивается российское руководство. Проще говоря, мы должны предотвратить применение силы.

Во-вторых, мы должны добиться прекращения сознательных попыток России дестабилизировать ситуацию в восточных областях Украины. Очень трудно сказать, насколько амбициозными являются эти цели, но неслучайно в той части Украины, где доминируют русские, применение силы оказалось таким изощренным. Участники вооруженных конфликтов оказались хорошо вооруженными, у них было эффективное зенитное оружие и даже танки. Даже самые глубоко разочарованные граждане Украины, питающие неприязнь к ее правительству и не испытывающие привязанности к этой стране, не станут хранить такое оружие в подвалах и на чердаках своих домов. Это оружие им предоставили, чтобы они сформировали отряды, способные противостоять мощным военным формированиям. Это является формой межгосударственной агрессии. По-другому это назвать нельзя. Что бы вы почувствовали, если бы, скажем, банды наркоторговцев в США стали получать оружие из-за границы, от

нашего южного соседа, чтобы разжигать конфликт такого масштаба на постоянной основе? Это серьезная угроза. И это наша вторая задача.

* * *

Третья наша задача заключается в том, чтобы настоять и затем обсудить с россиянами формулу окончательного компромисса, который предполагает запрет на открытое и масштабное применение силы и на попытки дестабилизировать ситуацию. В свою очередь, это означает следующее – и я буду предельно откровенен в выражении своих мыслей по этому поводу. Украину необходимо поддержать, если она будет сопротивляться. Если Украина не будет сопротивляться, если беспорядок внутри страны сохранится и правительству не удастся организовать эффективную систему национальной защиты, тогда украинскую проблему нужно будет решать в одностороннем порядке, однако это может повлечь за собой последствия, которые, вероятно, окажут дестабилизирующее воздействие на уязвимые государства и на отношения между Востоком и Западом в целом. И силы шовинизма внутри России станут еще более решительными. Эти силы на самом деле представляют собой наиболее негативные аспекты современного российского общества: своего рода жажду национализма, самореализации, удовлетворение от осуществления власти. Однако эти черты нехарактерны для нового среднего класса, который в долгосрочной перспективе может стать приемлемой альтернативой.

Если Украину необходимо будет поддержать в ее попытках сопротивляться, украинцы должны знать, что Запад готов помочь им. И нет никаких причин скрывать эту готовность. Гораздо полезнее заявить о ней, сообщить украинцам и тем, кто им угрожает, что, если Украина будет сопротивляться, она получит оружие. И мы предоставим это оружие еще до того, как свершится сам акт вторжения. Поскольку в отсутствии этого оружия с искушением вторгнуться и опередить остальных будет крайне сложно бороться. Но значение имеет также и то, какое оружие мы предоставим. С моей точки зрения, это должно быть оружие, особенно эффективное в войне сопротивления в условиях крупных городов. Нет никакого смысла пытаться вооружить украинцев так, чтобы они могли противостоять

российской армии на открытом пространстве: российская армия – это тысячи танков и командующие, готовые применить сокрушительную силу. Нам стоит обратиться к урокам, которые мы извлекли из эпизодов сопротивления в условиях городов во время Второй мировой войны и войны в Чечне, чья столица была местом ожесточенных боев в течение трех месяцев. Суть в том, что, чтобы попытки вторжения стали успешными в политическом смысле, необходимо захватить крупнейшие города. Если крупные города, такие как Харьков или Киев, начнут сопротивляться и боевых действий в городских условиях будет не избежать, конфликт затянется и повлечет за собой огромные расходы. И главное заключается в том – именно в этом смысле время начала этого кризиса имеет большое значение – что Россия пока не готова пойти на такого рода шаг. Такой шаг повлечет за собой серьезные человеческие потери и огромные финансовые расходы. На него нужно потратить много времени, и он вызовет усиление давления со стороны международного сообщества.

Я считаю, что мы должны дать украинцам понять, что, если они готовы к сопротивлению, судя по их заявлениям и действиям (хотя и не слишком эффективным), мы предоставим им противотанковые орудия, ручные противотанковые орудия, ручные ракеты – то есть оружие, которое можно использовать в условиях города. Речь не идет о том, чтобы вооружать украинцев для нападения на Россию. Невозможно напасть на страну, такую как Россия, имея только оборонительное оружие. Но если у вас есть оборонительное оружие и доступ к нему, если вы знаете, что оно будет у вас, вы с гораздо большей вероятностью согласитесь на сопротивление. Таким образом, это начинает действовать как средство сдерживания, позволяя также проводить более эффективные операции по прекращению насилия, спонсируемого лицами на границе между Украиной и Россией. Это, с моей точки зрения, в любом случае поможет снизить риск и избежать искушения решить этот кризис при помощи оружия. С российской стороны, учитывая эйфорию вокруг успеха операции в Крыму, которая оказалась стремительной и решающей и которая не встретила никакого сопротивления, искушение повторить этот успех может оказаться весьма серьезным для лидера, который стремится одерживать масштабные победы.

В то же время мы должны принимать участие в поиске возможных вариантов компромиссного решения. Особенно в том случае, если россиянам и г-ну Путину станет ясно, что дестабилизация Украины и ее силовой захват представляют собой серьезную угрозу и могут оказаться недостижимыми. Таким образом, сдерживание должно сопровождаться попытками принять участие в диалоге. Какова формула возможного компромисса? Думаю, она довольно проста: Украина должна продолжать движение, публично поддерживаемое подавляющим большинством украинцев, по направлению к членству в Евросоюзе. Но это длительный процесс. Турки, к примеру, ждут вступления в Евросоюз уже 60 лет. Другими словами, на это потребуется время. Таким образом, опасность для России нельзя назвать близкой, а негативные последствия не являются слишком разрушительными.

В то же время мы должны убедить Россию в том, что Украина не станет членом НАТО. Я считаю, что это важно по ряду политических причин. Если вы посмотрите на карту, то поймете, что для России это очень важно с психологической и стратегической точек зрения. Таким образом, Украина не должна стать членом НАТО. Но по той же причине Россия должна понять, что Украина не станет членом мифического Евразийского союза, который президент Путин пытается продвигать на основании идеи об особом месте России в мире. Украина не будет членом Евразийского союза, но она может заключить отдельное торговое соглашение с Россией, особенно принимая во внимание тот факт, что некоторые формы обмена и торговли между ними являются взаимовыгодными. К примеру, сельскохозяйственная продукция, поставляемая Украиной в Россию. Промышленные товары, в которых нуждается Россия, также производятся на Украине. Не многие понимают, что некоторые из новейших российских ракет, большая часть самолетных двигателей российской гражданской авиации и даже часть ракет, используемых в США, производятся на Украине. Это выгодное и успешное промышленное предприятие. И его необходимо поддерживать путем заключения отдельного соглашения между Россией и Украиной.

* * *

Я считаю, что это со временем может стать по-настоящему привлекательным. И этот аспект должен быть озвучен в контексте открытых, а не тайных, попыток убедить россиян, что любое применение силы будет иметь негативные и долгосрочные последствия для самой России, не угрожая ее безопасности, но подразумевая повышение расходов на отстаивание своего авторитета за счет независимости Украины. С моей точки зрения, в этом контексте НАТО должно тоже действовать более решительно в вопросе защиты безопасности тех членов НАТО, которые граничат с Россией и где проживают многочисленные русские сообщества, составляющие примерно 25 % их населения. В частности я имею в виду Латвию и Эстонию. Америка подтвердила свое военное присутствие там. Я считаю, что было бы гораздо лучше, если бы ведущие европейские государства, такие как Германия, Франция и Соединенное Королевство, тоже разместили там своих военнослужащих. Чтобы на регулярной основе там была не только Америка. Это станет доказательством того, что члены НАТО держатся вместе. В международной политике символизм имеет такое же значение, как и решительность, и зачастую он может предотвратить более радикальные меры.

Учитывая современные последствия масштабного расширения НАТО за последние несколько десятилетий до 28 членов, было бы правильным в свете текущих событий еще раз провести оценку структуры этого альянса. В частности, я говорю об историческом парадоксе, заключенном в важнейшей Статье 5 его устава. В Статье 5 говорится о процедуре военного ответа на агрессию, направленную против всего блока или отдельных его членов. Несомненно, вы вспомните, что в Статье 5 есть строка о том, что решения относительно участия в конфликтах должны приниматься единогласно. Другими словами, это значит, что у любой страны есть право вето. Именно США настояли на включении этого условия в устав НАТО. Правительство США настояло на этом, чтобы получить поддержку сторонников изоляционизма в американском Конгрессе. Они опасались, что альянс такого рода нарушит американскую традицию отказа от участия в конфликтах на территории иностранных государств. К сожалению, сегодня, с учетом того, что в состав НАТО входят 28 государств, в различной степени приверженных выполнению

условий безопасности, ситуация оказалась обратной. Именно новые члены НАТО в определенных обстоятельствах начинают ссылаться на Статью 5. Вето одного государства не дает гарантии того, что НАТО не станет применять военную силу, потому что, я убежден, если такое произойдет после долгих дебатов, сильного возмущения и взаимных угроз, это государство будет вынуждено либо согласиться, либо выйти из состава альянса.

Одним из возможных вариантов может стать принятие условия о том, что те страны, которые систематически не выполняют обязательства, предусмотренные уставом НАТО, не могут иметь права вето. Некоторые члены этого альянса совершенно не выполняют своих обязательств, поэтому их членство в НАТО фактически представляет собой безбилетный проезд. Почему член альянса, который не выполняет своих обязательств, должен иметь право мешать другим членам НАТО осуществлять коллективную самооборону? Это аномалия и потенциальный источник проблем и путаницы. Поскольку этот кризис постепенно приближается к решению, я надеюсь, что НАТО пересмотрит свой устав и еще раз обсудит вопрос о принятии новых членов в альянс. Страна, в безопасности которой НАТО заинтересовано, вовсе необязательно должна становиться членом альянса. НАТО может принимать участие в обеспечении ее безопасности, но не принимать ее в свои ряды. Сейчас ведутся разговоры о новых членах Евросоюза. Возможно, некоторые из них захотят вступить в НАТО, и за последние несколько лет некоторым государствам удалось вступить в НАТО, несмотря на то, что территориально они удалены от возможных конфликтов на разделительной линии между Востоком и Западом. Я считаю, что дополнительное обсуждение в данном вопросе может принести определенную пользу, повысить авторитет НАТО и оказать давление на тех его членов, которые хотят быть его активными членами, чтобы они предпринимали больше усилий для выполнения своих обязательств.

* * *

Наконец, заглядывая далеко вперед, я считаю, что, так или иначе, при условии компромиссного решения или в его отсутствие, Крым станет тяжелым экономическим бременем для России. Нет никаких оснований полагать, что та разновидность экономической деятельности, которую достаточно успешно вел Крым – будучи местом отдыха туристов, куда прибывали международные лайнеры и приезжали иностранные туристы – будет сохранена. Поскольку международное сообщество формально не признало присоединение Крыма к России, разработка подводных ресурсов на территории Крыма станет невозможной для международных компаний, потому что они окажутся объектами исков различных заинтересованных сторон. Коротко говоря, Россия должна будет вкладывать огромные средства в экономическое развитие Крыма. С момента присоединения Крыма к России цены там выросли в три раза. Все это накладывает дополнительные обязательства на Россию, чья экономика остается достаточно слабой.

Более того, существует еще один аспект, который будет иметь большое значение в процессе развития Украины: Россия своими действиями настроила против себя около 40 миллионов человек. В отличие от других славян, украинцы в прошлом никогда не относились к России враждебно. Враждебное отношение украинцев к России – это новое явление, и с каждым днем его интенсивность растет. Таким образом, в этом отношении Украина со временем не только станет серьезной проблемой для России, но это еще и грозит окончательной потерей огромной территории – величайшей территориальной потерей в истории имперской экспансии России. А это в свою очередь может разрушить новую мифологию, касающуюся места и роли России в мире, с которой я начал свой доклад. Реальность может опровергнуть эту мифологию.

Именно поэтому я очень надеюсь, что развивающийся российский средний класс поймет, что та мифология, которую навязывает Путин и которую принимает значительная часть менее образованных и более шовинистически настроенных россиян, это дорога в никуда, что настоящее назначение России заключается в том, чтобы стать мощной европейской страной.

**У России нет другого выбора, кроме союза с Западом
(из выступления З. Бжезинского на презентации его книги
«Стратегический взгляд: Америка и кризис глобальной
силы» (Strategic Vision: America and the Crisis of Global
Power). Омель «Willard Intercontinental», Вашингтон, 10
февраля 2012 г.)**

...При взаимодействии с Россией нам следует помнить, что эта страна переживает период исторических внутренних перемен. В России еще нет демократии, потому что демократические движения происходят за пределами политической системы, но демократия начинает сосуществовать с политической системой как альтернатива.

Перемены в России очень похожи на то, что происходило в Польше с движением «Солидарность». Для России это означает две вещи: первое – общество начало осознавать проблемы системы, второе – люди перестали бояться. Да, были политические убийства, но они не сыграли на укрепление симпатий к Путину, наоборот. И это совершенно новая реальность для России...

Возможно, Россия под руководством Путина движется как раз в обратном направлении от демократизации, но с Путиным или без Путина, у нее нет иного выбора, кроме как движение в западном направлении. Новая Россия, в конечном итоге, встанет на западный путь развития.

**Россия после Путина
(из выступления З. Бжезинского в Конгрессе США, 8
декабря 2012 г.)**

...Я думаю, что Путин до какой-то степени сделал из себя заложника имперской ностальгии. Он производит впечатление человека, преданного идее о том, что величие России зависит от того, до какой степени Москва сможет оживить, активировать и переутвердить свою гегемонию на пространстве бывшей советской или Российской империи. И я думаю, что это представляет серьезную проблему – проблему видения и исторического направления. С моей точки зрения,

России с подобными взглядами и приоритетами будет очень сложно решить широкий спектр острых внутренних проблем в стране.

Советский Союз больше не существует, и Соединенные штаты не рассматривают Россию как врага. Существует проблемы в наших взаимоотношениях с Россией, но эти проблемы не свидетельствуют о стратегической ненависти или исторической вражде с нашей стороны. Я не очень уверен, что такое же отношение и у другой стороны – в особенности, у Путина.

Россия стоит перед проблемой сохранения суверенитета. Мой прогноз на длительный исторический период – оптимистический, потому что я уверен, что Россия меняется. Может быть, даже не вопреки Путину, а благодаря Путину. И после того, как Путин уйдет со сцены, процесс перемен значительно ускорится. Я не могу строить предположения о том, как долго Путин будет оставаться на политической сцене, но с тем уровнем разочарования внутри России, у меня возникает странное и очень субъективное ощущение, что Путин самоустраниется из политики – он больше не производит на меня впечатления того самоуверенного, энергичного и преувеличенно юного лидера.

Это – часть большой дилеммы в России сегодня – мне кажется, все больше россиян начинают понимать тот факт, что такая формула власти не способна обеспечить России лидирующую позицию на мировой арене, и все больше людей в стране обеспокоены неясностью будущего. Ситуацию в российском обществе сейчас, на мой взгляд, определяют два противоречивых процесса. Первый – всплеск крайнего национализма, проявления которого мы видим на улицах, на демонстрациях, но также и в политике, в частности, подобное допускает лично Путин.

Это движение охватывает значительную часть населения России, в особенности в окрестностях крупных городов. В какой-то степени, причины русского национализма объяснимы – больше 60 лет Россия даже не была обозначена на картах. Советский Союз был объединением социалистических республик, а Россия даже не была республикой. И вот сейчас мы видим всплеск русского национализма, в некотором смысле, примитивного национализма, и эта волна может быть действительно опасной. Но, в любом случае, она управляемая, потому что подчиняется инстинкту авторитаризма.

С другой стороны, в крупных городах растет совершенно отличная от националистической общественная прослойка – средний класс. В большинстве эти люди космополитичны. Они рациональны, открыты для мира и контактируют с миром через интернет, многие получают образование за рубежом, у многих есть вид на жительство в других странах, и многие из них хранят свои сбережения за границей. Я думаю, что эти две тенденции противостоят друг другу.

В краткосрочной перспективе националистическая тенденция потенциально может создать импульс для таких идей, как Евразийский союз, но если смотреть на вещи реально – кто захочет присоединиться к Евразийскому союзу? Я не думаю, что список будет длинным. Казахстан с Назарбаевым во главе? Очень сомнительно. Он и так очень хорошо маневрирует между Россией и Китаем и всем остальным миром. Каримов и Узбекистан? Еще меньше шансов – Узбекистан очень тверд в вопросах государственной независимости. Как насчет Януковича? Там был многообещающий шанс, но как оказалось, Янукович и его финансовые спонсоры больше заинтересованы в идентификации собственной территории почти так же, как банда. И они не хотят, чтобы другая банда занимала их территорию. Они говорят России: мы с вами, но это наша территория, и только мы обладаем правом красть и обманывать в этой зоне – это наше, а не ваше. И это определяет тон дискуссии о гегемонии России при режиме Путина. Лукашенко до какой-то степени в похожей позиции, хотя он уязвимее. Грузия становится возможным кандидатом на союз с Россией и это может стоить ей дружбы с США в связи с важностью нефтепровода Баку-Джейхан. Это лишь часть существующих в России проблем. Их намного больше.

Главное, что должны понять в России – для процветания и успеха ей нужно сближение с Западом, иначе она проиграет все Китаю. Демократизация – одно из главных условий процветания России. И я думаю, это случится уже после Путина. Можете считать это историческим оптимизмом, но я уверен, что сближение России с Западом неизбежно, и в результате этого сближения Россия получит огромную пользу.

Россия и Украина

Украинский урок для России

Так или иначе, события на Украине являются исторически необратимыми и эпохальными в плане геополитических трансформаций. Скорее раньше, чем позже, Украина по-настоящему станет частью демократической Европы. Скорее позже, чем раньше, но Россия последует за ней, если не самоизолируется и не превратится в застойный империалистический реликт.

Спонтанный всплеск отчетливого украинского патриотизма, вызванный лживостью развращенного и обогащающегося руководства, готового искать защиты у Москвы, говорит о том, что стремление к национальной независимости становится доминирующей политической реальностью. Это особенно заметно среди молодых украинцев, которые уже не ощущают себя чуть-чуть другой в языковом и историческом плане, но все-таки частью «матушки России».

Однако языковые различия сохраняются, и некоторые районы Украины чувствуют более тесную связь с Россией. Но поражает то, что даже некоторые наиболее активные сторонники евроинтеграции лишь недавно стали считать украинский язык своим собственным. Двадцать лет независимости, двадцать лет усиливающейся гордости за вновь открытую украинскую историю, а также свидетельства того, какие экономические выгоды западные соседи Украины получили от связей с Европой — все это создает новое мировоззрение. Это не антироссийское мировоззрение, но в нем утверждается собственно украинская историческая самобытность, а также неотъемлемая культурная принадлежность Украины к Европе в целом.

Вот почему Украина, так или иначе, будет неотвратимо сближаться с Европой. Удивляет то, что даже в соседней Белоруссии, которой правит авторитарный режим Лукашенко, начинает появляться такая же западная ориентация. Обе эти страны руководствуются не враждебным отношением к России, но каждая из них осознает, что ее

независимость и культурная идентичность все активнее указывают им путь на запад.

В предстоящие месяцы все-таки можно будет придумать какую-нибудь сделку между ЕС и Украиной. Чтобы облегчить эту работу, ЕС должен внимательнее прислушиваться к просьбам Киева об экономической и финансовой поддержке и откликаться на них. А украинцы должны понять, что европейских налогоплательщиков не прельщает перспектива платить за ошибки и моральное разложение нынешней киевской элиты. Затягивание поясов станет необходимым предварительным условием для подписания соглашения. Оно же станет проверкой Украины на решимость подтвердить свои европейские устремления. Киеву также придется показать, что исход выборов в стране не определяется лишением свободы политических соперников.

Последствия всего этого для России станут заметны в более отдаленной перспективе. Сегодняшняя геополитическая цель Москвы, определяемая навязчивой ностальгией президента Владимира Путина по имперскому прошлому России, состоит в воссоздании под новой личиной чего-то сродни Российской империи или более позднему Советскому Союзу.

Похоже, Путин руководствуется наивным представлением о том, что руководители постсоветских государств искренне согласятся на роль подчиненных в новом образовании под руководством Кремля. Некоторые лидеры действительно периодически выражают свою преданность этой формуле. Но делают они это неискренне, по необходимости, а не по убеждению. Независимость предпочтительнее для всех: она приятнее президентам, премьер-министрам, генералам, послам и тем, кто делает деньги в экономике у себя дома, а не в удаленной провинции огромной российской империи нового образца. История доказала, что национальная государственность после ее обретения входит в привычку, и отнять ее почти невозможно – разве что за счет мощной внешней силы.

Сегодня Россия не в состоянии силой и жестокостью восстанавливать свою прежнюю империю. Она слишком слаба, слишком отстала и слишком бедна. Ситуацию усугубляет демографический кризис. Обеспокоенность у России вызывает и то, что получившие независимость страны Центральной Азии все чаще

отдают предпочтение всесторонним связям с Китаем. Это порождает у нее кошмары по поводу давно уже назревающих территориальных претензий.

Пройдет еще немного времени, и элите российского общества станет ясно, что шансов на успех у Путина с его неуклюжими и деспотичными попытками очень мало. Рано или поздно он уже не будет президентом. И вскоре после его ухода Россия, и особенно ее нарождающийся средний класс, поймет, что единственный целесообразный путь – это подлинное превращение в современное, демократическое, а может, и в ведущее европейское государство.

(«The Financial Times», 11 декабря 2013 г.)

Что нужно знать об Украине

...Прошло уже больше месяца с того момента, когда россияне аннексировали Крым, и недавние события сумели только усугубить кризис: по некоторым данным, в пятницу пророссийские ополченцы сбили два украинских вертолета над удерживаемым сепаратистами Славянском. Тем не менее, президент пока не выступил с исчерпывающим заявлением, касающимся реальных ставок в этом конфликте: почему мы столкнулись с этой проблемой, почему в наших общих интересах решить ее вместе с россиянами и почему, если переговоры не помогут, мы будем обязаны помочь Украине. В первую очередь президент должен объяснить, почему мы не можем мириться с такой международной системой, в рамках которой бандиты позволяют себе захватывать другие страны, а ситуацию в них можно дестабилизировать из-за рубежа. И почему общую ответственность за это несем не только мы, но и наши союзники и друзья, такие как Китай, которые также крайне заинтересованы в сохранении стабильности.

В целом я поддерживаю те шаги, которые президент Обама уже предпринял. Учитывая ту разновидность демократического альянса, в котором мы состоим, я считаю, что он действовал именно так, как это было нужно в данных обстоятельствах. Но я виню его за то, что он до сих пор не обратился к американскому народу, чтобы спокойно и подробно разъяснить ситуацию. Он не сделал ни одного серьезного

заявления перед народом, чтобы рассказать о потенциальных рисках масштабного международного кризиса. Ему нужна поддержка американцев. Поэтому он должен убедить их, что этот кризис имеет большое значение и что его позиция заслуживает понимания и поддержки со стороны нации.

Обама также следует постараться сформировать на Западе убежденность в том, что мы все несем ответственность за этот кризис, и он должен донести до сознания Москвы, что мы настроены серьезно. Если мы хотим сдержать Россию, мы должны убедить ее, что ее агрессия повлечет за собой массу негативных последствий. Но так случится только в том случае, если украинцы будут сопротивляться. Поэтому нам следует приложить все усилия к тому, чтобы сесть с Россией за стол переговоров и одновременно помочь украинцам защитить себя в случае нападения. Украинцы будут сражаться, только если будут твердо знать, что, в конце концов, они получают помощь Запада, в частности, в виде поставок оружия, необходимого для успешной обороны городов. Украинцы не смогут разбить россиян на открытых пространствах, куда можно вывести тысячи танков. Они могут одолеть россиян только в длительном противостоянии в условиях городов. В этом случае россияне столкнутся с существенным ростом экономических издержек, а в политическом смысле эта война станет бесполезной. Но чтобы иметь возможность защитить город, нужно иметь противотанковое оружие, портативные ракеты и определенную организационную структуру.

В то же время мы должны изучить возможность найти переговорное решение кризиса на Украине вместе с Россией. Его еще можно выработать, если Россия захочет выстроить отношения с Украиной по образцу своих отношений с Финляндией, которая не является членом НАТО и в то же время принимает активное участие в делах Европы, несмотря на свои тесные связи с Россией. Обама должен убедить российского президента в том, что США готовы воспользоваться своим влиянием для того, чтобы гарантировать, что поистине независимая и территориально единая Украина будет вести в отношении России такую же политику, какую успешно ведет Финляндия: это должны быть отношения взаимного уважения, Украина должна получить возможность поддерживать экономические связи как с Россией, так и с Евросоюзом, и не должна вступать в

военные альянсы, которые Москва может счесть угрозой для своей безопасности. Финская модель может стать идеальным примером для Украины, Евросоюза и России.

Поскольку Россия боится, что Украина станет частью Евросоюза, я хотел бы напомнить россиянам, что для вступления в него стране необходимо сдать 32 различных экзамена. На это требуется время. Туркам, к примеру, сказали, что они могут попытаться вступить в Евросоюз в 1960-х годах – это 50 лет назад. Поэтому России не стоит опасаться стремительной интеграции Украины в Евросоюз.

Усиленные попытки изучить такой вариант развития событий могут оказаться весьма продуктивными, хотя убедить украинцев принять в них участие может быть довольно сложно. В любом случае сейчас мы столкнулись с реальной угрозой, поскольку Россия пытается силой изменить послевоенную систему обеспечения безопасности. Мы также столкнулись с вероятностью того, что в случае, если эти попытки увенчаются успехом, это приведет к усилению давления на наиболее уязвимых членов НАТО. Именно поэтому я считаю, что мы должны ясно дать россиянам понять, каков размер ставок в этой игре, насколько высокую цену им придется заплатить и какими могут быть параметры конструктивного решения.

(«Politico», США, 4 мая 2014 г.)

Три альтернативы для Путина по Украине

...Прошло три с лишним месяца с тех пор, как Владимир Путин произнес свою триумфаторскую речь в российском парламенте. В своем выступлении он ликовал в связи с военным захватом Крыма и наслаждался оргией шовинистических настроений. Путин явно смаковал этот энтузиазм и вряд ли серьезно задумывался о долгосрочных стратегических последствиях того процесса, который он запустил.

Прошло три месяца, и на фоне сохраняющейся неопределенности относительно будущего российско-украинских отношений, и также роста международных издержек для России Путин сталкивается с тремя основополагающими альтернативами.

1. Он может взять курс на достижение компромиссного соглашения с Украиной, прекратив нападки на ее суверенитет и экономическое благосостояние. Для этого нужна мудрость и настойчивость со стороны России, а также Украины и Запада. Такое компромиссное решение должно предусматривать прекращение российских усилий по дестабилизации Украины изнутри, положить конец угрозе масштабного вторжения и привести к некоему пониманию между Востоком и Западом, в рамках которого Россия молча согласится с тем, что Украина отправляется в длительный путь с целью вступления в Евросоюз. В то же время, надо четко заявить о том, что Украина не стремится к членству в НАТО, а Запад не рассматривает такую возможность. Россию не без оснований тревожит такая перспектива.

Кроме того, надо также четко дать понять, что Россия больше не надеется на вступление Украины в «Евразийский союз», который является весьма прозрачным прикрытием для возрождения чего-то, приблизительно напоминающего Советский Союз или царскую империю. Вместе с тем, это не должно мешать торговле между Россией и Украиной, поскольку обеим странам очень выгодны двусторонние торговые и финансовые отношения.

Международное сообщество может подтвердить свою поддержку такому выходу из сложившейся ситуации и вернуться к более нормальным отношениям с самой Россией, включая отмену санкций.

2. Путин может продолжить свое содействие плохо замаскированной военной интервенции, призванной нарушить нормальный ход жизни в некоторых районах Украины. Если Россия и дальше будет следовать этим курсом, очевидно, что Западу придется пойти на долговременные и по-настоящему карательные санкции, призванные продемонстрировать Москве болезненные последствия нарушения украинского суверенитета. При таком злополучном исходе в Восточной Европе могут появиться две экономики на грани краха: украинская из-за деструктивных действий России, и собственно российская.

3. Путин может напасть на Украину, задействовав гораздо более мощный военный потенциал России. Однако такие действия вызовут не только немедленные ответные меры возмездия со стороны Запада, но и могут спровоцировать сопротивление на Украине. Если это сопротивление будет устойчивым и активным, у членов НАТО возникнет стремление поддержать украинцев различными способами, и в этом случае конфликт для агрессора окажется весьма дорогостоящим.

В этом третьем случае последствия для Кремля будут следующими: возникнет постоянная враждебность по отношению к нему со стороны украинского населения, численность которого составляет более 40 миллионов человек, а Россия попадет в экономическую и политическую изоляцию, грозящую внутренними беспорядками.

Очевидно, что правильный выбор состоит в том, чтобы найти формулу компромисса, которая должна предусматривать неприменение Россией силы против Украины. Вопрос Крыма пока останется нерешенным, но он будет постоянно напоминать о том, что шовинистический фанатизм это не лучшая отправная точка для решения сложных вопросов. Именно поэтому действия Путина опасны не только для Запада, но, в конечном счете, и для самой России.

(«The Washington Post», США, 8 июля 2014 г.)

Пример Украины повлияет на Россию
(из статьи З. Бжезинского в «Financial Times», 18 июня 2014 г. и различных интервью за 2014 г.)

Украина рано или поздно сблизится с Европой. Молодое поколение украинцев уже не чувствует себя частью России. Половина населения Украины говорит по-русски, но это не значит, что они считают себя русскими. 85 % процентов жителей Украины поддерживают идею ее государственности.

На Украине сложилась новое мировоззрение – не антироссийское, но считающее Украину исконной частью Европы. Обновленное чувство идентичности соединилось со стремлением к процветанию, поэтому в будущем соглашение между Киевом и ЕС не исключено. Однако Евросоюзу следует прислушаться к финансовым нуждам Украины. А ей, в свою очередь, придется «затянуть пояс»: это станет тестом на решительность в отстаивании своих европейских стремлений. Украинцы должны понять, что европейских налогоплательщиков не радует перспектива оплачивать проступки и коррупцию киевской элиты.

Россия также не может достигнуть успехов в отношении своего будущего и процветания своих граждан без тяготения к более близким отношениям с Европой. Если она этого не сделает, она превратится в пустое пространство. Демографический кризис крайне серьезен, люди стареют. Рядом идет драматический рост Китая. Но Россия не сможет двигаться к Европе, пока думает о себе как об империи.

Россия не сможет развиваться из-за исключительной централизации – все решения принимаются в Москве. В результате этого остальные части страны развиваются медленно. Если бы в России сложилось содружество российских же республик с центрами на Дальнем Востоке, в Сибири и Москве, все регионы оказались бы в куда более выгодных позициях и смогли активно сотрудничать со своими соседями. Например, Дальний Восток в новой децентрализованной России смог бы наладить более серьезные связи с богатыми Китаем и Японией. Западная Россия могла бы скооперироваться со Скандинавскими странами. Столичная бюрократическая элита любит паразитировать на провинциальных регионах.

Российская геополитика определяется одержимостью Владимира Путина имперским прошлым. Россия стремится создать нечто, напоминающее Российскую империю или Советский Союз, и Путин наивно полагает, что лидеры бывших советских республик согласятся на подчиненную роль. Но история доказывает, что однажды

обретенная национальная государственность заразительна, и разрушить ее может лишь внешняя сила. Однако современная Россия слишком слабая, отсталая и бедная страна, чтобы насильственным способом восстановить былую империю.

Сейчас ясно, что судьба России больше не подразумевает контроля над половиной мира. Скорее вопрос стоит так: как ей пережить свою внутреннюю стагнацию и депопуляцию в контексте растущего Востока и пусть и сбитого с толку, но более богатого Запада. И именно поэтому западная политика подбадривания Украины к тесным связям с ЕС является критически важной предтечей стимулирования России к как можно более близкому вовлечению в Запад. Это не может случиться при президенте Путине, но внутренние предпосылки для демократической эволюции в России растут и, с моей точки зрения, в конечном счете перевесят. Русские сегодня так открыты миру, как никогда ранее.

Это лишь вопрос времени, когда российская элита поймет, что жесткие усилия Путина не имеют больших шансов на успех. Рано или поздно он перестанет быть президентом, и вскоре Россия поймет, что единственный разумный путь – это действительно современное, демократическое, возможно, даже ведущее европейское государство.

Пример Украины рано или поздно повлияет и на Россию. Она повернется к Европе и откажется от своего «наивного» проекта по воссозданию былой империи.

Политика Путина

Какое место займет Путин в пантеоне истории?

С ног до головы одетый в черное – даже водолазка была именно этого цвета (помнится, такой стиль в свое время предпочитал Бенито Муссолини) – бывший подполковник КГБ, а ныне президент Владимир Путин выступал перед тысячами восторженных молодых сторонников, собравшихся на московском стадионе 21 ноября 2007 года. Лейтмотивом его речи стало ксенофобское предостережение о нелояльности по отношению к государству, направленное против российских демократических неправительственных организаций, получающих субсидии из-за рубежа. «К сожалению, находятся еще внутри страны те, кто «шакалит» у иностранных посольств... рассчитывает на поддержку иностранных фондов и правительств, а не на поддержку своего собственного народа», – гремел Путин под аккомпанемент патриотических песен советской эпохи, несущихся из репродукторов; толпа размахивала российскими флагами.

Через несколько дней тот же Путин, казалось бы, склонился перед авторитетом российской конституции, подтвердив, что, как положено, покинет пост президента по окончании второго срока в марте 2008 года. Этот шаг, однако, сопровождался «помазанием» его лично подобранного преемника – давнего подчиненного по бюрократическим структурам и партнера по бизнесу Дмитрия Медведева. На следующий день человек, назначенный будущим президентом, выразил надежду, что Путин согласится занять в новой администрации пост премьер-министра. С учетом характера политической власти в России выборы тем самым автоматически превращались в фарс, а авторитет путинского преемника был, по сути, выхолощен. Как заметил один из ведущих российских экспертов, Путин – не уходящий президент, он просто меняет свой статус. Он был «национальным менеджером» страны, а после марта станет ее национальным лидером. В фашистской Италии номинальным главой государства был король, но реальная власть принадлежала «национальному лидеру» – Дуче.

Какое место отведет история в своем пантеоне человеку, которого американский президент однажды назвал «родственной душой», в честь которого английская королева устроила торжественный банкет в Букингемском дворце, чей день рождения президент Франции желал официально отпраздновать в рамках встречи, где по идее должны были участвовать только представители стран НАТО (даже не посоветовавшись с руководством Латвии, где проходило заседание), человеку, которому удалось «купить с потрохами» бывшего германского канцлера, сделав его деловым партнером, которому бывший итальянский премьер чуть ли не кланялся в пояс? Низкопоклонство западной прессы, сопровождавшее стремительное превращение Путина в мировую знаменитость, вознесло его на такой пьедестал, на котором не оказывался ни один российский лидер в истории – даже Александра I после победы над Наполеоном восторженные дамы в лондонских, парижских и венских салонах не превозносили с таким пылом.

* * *

Отчасти ответ на поставленный вопрос связан с долгосрочными негативными последствиями, которыми принимавшиеся Путиным решения, при всей их очевидной краткосрочной результативности, скорее всего, обернутся для российской политической системы, экономики и геополитических перспектив. Чтобы ответить на него, надо также сравнить ситуацию, складывающуюся сегодня в России в результате политики, проводимой Путиным на посту главы государства, с возможными альтернативными плодами его президентства, учитывая при этом сложные явления, преобладавшие в стране в начале 2000 года, когда Путина аналогичным образом отобрало в качестве будущего лидера встревоженное окружение его большого предшественника. Контраст между тем, что происходит сегодня, и тем, что могло произойти, таким образом, станет основой для более глубокой исторической оценки.

Для начала было бы уместно остановиться на немногочисленных имеющихся данных о внутренней мотивации человека, которому за восемь лет – признаем это – удалось стабилизировать российскую

экономику и вернуть народу национальную гордость, во многом за счет использования в политических целях неожиданно возросших доходов, связанных со спросом на российские энергоносители на международном рынке. Путин завоевал внутри страны широкую популярность из-за того, что он покончил с социальным хаосом, вызванным распадом Советского Союза, а затем – беспорядочной приватизацией государственных предприятий, за счет которой скандально обогатились наиболее предприимчивые российские приватизаторы и некоторые из их западных консультантов.

Многих россиян – а также иностранных туристов и полных энтузиазма потенциальных инвесторов – завораживает новообретенная сверкающая пышность Москвы и восстановленный во всем былом величии Санкт-Петербург. Возрождение гордости россиян за свою страну вполне понятно, если вспомнить, какое чувство унижения вызвал у них внезапный распад СССР и ельцинская эпоха, которую они ассоциировали с анархией и грабительским капитализмом. Многие соотечественники испытывают удовлетворение от повышенного внимания к Путину на международной арене; на них производит впечатление и возврат Кремля к помпезным церемониям времен царской империи. Благодаря телевидению каждый россиянин может периодически стать «гостем» Кремля: услышать торжественное пение фанфар и увидеть, как гвардейцы в театрально пышных мундирах раскрывают гигантские двери в раззолоченный зал, где представители российской элиты, выстроившиеся вдоль красной ковровой дорожки, поклонами приветствуют Путина, шествующего по ней энергичной походкой тренированного атлета.

Очевидно, что восстановление могущества и престижа России Путин с самого начала считал своей первостепенной задачей. Но сама констатация этого факта не проясняет, как именно он определял это могущество и престиж, какие основополагающие убеждения двигали им в этом стремлении, какие ценности, по мнению Путина, должна была представлять Россия, и как ей следовало относиться к собственному недавнему прошлому. Сам Путин никогда четко не излагал своих мотивов. В результате базой для гипотетической оценки некоторых его личных побуждений могут служить отрывочные косвенные данные, а также анализ конкретных результатов его политики.

Самым красноречивым свидетельством, пожалуй, следует признать одно его высказывание в ходе публичного выступления с очередным посланием к Федеральному собранию в 2005 году. Ничтоже сумняшеся он провозгласил в качестве практически самоочевидной истины: распад Советского Союза стал «крупнейшей геополитической катастрофой XX века». Этим – отнюдь не праздным – заявлением он резко дистанцировался от двух своих непосредственных преемников, приветствовавших мирный демонтаж советской империи как победу российского народа на пути к демократии. Невзирая на то, что в течение одного столетия его страна пережила две необычайно кровавые и разрушительные мировые войны, а также разгул коммунистического террора и ГУЛАГ, Путин четко продемонстрировал, что его волнует, прежде всего, возвращение России статуса мировой державы.

* * *

Этот примечательный эпизод также позволяет предположить, что еще одна реплика, воспринятая поначалу просто как шутка, могла иметь под собой более серьезную подоплеку: речь идет о странном «рапорте» Путина своим бывшим начальникам из КГБ в 2000 году на праздновании «Дня чекиста», учрежденного в честь советских органов госбезопасности – ЧК-НКВД-КГБ. Приехав в печально известную штаб-квартиру этой организации на Лубянке уже в качестве президента России, Путин, тем не менее, вел себя, как будто оставался ее сотрудником – отдал честь своим бывшим командирам и доложил: «Задание номер один по приобретению полной власти в стране выполнено». Не была ли эта загадочная фраза обтекаемым намеком на некую цель, которую поставила перед собой группа молодых и преданных сотрудников КГБ (включавшая и Путина), оставшихся не у дел и возмущенных жалким концом советской власти?

В период заката СССР сотрудники КГБ представляли собой привилегированную элиту, объединявшую самых талантливых и амбициозных людей, порожденных советской системой. Став президентом, Путин наводнил Кремль выходцами из этой неординарной организации – так называемыми «силовиками». Можно

предположить, что особое недовольство в связи с крушением СССР испытывали те, кто не успел добраться до вершины советской системы, но уже вкусил ее благ. В рядах этой группы стремление устранить последствия крушения и вернуть себе пьянящее ощущение власти, вероятно, было распространено больше, чем в любых других категориях бывшего советского чиновничества.

Свое личное мнение о преступлениях Иосифа Сталина Путин никогда не высказывал сколько-нибудь исчерпывающе или эмоционально. Периодически он осуждал сталинизм, но чисто формально, а дань памяти его жертвам воздавал лишь в минимальной степени. В одном из редких интервью, где он рассказывал о своей семье, Путин с особой привязанностью говорил о своем деде, невзирая на то – а возможно, насколько можно было понять из его реплик, отчасти именно из-за того – что тот служил в органах безопасности и обслуживал лично Владимира Ленина, а затем и Сталина. (Если бы у какого-нибудь германского лидера нашелся родственник вроде путинского деда, преданно служивший Адольфу Гитлеру, это вызвало бы международный скандал). То, что Путин публично участвует в торжествах, посвященных основателю советской тайной полиции, официально возражает против признания на Украине актом геноцида массового голода, вызванного сталинской коллективизацией, и негативно относится к тому, что в Прибалтике и Польше чтят память жертв массовых убийств, совершенных советскими властями, говорит о его весьма избирательном подходе к советскому прошлому.

Кроме того, особая ярость, которую проявил Путин при решении чеченской проблемы сразу после вступления в высокую должность, включая и его вульгарную публичную реплику о том, где именно следует уничтожать участников чеченского сопротивления, создает впечатление, что российский лидер с самого начала ставит перед собой задачу не только урегулировать этот кризис, поразивший постсоветскую Россию, но и вернуть Москве устрашающее могущество, которым она обладала в советские времена.

Путин категорически отверг несколько попыток умеренных чеченцев и иностранных посредников найти компромиссную формулу мирного урегулирования конфликта, основанную на расширении автономии республики. В любом случае многолетняя непрекращающаяся военная операция по подавлению сопротивления

чеченцев, жертвами которой стали, вероятно, более 100 тысяч жителей республики, обернулась двумя непосредственными и значимыми результатами системного характера. Во-первых, она привела к укреплению и реабилитации ослабленных и деморализованных советских органов безопасности, создавая тем самым политическую базу для гегемонии силовиков в Кремле, и, во-вторых, направила русский национализм в антидемократическое русло ксенофобии.

К 2004 году двое непосредственных предшественников Путина, Борис Ельцин и Михаил Горбачев, уже указывали на пагубные политические последствия непрекращающейся войны против чеченцев. Ельцин выразился со свойственной ему прямоотой: «Удушение свобод, свертывание демократических прав – это и есть, в том числе, победа террористов».

Горбачев пошел еще дальше, призывая начать процесс политического урегулирования: «Надо... идти на переговоры с умеренными боевиками, отсекай их от непримиримых экстремистов». Путин остался непреклонен.

* * *

Еще одним ключиком может служить очевидная личная неприязнь Путина к одному российскому олигарху, осмелившемуся заявить, что границы, разделяющие политический и финансовый сектора в постсоветской России, не должны в очередной раз размываться. Каковы бы ни были прегрешения Михаила Ходорковского в ходе приватизации по принципу «выживает богатейший» в ельцинскую эпоху, к началу XXI века он сам и его нефтяная компания «ЮКОС» стали символами экономической системы, приближенной к свободному рынку в его западном понимании. В то же время все более активная поддержка олигархом негосударственных демократических общественных организаций – как внутри страны, так и за ее пределами – отражала концепцию политического плюрализма, чуждую путинским, более традиционным представлениям о возрожденной России.

25 октября 2003 года Ходорковский был арестован, а 31 мая 2005 года приговорен к девяти годам тюрьмы. Его арест, осуждение и

длительное пребывание за решеткой, как и античеченская кампания, обернулись далеко идущими последствиями системного характера. Результатом стал «брак» политической власти с материальным богатством, переход России на рельсы государственного капитализма. Другие олигархи, запуганные, как бояре в далекие времена, склонились перед властью, получив взамен разрешение сохранить свои состояния, правда, при условии, что будут делиться ими с властью имущими. Угодничество олигархов стало нормой.

По сообщениям российских источников, сам Путин за этот период необычайно разбогател, что не может не вызывать подозрений. В начале ельцинской эпохи он был заместителем мэра Санкт-Петербурга Анатолия Собчака, о котором ходили упорные слухи, что он замешан в коррупции. В ходе второго президентского срока Путина некоторые из этих слухов вновь всплыли на поверхность: в частности, его имя связывалось с сомнительными сделками в Финляндии. В ноябре 2007 года старший научный сотрудник Института международной экономики им. Петерсона Андерс Аслунд, основываясь на конкретных утверждениях российских и германских источников о личном состоянии Путина, подсчитал, что оно должно достигать 41 миллиарда долларов. В значительной мере это состояние, как утверждает, состоит из ценных бумаг контролируемых государством топливно-энергетических компаний; в том числе 37 % акций «Сургутнефтегаза» и 4,5 % акций «Газпрома». Должно быть, одной из главных причин нежелания Путина отказаться от политической власти была озабоченность тем, как сохранить это богатство после ухода с поста главы государства.

«Силовики» тоже обогатились, следуя примеру «собственников» государства в Нигерии и Саудовской Аравии; часть их капиталов размещена за рубежом. На фоне разлагающегося слияния политической власти и личного обогащения в современной России привилегии советской коммунистической номенклатуры выглядят просто мелочью. И нынешний престолонаследник Путина Медведев, долгие годы возглавлявший Администрацию президента и одновременно совет директоров «Газпрома» – воплощает собой эту смычку.

Повальная коррупция среди власть предержащих, скорее всего, обернется одним косвенным, непредвиденным результатом. В долгосрочной перспективе, как и в других, богатых энергоресурсами

странах, где возникла аналогичная тенденция, коррумпированность элиты, в том числе размещение личных состояний за рубежом, может стать главной причиной возмущения в обществе – особенно после того, как запасы сырья истощатся. В краткосрочном же плане она вынуждает коррупционеров инстинктивно занимать оборонительную позицию – отсюда и конъюнктурное стремление Путина использовать национализм и ксенофобию в качестве инструмента, призванного мобилизовать общество в поддержку власть имущих, и одновременно отвлечь его внимание от привилегий последних.

* * *

Все это не похоже на образ политического фанатика-доктринера, стремящегося возродить сталинизм или Советский Союз. Путин предстает скорее безжалостным порождением КГБ, методичным и решительным националистом, который стремится вернуть России прежнее могущество, использует в конъюнктурных целях неожиданно пролившийся на Россию «золотой дождь», и одновременно не гнушается без лишнего шума наслаждаться материальными выгодами от политической власти и втайне их преумножать. Советское воспитание побуждает его с опасением относиться к демократии, а гордость за Советский Союз мешает осудить преступления сталинизма. По мнению Путина и его «силовиков», установление подлинно демократического строя поставило бы под угрозу и их власть, и их состояния. Таким образом, сочетание националистической гордыни и эгоистических материальных интересов вынуждает их строить государство, лишённое сталинского тоталитаризма или советского коллективизма, но одновременно отвергающее политический плюрализм и подлинно свободный рынок. В этой системе государство и экономика сращиваются и в теории, и на практике.

Об идеологии итальянского фашизма, с его цветистым стилем и скудным содержанием, напоминает и тот факт, что в выступлениях Путина не просматривается целостной концепции того, каким должны стать российское государство, экономика и общество. Националистическая «лакировка» прошлого и расплывчатые

упоминания о «суверенной демократии» не дают сколько-нибудь четких ориентиров относительно будущего страны. Путин, как правило, сосредоточивает внимание на краткосрочной перспективе, делая акцент на таких понятиях, как национальная гордость, могущество, статус на мировой арене, и экономический прогресс, но не основываясь на какой-либо более масштабной доктринальной схеме. Лейтмотивами его риторики обычно являются укрепление государства, максимальное преумножение его богатства, а также демонизация его внутренних и внешних врагов. На уровне политической символики его образ – будь то в наглядной агитации или на телевидении – персонифицирует «триумф воли».

Так или иначе, фактический контроль над политическими возможностями и финансовыми активами государства, а также дезориентация общественности позволяют Путину принимать решения, в совокупности толкающие Россию в трех основных направлениях: в политическом плане – к все более репрессивному авторитарному режиму, в экономике – к централизованному корпоративному этатизму, а во внешней политике – к явно реваншистской позиции. Каждое из этих направлений отражает не только личные пристрастия Путина, но и общие интересы его единомышленников – высшей политической элиты.

Не будем отрицать: к моменту прихода Путина к власти социально-экономическая система России была расстроена. Вопреки утверждениям его апологетов, конец этому социально-экономическому беспорядку не был положен, как по отдельности, так и в совокупности, ни беспощадными репрессиями против чеченцев; ни показательным процессом над Ходорковским и конфискацией его активов; ни все большим подчинением телевидения и радио политическому контролю; ни поэтапным восстановлением централизованного политического контроля над российскими регионами, со всеми их разнообразными особенностями; ни манипуляциями с выборным процессом; ни растущим вмешательством государства в деятельность неправительственных демократических организаций на том основании, что они угрожают суверенитету России; ни созданием властями политических партий, имеющих привилегированный доступ в СМИ; ни ограничением активности оппозиционных партий полицейскими методами; ни поддерживаемым властями

националистическим молодежным движением «Наши», преданным лично Путину; ни намеренным раздуванием контролируемые государством СМИ ксенофобских настроений для укрепления «национального единства». Кульминацией всего перечисленного стала неприкрытая манипуляция положениями конституции – а ведь принятие этого Основного закона в свое время расценивалось как доказательство окончательного вступления России в демократическое сообщество наций.

Политическую атмосферу в России еще больше отравляют загадочные убийства независимых журналистов, явно равнодушное отношение Путина к убийству главного критика его политики в Чечне Анны Политковской, и публично объявленное решение о предоставлении ФСБ полномочий на проведение ликвидаций за рубежом, за которым вскоре последовало шокирующее убийство в Лондоне «возмутителя спокойствия» – перебежчика из ФСБ Александра Литвиненко. Метод, избранный для устранения Литвиненко, позволяет предположить, что его организаторы намеренно предпринимали усилия с тем, чтобы замести следы этого убийства и одновременно причинить жертве максимум страданий, чтобы преподать наглядный урок всем недовольным сотрудникам ФСБ, которые решатся бежать за границу по политическим мотивам.

Хотя убийства Политковской и Литвиненко привлекли наибольшее внимание СМИ, их нельзя считать единичными случаями. У всех жертв «странных смертей» в России последнего времени были «неудобные» политические взгляды, что усиливает подозрения относительно того, что эти «странные смерти» были убийствами политического характера и осуществлялись под защитным зонтиком государства.

* * *

Если на раннем этапе, принимая соответствующие решения, Путин руководствовался стремлением наказать в назидание другим чеченцев, а затем Ходорковского, то постоянно усиливающиеся атаки на правовое наследие ельцинской эпохи во многом стали результатом личного и коллективного ощущения шаткости своих позиций,

охватившего российскую элиту. Результатам стали неприкрытые и все более деспотические манипуляции политическими процессами в России, кульминацией которых явились выборы в Думу в конце 2007 года, по сути представлявшие собой контролируемый государством плебисцит о доверии Путину.

Некоторые утверждают, что приостановка, а затем и свертывание демократизации в России были необходимы, чтобы излечить одолевавшие страну социально-экономические недуги. Приходится слышать и другой аргумент: деморализующий семидесятилетний советский период оставил в наследство аполитическую культуру, не благоприятствующую демократии. Следует, однако, отметить, что совокупным результатом путинского отката от демократии стало возникновение политической системы, не напоминающей ни советскую, ни германскую в период нацизма, ни китайскую. В отличие от сталинской или гитлеровской системы она, несомненно, не является тоталитарной. В нынешнем российском государстве нет ГУЛАГа, оно не разрабатывает планы геноцида, не стремится к всепроникающему контролю над жизнью общества, и не прибегает к массовому террору.

В отличие от тоталитаризма, нынешний российский репрессивный авторитаризм оставляет определенное пространство для инакомыслия на индивидуальном уровне, свободы слова в неофициальной обстановке, и тем более свободы в частной жизни, не связанной с политической сферой. В долгосрочном плане немалое политическое значение имеет тот факт, что граждане имеют право относительно свободно выезжать за рубеж – особенно те, кому это по карману. Кроме того, в отличие от китайских реформ, социальные преобразования в России не подчиняются каким-либо программным установкам.

В конечном итоге политическая устойчивость путинской авторитарной системы представляет собой производную от неожиданно обрушившегося на страну, но возможно преходящего, богатства, и полностью зависит от него. Именно с этим богатством связаны и пассивное согласие общества с происходящим, и популярность самого Путина. Тем не менее, зависимость системы от притока капиталов за счет добычи и экспорта сырьевых ресурсов обнаруживает и ее фундаментальную слабость. Происходящее в результате неприкрытое сосредоточение богатства на вершине властной пирамиды оказывает разлагающее, а в конечном итоге и

деморализующее воздействие на общество. Пока та часть богатства, которой власть делится с гражданами, достаточна, чтобы поддерживать ощущение общего роста благосостояния, социального брожения не происходит. Рано или поздно, однако, недовольство на индивидуальном, местном и региональном уровне, скорее всего, начнет накапливаться, создавая благоприятную почву для брожения в тех слоях общества, что уже не изолированы герметически от внешнего мира. Россияне, в отличие от жителей Нигерии и Саудовской Аравии, все больше отождествляют себя в социокультурном плане с западным образом жизни, и это, со временем, возможно, будет способствовать формированию у них более критически заостренного политического сознания.

В любом случае, Путин остановил, а затем и повернул вспять движение российской политической системы в сторону подлинной правовой демократии. Март 2008 года мог бы стать водоразделом в истории России. Ее демократизация при Ельцине носила непоследовательный, противоречивый, а временами и конфликтный характер. Тем не менее, 10 лет назад страна была свободнее, чем сегодня. Тогда еще не произошла институционализация либерально-демократического строя, но Россия, пусть и спотыкаясь, продвигалась именно в этом направлении. В таких условиях Путин все равно смог бы занимать господствующие позиции на политической арене, извлекая преимущества из улучшившегося финансового положения страны, и используя их для укрепления зачатков демократии в таких сферах, как обеспечение гражданских прав, свободы самовыражения и соблюдения правил приличия в политике. Однако прошлая карьера в спецслужбах, чисто советская великодержавная гордыня, а в конечном итоге, и беспокойство за накопленное состояние побуждали его идти в ином направлении – к явному ущербу для судеб страны.

Одним словом, восемь лет правления Путина стали периодом регресса в сторону произвола и репрессий в политической жизни, – а могли бы войти в историю как годы пусть и скромного, но поступательного движения к конституционной форме правления. Поворот в сторону авторитаризма в политической жизни страны стал результатом его выбора, а не неизбежной необходимости.

* * *

Конечной задачей созданной Путиным экономической системы было не раскрепощение инициативы граждан ради обновления российского общества, а укрепление позиций государства. Еще в Петербурге, работая заместителем далеко не аскетичного Собчака, Путин впервые напрямую столкнулся с притягательной силой денег и радостями, которые давало тайно накопленное состояние. Для бывшего офицера КГБ, получавшего скромное жалованье, это, должно быть, было новое и пьянящее ощущение. Вряд ли оно породило в нем ностальгию по непритязательному образу жизни в советскую эпоху. Но он, несомненно, осознал, насколько мощную формулу представляет собой соединение политической власти и личного богатства.

Когда Путин встал во главе постсоветской России, его шаги по воплощению этого симбиоза на практике подкреплялись императивами российской экономики – разладившейся, сбившейся с пути, утратившей ориентиры. Объем валового национального продукта (ВНП) резко сократился – настолько, что это рождало мрачные параллели с Великой депрессией в США. Особенно сильно пострадал советский средний класс – работники бюрократического аппарата, которые и раньше не могли похвастаться особенно высоким уровнем жизни. Регионы, веками находившиеся под управлением Москвы, вдруг стали независимыми государствами, требуя уважения к своему суверенитету и права на владение активами, находящимися на их территории. Типична в этом отношении судьба гигантской компании «Аэрофлот»: новые независимые государства унаследовали те из принадлежащих ей самолетов, что находились на их аэродромах в день роспуска СССР. Одновременно, осуществлявшаяся по принципу «хватай, что плохо лежит» приватизация государственных предприятий, работавших прежде в рамках плановой экономики, привела к сомнительному с юридической точки зрения, но баснословному обогащению узкой группы людей. Государственная розничная торговля попросту рухнула: ей на смену поначалу пришли мелкие частные торговые предприятия – зачастую представлявшие собой просто уличные лотки и киоски.

В этих условиях восстановление политического контроля над экономической жизнью страны представлялось соблазнительным способом решения проблемы в краткосрочной перспективе. Принудительный симбиоз путинских силовиков с новой олигархической прослойкой в буквальном смысле подпитывался притоком ликвидности и иностранными инвестициями, в основном связанными с растущим спросом на российские энергоносители в Европе. В результате положительное сальдо торгового баланса России в конце 2007 года составило солидные 128 миллиардов долларов, а объем золотовалютных резервов достиг 466 миллиардов долларов. Результаты экономического оживления особенно бросаются в глаза в Москве и Санкт-Петербурге – отчасти это связано с политическими решениями по реализации самых заметных, престижных проектов, призванных служить доказательством восстановления прежнего статуса России на международной арене, а отчасти с тем, что именно в этих двух городах традиционно сосредоточена социально-политическая элита страны.

Хотя другие регионы изменения затронули в меньшей степени, а в деревне их практически не видно, экономическое оживление воздействует и на более широкие круги общества. Оно стимулирует зарождение среднего класса, в составе которого растет доля людей, занимающихся индивидуальной предпринимательской деятельностью, или, по крайней мере, работающих за пределами госсектора, чье стремление к более высокому уровню жизни все больше определяется общемировыми стандартами потребления, характерными для городских слоев в эпоху глобализации. Для нарождающегося нового среднего класса, не говоря уже о действительно богатых и влиятельных людях, образ жизни, отличавший советскую эпоху, окончательно ушел в прошлое, и не вызывает никакой ностальгии.

Однако картина происходящего становится не столь однозначной, если от краткосрочной перспективы, по сути связанной с отчаянно необходимым оживлением экономики, обратиться к долгосрочной – т. е. будущему благосостоянию российского общества и конкурентоспособности страны на мировой арене. В том, что касается последней, негативное влияние на перспективы России, скорее всего, будут оказывать две определяющие характеристики российской экономики при Путине. Первая связана с тем, что решения

общенационального масштаба в экономической сфере принимаются узким кругом влиятельных в политическом плане чиновников, зачастую к тому же обладающих крупными личными состояниями. Вторая – появление в народном хозяйстве ряда корпораций с непрозрачной структурой владения (к примеру, основных энергетических компаний, промышленных предприятий и банков), в совокупности играющих преобладающую роль в повседневной экономической жизни страны. Многие малые частные предприятия в последние годы практически не развиваются, в то время как крупные корпорации демонстрируют значительный рост. Результатом стало возникновение системы «корпоративного этатизма», в рамках которой власть предрежающие ведут себя как владельцы компаний, не являясь ими юридически, а законные владельцы – их имена зачастую неизвестны – делятся доходами с представителями политической верхушки, и принимают решения совместно с ними.

* * *

Наиболее последовательно аргументы в пользу тезиса о том, что при Путине Россия превратилась в «корпоративное государство», излагает бывший экономический советник российского президента, а ныне один из его суровых критиков, Андрей Илларионов. Его выводы относительно последствий такого развития событий для будущего России неутешительны: «Сегодня, в начале XXI века, выбор такой системы означает не что иное, как сознательное предпочтение социальной модели, характерной для стран Третьего мира, а конкретнее – Ирана, Саудовской Аравии и Венесуэлы». Он также недвусмысленно указывает на ряд серьезных параллелей между этой моделью и корпоративным государством Муссолини. Подобная система по определению страдает перекосом в сторону политической конъюнктуры и делает наиболее прибыльными в финансовом плане краткосрочные проекты – в ущерб долгосрочным интересам страны и благосостоянию общества в целом.

Более того, перенос в политическую сферу процесса принятия финансово-экономических решений общенационального масштаба порождает паразитический правящий класс, душит конкуренцию и

инновации. То, что этот правящий класс, движимый эгоистическими интересами, сделает выбор в пользу укрепления государства, было очевидно. Первоначально слово «федерация» в официальном названии новой России, возникшей после крушения СССР с его тотальной государственной собственностью в экономике, было наполнено реальным содержанием – особенно в плане местного самоуправления, а значит и права регионов распоряжаться собственными финансами. Закрепление в конституции экономического разнообразия должно было способствовать возникновению на гигантских просторах России демократии «снизу», стимулировать предприимчивость и инициативу на местах.

Увы, вскоре все это было перечеркнуто намеренным и деспотическим решением Путина выхолостить понятие «федерация». Местные губернаторы уже не избираются населением регионов, а назначаются президентом. Распределение бюджетных средств вновь стало исключительной прерогативой Центра, и решения по развитию страны снова спускаются на места сверху. Тем самым была восстановлена многовековая традиция, характерная как для царской, так и для советской России – традиция монополизации власти и финансов Центром, их сосредоточения в руках паразитической в социальном плане и душащей экономическую инициативу московской правящей бюрократии. В начале 2005 года доходы самых богатых 10 % россиян превышали доходы самых бедных 10 % в 14,8 раза, а в Москве 10 % самых зажиточных получали в 51 раз больше, чем беднейшие 10 %.

Богатый правящий класс к тому же размещает миллиарды нажитых сомнительным путем долларов за границей – как законным образом, так и за счет отмывания денег. Сам Путин публично заявлял: «Мы с вами являемся свидетелями обналичивания миллиардов рублей ежемесячно в стране. Мы являемся свидетелями вывода огромных финансовых ресурсов за границу». Тем не менее, нельзя не предположить, что все это делалось при попустительстве властей, по крайней мере, на начальном этапе.

Хотя точно определить общую сумму этих средств крайне сложно, объемы капиталов, вывозящихся из России, существенно превышают бюджетные ассигнования Москвы на развитие регионов страны, чьи нужды игнорировались столь долгое время. При всем своем

национализме богатые российские силовики и олигархи предпочитают вкладывать капиталы в недвижимость на Ривьере и в Лондоне, или попросту переводить их в банки на Кипре и Каймановых островах.

Российский Дальний Восток, включающий Владивостокский регион, Камчатку и ряд северных районов Сибири, давно уже добивается крупных бюджетных ассигнований на модернизацию инфраструктуры, строительство жилья и др. Реально получаемые трансферты, однако, оказываются намного меньше оговоренных сумм. Пренебрежение со стороны Центра и ограниченность средств, имеющихся в распоряжении местных органов власти приводят к тому, что жители этого региона уезжают в пользующиеся большей благосклонностью Москвы западные и центральные области России, что усугубляет геополитические последствия серьезного демографического кризиса в стране и подрывает шансы на то, что усиление автономии регионов может привести к экономически выгодному сотрудничеству с близлежащими и более передовыми зарубежными странами, например Китаем, Японией, Южной Кореей и скандинавскими государствами.

Другим симптомом равнодушия Центра к положению российских окраин является состояние транспортной сети – она не только недостаточно развита, но и полностью устарела. В стране действует лишь одна трансконтинентальная железная дорога, и нет ни одной современной трансконтинентальной автострады. Более того, в России и сегодня не существует эквивалента американской межрегиональной автодорожной сети, созданной много десятилетий тому назад, или европейских автобанов, построенных еще в конце 1930-х годов. Хуже того: если в Китае за последние десять лет построено более 30 тысяч миль современных автодорог с многорядным движением, то Россия лишь приступила к сооружению первой такой автострады, решив, в конце концов, модернизировать двухрядную асфальтированную дорогу между Москвой и Санкт-Петербургом, проложенную по маршруту тракта, существующего еще со времен Петра Великого.

* * *

Информированных российских наблюдателей беспокоит и тот факт, что опора на доходы от экспорта нефти и газа ослабляет способность страны к поддержанию темпов технического прогресса и динамичного развития промышленности, необходимых в условии глобальной конкурентной борьбы за экономическое преобладание. Темпы обновления российской промышленной инфраструктуры – в советские времена заменялось до 8 % от имеющихся мощностей в год – сократились до 1–2 % (для сравнения: в развитых странах аналогичный показатель равен 12 % в год). Неудивительно, что, согласно докладу Всемирного банка, в 2005 году 74 % от общего российского экспорта приходилось на топливо, продукцию горнодобывающей промышленности и сельского хозяйства, а до 80 % ее импорта составляли готовые изделия.

Россия не только, как утверждается, отстала от развитых стран на 20 лет по уровню промышленных технологий; в стране внедряется в 20 раз меньше технических инноваций, чем в Китае, да и по объему ассигнований на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки она существенно уступает своему быстро развивающемуся геополитическому сопернику на востоке. Премьер-министр Китая Вэн Цзябао в ходе визита в Россию в 2007 году с удовлетворением отметил, что объем двусторонней торговли продукцией машиностроения достиг 6,33 миллиарда долларов в год. Однако из вежливости он умолчал о том, что из этой суммы 6,1 миллиардов приходится на экспорт китайского оборудования в Россию, и лишь 230 миллионов составляет китайский импорт аналогичной продукции из России. Ничего хорошего не сулит Москве и прогноз Организации экономического сотрудничества и развития на 2020 год: к этому времени Китай по объему ВВП должен превзойти Россию в 4 раза, да и Индия оставит ее позади.

Самым вопиющим недостатком путинского периода является отсутствие амбициозной программы по преобразованию России в подлинно передовое государство за счет возможностей, которые предоставляет значительное повышение цен на экспортируемые страной энергоносители. Подобная всеобъемлющая концепция отсутствует, и националистическая похвальба о превращении России в мировую энергетическую державу, естественно, не в состоянии ее заменить. Эта программа должна представлять собой нечто большее,

чем простой набор задач. Необходимо и четкое понимание того, что требуется для создания динамичной, современной, обеспечивающей благосостояние общества, технологически инновационной, творческой, конкурентоспособной, юридически транспарентной системы, способной успешно соперничать на мировой арене с ведущими технически передовыми державами. Центральное место в подобной программной концепции должно занимать устранение вопиющих изъянов, ухудшающих конкурентоспособность России в мировой экономике.

Несомненно, в краткосрочном плане путинскую экономическую политику следует расценить как успешную – ее результатом стали оживление в экономике, стабилизация и рост. Но в долгосрочном плане он упустил шанс твердо вывести Россию на путь построения действительно передового общества с производительной смешанной экономикой. Этого выбора Путин не сделал...

В заключение отметим: сегодня националистический авторитаризм и корпоративный этатизм с добавлением устаревшей имперской ностальгии тормозят историческое развитие России. Появляются, однако, и некоторые обнадеживающие признаки, свидетельствующие, что даже внутри самого путинского режима время от времени проявляются более «просвещенные» тенденции. В июне 2007 года, на Экономическом форуме в Санкт-Петербурге, собравшем большое число участников, недавно отправленный в отставку с поста министра экономического развития и торговли Герман Греф открыто оспорил точку зрения первого вице-премьера Сергея Иванова, считавшегося тогда наиболее вероятным преемником Путина, о том, что главную роль в строительстве инновационной экономики в стране должны играть контролируемые государством предприятия. В сценарии, разработанном самим Грефом – его министерство составило проект «Концепции социально-экономического развития России до 2020 год» – отмечалось, что ключевую роль с точки зрения будущей конкурентоспособности страны играют конституционные права, частная инициатива и защищенные законом экономические свободы.

Наконец, и это самое важное, молодое поколение россиян, которое в течение ближайшего десятилетия придет на смену ветеранам советского КГБ, отличается высоким уровнем образованием, и, напрямую или опосредованно, знакомо с западным образом жизни. По

сравнению со старшим поколением молодые куда позитивнее относятся к демократии. Так, по данным российского филиала Организации Гэллапа, 71 % россиян моложе 30 лет считают демократию наилучшей политической системой; в то же время эту точку зрения разделяет лишь половина людей старше 50.

Каковы бы ни были сегодня политические взгляды российской элиты, уже вскоре контакты с Западом неизбежно возымеют политический эффект, способствуя пересмотру ее мировоззрения. Подобный пересмотр имеет важнейшее значение для будущего России. О здравом смысле россиян свидетельствует хотя бы тот факт, что 80 % граждан страны сомневается, что она управляется в соответствии с волей народа. Как отмечает российский политолог Лилия Шевцова, «основополагающая проблема России связана не с ее гражданами, а с ее правящим классом. И здесь мы сталкиваемся со следующей особенностью развития России: правящий класс в нашей стране куда менее прогрессивен, чем народ... Людям никогда не предлагалась убедительная либерально-демократическая альтернатива». И то, что ее не предложил Путин, было как его осознанным выбором, так и серьезнейшей ошибкой.

Таким образом, из разочаровывающего опыта взаимодействия с Путиным Запад должен извлечь главный урок: более продуктивного результата можно добиться, не обхаживая наперебой кремлевского лидера, не теша его самолюбие, а скоординированными усилиями создавая для России убедительный геополитический контекст. Внешние условия следует сознательно формировать таким образом, чтобы будущие кремлевские лидеры пришли к выводу: демократия и сближение с Западом соответствуют как интересам России, так и их собственным.

К счастью, поскольку российских граждан уже невозможно изолировать от внешнего мира, возникает все больше шансов, что народ сделает этот вывод еще раньше, чем Кремль.

(«The Washington Quarterly». 14 марта 2008 г.)

Путин пытается запугать Запад атомной войной
(из выступления З. Бжезинского в американском Центре
стратегических и международных исследований, 17 ноября
2014 г.)

...Россия начала мечтать о могуществе, основываясь на иллюзиях о своем величии. Кремль последовательно реализовывает стратегию разделения Европы и развала европейско-американского союза.

Одним из путей к тому, чтобы вогнать Запад в «паралич» должно быть пробуждение реального страха перед возможным началом атомной войны. Напоминание миру о том, каким мощным ядерным арсеналом обладает Россия, сразу вызывает вопрос – не идем ли мы в сторону атомного конфликта? В последние десятилетия мы привыкли к мысли, что никто не стремится к атомному самоубийству, а сама игра этой картой – это как игра в русскую рулетку с пистолетом у виска...

Идеология вновь стала частью России. Работающие над ней в Кремле люди Владимира Путина втянули россиян в орбиту определенного стиля мышления о мире впервые, начиная с 90-х годов, когда идеология прекратила доминировать в этой стране. Составными частями этой идеологической конструкции является удивительная мешанина историзма, детерминизма, идеализма, но прежде всего национального шовинизма, а это рифмуется с другим типом национального движения, которое мы знаем из прошлого. В связи с этим сравнением нельзя не принимать во внимание последнее заявление Путина об «отпущении грехов пакту Молотова-Риббентропа». Лично я связывал бы упоминание пакта Молотова-Риббентропа с далекими полетами русских самолетов в никуда. Это в последнее время является странным увлечением Путина. Его первой целью является запугивание Европы

Идеология современной России опирается также на иллюзии о великом потенциале страны и убеждении, что Москва высказывается от имени всех русских на свете...

Что касается Украины, я считаю, что главной целью России на Украине является создание таких внутренних проблем, которые приведут к ситуации, когда независимость прекратит быть

рентабельной. Если независимость начнет ассоциироваться с непрерывными общественными конфликтами, индивидуальными проблемами в ежедневной жизни, тогда появятся вопросы о живучести страны. Потому я считаю, что Путин решился на войну, которая будет продолжаться в форме непрерывных тренировок.

Украина должна эффективно отбить у России желание вести войну. Только это может поставить крест на планах Путина.

Генри Киссинджер
Геополитика Америки и России

Новый миропорядок

Изменения в мире

(Из книги Г. Киссинджера «Дипломатия»)

В каждом столетии, словно следуя некоему закону природы, похоже, появляется страна, обладающая могуществом, волей, а также интеллектуальными и моральными стимулами, необходимыми, чтобы привести всю систему международных отношений в соответствие с собственными ценностями. В XVII веке Франция при кардинале Ришелье предложила новый тогда подход к вопросу международных отношений, основывавшийся на принципах государства-нации и провозглашавший в качестве конечной цели национальные интересы. В XVIII веке Великобритания разработала концепцию равновесия сил, господствовавшую в европейской дипломатии последующие двести лет. В XIX веке Австрия Меттерниха реконструировала «европейский концерт», а Германия Бисмарка его демонтировала, превратив европейскую дипломатию в хладнокровную игру силовой политики.

В XX веке ни одна страна не оказала столь решительного и одновременно столь амбивалентного влияния на международные отношения, как Соединенные Штаты. Ни одно общество не настаивало столь твердо на неприемлемости вмешательства во внутренние дела других государств и не защищало столь страстно универсальности собственных ценностей. Ни одна иная нация не была более прагматичной в повседневной дипломатической деятельности или более идеологизированной в своем стремлении следовать исторически сложившимся у нее моральным нормам. Ни одна страна не была более сдержанной в вопросах своего участия в зарубежных делах, даже вступая в союзы и беря на себя обязательства, беспрецедентные по широте и охвату.

Специфические черты, обретенные Америкой по ходу ее исторического развития, породили два противоположных друг другу подхода к вопросам внешней политики. Первый заключается в том, что Америка наилучшим образом утверждает собственные ценности, совершенствуя демократию у себя дома, и потому служит путеводным

маяком для остальной части человечества; суть же второго сводится к тому, что сами эти ценности накладывают на Америку обязательство бороться за их утверждение во всемирном масштабе. Разрываемая между ностальгией по патриархальному прошлому и страстным стремлением к идеальному будущему, американская мысль мечется между изоляционизмом и вовлеченностью в международные дела, хотя со времени окончания второй мировой войны превалирующее значение приобрели факторы взаимозависимости.

Оба направления мышления, соответственно трактующие Америку либо в качестве маяка, либо как борца-крестоносца, предполагают в качестве нормального глобальный международный порядок, базирующийся на демократии, свободе торговли и международном праве. Поскольку подобная система никогда еще не существовала, ее создание часто представляется иным чем-то утопическим, если не наивным. И все же исходивший из-за рубежа скептицизм никогда не замутнял идеализма Вудро Вильсона, Франклина Рузвельта или Рональда Рейгана, да и, по существу, всех прочих американских президентов XX века. Во всяком случае, он лишь подкрепил веру американцев в то, что ход истории можно переломить и что если мир действительно жаждет мира, то он должен воспользоваться американскими рецептами морального порядка.

Оба направления мышления являются продуктами американского опыта. Хотя существовали и существуют другие республики, ни одна из них не создавалась сознательно в целях утверждения и защиты идеи свободы. Никогда ни в одной другой стране население не избирало своей задачей освоение нового континента и покорение его диких пространств во имя свободы и процветания всех. Таким образом, оба подхода, изоляционистский и миссионерский, столь противоречивые внешне, отражают общую, лежащую в их основе веру в то, что Соединенные Штаты обладают лучшей в мире системой управления и все прочее человечество может достигнуть мира и процветания путем отказа от традиционной дипломатии и принятия свойственного Америке уважительного отношения к международному праву и демократии.

* * *

Вхождение Америки в международную политику превратилось в триумф веры над опытом. С того момента, как в 1917 году Америка вышла на мировую политическую арену, она была до такой степени уверена в собственных силах и убеждена в справедливости своих идеалов, что главнейшие международные договоры нынешнего столетия стали воплощением американских ценностей – начиная от Лиги наций и пакта Бриана – Келлога вплоть до Устава Организации Объединенных Наций и Заключительного акта совещания в Хельсинки. Крушение советского коммунизма знаменовало интеллектуальную победу американских идеалов, но по иронии судьбы поставило Америку лицом к лицу с таким миром, появления которого она на протяжении всей своей истории стремилась избежать. В рамках возникающего международного порядка национализм обрел второе дыхание. Нации гораздо чаще стали преследовать собственный интерес, чем следовать высокоморальным принципам, чаще соперничать, чем сотрудничать. И мало оснований полагать, будто старая как мир модель поведения переменялась либо имеет тенденцию перемениться в ближайшие десятилетия.

А вот действительно новым в возникающем мировом порядке является то, что Америка более не может ни отгородиться от мира, ни господствовать в нем. Она не в силах переменить отношения к роли, принятой на себя в ходе исторического развития, да и не должна стремиться к этому. Когда Америка вышла на международную арену, она была молода, крепка и обладала мощью, способной заставить мир согласиться с ее видением международных отношений. К концу второй мировой войны в 1945 году Соединенные Штаты обладали таким могуществом, что казалось, будто им суждено переделать мир по собственным меркам (был момент, когда на долю Америки приходилось примерно 35 % мировой валовой товарной продукции).

Джон Ф. Кеннеди уверенно заявил в 1961 году, что Америка достаточно сильна, чтобы «заплатить любую цену, вынести любое бремя» для обеспечения успешного воплощения идеалов свободы. Три десятилетия спустя Соединенные Штаты уже в гораздо меньшей степени могут настаивать на немедленном осуществлении всех своих желаний. До уровня великих держав доросли и другие страны. И теперь, когда Соединенным Штатам брошен подобный вызов, приходится к достижению своих целей подходить поэтапно, причем

каждый из этапов представляет собой сплав из американских ценностей и геополитических потребностей. Одной из таких потребностей является то, что мир, включающий в себя ряд государств сопоставимого могущества, должен основывать свой порядок на какой-либо из концепций равновесия сил, то есть базироваться на идее, существование которой всегда заставляло Соединенные Штаты чувствовать себя неудобно.

Когда на Парижской мирной конференции 1919 года столкнулись американская трактовка внешней политики и европейские дипломатические традиции, трагически очевидной стала разница в историческом опыте. Европейские лидеры стремились подправить существующую систему привычными методами; американские же миротворцы искренне верили, что Великая война явилась следствием не каких-либо неразрешимых геополитических конфликтов, но характерных для Европы и порочных по сути интриг. В своих знаменитых «Четырнадцать пунктов» Вильсон поведал европейцам, что отныне система международных отношений должна строиться не на концепции равновесия сил, а исходя из принципа этнического самоопределения, что их безопасность должна зависеть не от военных союзов, а от коллективных действий, и что их дипломатия более не должна быть тайной и находиться в ведении специалистов, а должна основываться на «открытых соглашениях, открыто достигнутых». Безусловно, Вильсон добивался не столько обсуждения условий окончания войны или восстановления существовавшего международного порядка, сколько преобразования всей системы международных отношений, функционировавшей на протяжении почти трех столетий.

Ибо как только американцы принимались рассуждать по поводу внешней политики, то приходили к тому, что все трудности, переживаемые Европой, порождены системой равновесия сил. И с того момента, как Европа впервые вынуждена была проявлять интерес к американской внешней политике, ее лидеры с подозрением отнеслись к принятой на себя Америкой миссии реформировать мир. Каждая из сторон вела себя так, будто другая сторона произвольно избрала метод дипломатического поведения, но оказалась одна из них более мудрой или менее воинственной, она бы выбрала какой-либо иной, более приемлемый метод.

* * *

На самом деле как американский, так и европейский подходы к внешнеполитическим проблемам являлись производными их собственных, уникальных условий существования. Американцы заселили почти пустынный континент, огражденный от держав-хищников двумя огромными океанами, причем их соседями были весьма слабые страны. И поскольку Америка не сталкивалась ни с одной из держав, с силами которой ей надо было бы обрести равновесие, она вряд ли задалась бы задачей поддержания подобного равновесия, даже если бы ее лидерам пришла в голову невероятная мысль скопировать европейские условия для народа, повернувшегося к Европе спиной.

Дилеммы безопасности, вызывавшие душевную боль и муки у европейских стран, не имели отношения к Америке почти сто пятьдесят лет. А когда они ее коснулись, Америка дважды приняла участие в мировых войнах, начатых европейскими нациями. В каждом из этих случаев к тому моменту, как Америка оказалась вовлечена в войну, принцип равновесия сил уже не действовал, из чего происходила парадоксальная ситуация: то самое равновесие сил, которое с негодованием отвергало большинство американцев, оказывалось, как раз и обеспечивало их безопасность, пока оно функционировало в соответствии с первоначальным замыслом; и именно его нарушение вовлекало Америку в сферу международной политики.

Европейские страны избрали концепцию равновесия сил как способ урегулирования межгосударственных отношений вовсе не из врожденной страсти к ссорам и сварам или характерной для Старого Света любви к интригам. Если демократия и принципы международного права стали основополагающими для Америки вследствие свойственного только ей ощущения безопасности, то европейская дипломатия была выкована в горниле тяжких испытаний.

Европа была брошена в пучину политики равновесия сил тогда, когда ее первоначальный выбор – средневековую мечту об универсальной империи – постиг крах, и на развалинах прежних грез и устремлений возникла группа государств, более или менее равных по

силе. И когда государства, появившиеся на свет подобным образом, вынуждены были взаимодействовать друг с другом, возможны были только два варианта: либо одно из государств этой группы окажется до такой степени сильным, что сможет господствовать над другими и создать империю, либо ни одно из них не окажется достаточно сильным для достижения подобной цели. В последнем случае претензии наиболее агрессивного из членов международного сообщества будут сдерживаться совокупностью всех прочих; иными словами, посредством функционирования равновесия сил.

Система равновесия сил не предполагала предотвращения кризисов или даже войн. Функционируя нормально, она, согласно замыслу, лишь ограничивала масштабы конфликтов и возможности одних государств господствовать над другими. Целью ее был не столько мир, сколько стабильность и умеренность. По сути своей система равновесия сил не в состоянии полностью удовлетворить каждого из членов международного сообщества; наилучшим образом она срабатывает тогда, когда способна снизить уровень неудовлетворенности до такой степени, при которой обиженная сторона не стремится ниспровергнуть международный порядок.

Теоретики системы равновесия сил часто представляют дело так, будто бы она как раз и является естественной формой международных отношений. На самом деле система равновесия сил в истории человечества встречается крайне редко. Западному полушарию она вообще неизвестна, а на территории современного Китая она в последний раз применялась в конце эпохи «сражающихся царств» более двух тысяч лет назад. На протяжении наиболее длительных исторических периодов для подавляющей части человечества типичной формой правления была империя. У империй не было никакой заинтересованности действовать в рамках международной системы; они сами стремились быть международной системой. Империи не нуждаются в равновесии сил. Именно подобным образом Соединенные Штаты проводили внешнюю политику на всей территории Американского континента, а Китай на протяжении большей части своего исторического существования – в Азии.

* * *

На Западе единственными примерами функционирующих систем равновесия сил могут служить государства-полисы Древней Греции и государства-города в Италии эпохи Возрождения, а также система европейских государств, порожденная Вестфальским миром 1648 года. Характерной особенностью всех этих систем являлось превращение конкретного факта существования множества государств, обладающих примерно равной мощностью, в ведущий принцип мирового порядка.

С интеллектуальной точки зрения концепция равновесия сил отражала убеждения всех крупнейших политических мыслителей эпохи Просвещения. Согласно их представлениям, вселенная, включая сферу политики, функционировала на основе рациональных принципов, уравнивающих друг друга. Внешне будто бы не связанные друг с другом действия разумных людей якобы должны были в совокупности вести к всеобщему благу, хотя в век почти не прекращающихся конфликтов, последовавших за окончанием Тридцатилетней войны, доказательства подобной гипотезы носили весьма иллюзорный характер.

Адам Смит в своем труде «Богатство наций» утверждал, что будто бы «невидимая рука» из эгоистических экономических деяний индивидов извлекает всеобщее экономическое благополучие. В статьях «Федералиста» Мэдисон доказывал, что в достаточно крупной республике различные политические «фракции», эгоистично преследующие собственные интересы, способны при помощи автоматически действующего механизма выковать надлежащую внутреннюю гармонию. Концепции разделения властей, а также сдержек и противовесов, представленных Монтескье и воплощенных в американской конституции, отражают ту же точку зрения. Целью разделения властей было предотвращение деспотизма, а не достижение гармоничной системы управления; каждая из ветвей системы управления, преследуя собственные интересы, но воздерживаясь от крайностей, должна была служить делу достижения всеобщего блага. Те же принципы применялись к международным отношениям. Предполагалось, что, преследуя собственные эгоистические интересы, всякое государство все равно служит прогрессу, а некая «невидимая рука» в конце концов сделает так, что свобода выбора для каждого из государств обернется благополучием для всех.

В течение более чем одного столетия казалось, что ожидания эти сбылись. После пертурбаций, вызванных Французской революцией и наполеоновскими войнами, европейские лидеры на Венском конгрессе 1815 года восстановили равновесие сил, и на смену ставке на грубую силу стали приходить поиски умеренности в отношении поведения стран на международной арене благодаря введению моральных и юридических сдерживающих факторов. И все же к концу XIX века система европейского равновесия вернулась к принципам силовой политики, причем в обстановке гораздо большей бескомпромиссности. Бросать вызов оппоненту стало привычным методом дипломатии, что привело к бесконечной цепи силовых испытаний. Наконец, в 1914 году возник кризис, из которого никто не пожелал выйти добровольно. Европа после катастрофы Первой мировой войны так и не вернула себе положение мирового лидера. В качестве главного игрока возникли Соединенные Штаты, но Вудро Вильсон вскоре дал понять, что его страна вести игру по европейским правилам отказывается.

Никогда за всю свою историю Америка не участвовала в системе равновесия сил. В период, предшествовавший двум мировым войнам, Америка пользовалась выгодами от практического функционирования принципа равновесия сил, не принимая участия в связанном с ним политическом маневрировании и позволяя себе роскошь вволю порицать этот принцип. Во времена холодной войны Америка была вовлечена в идеологическую, политическую и стратегическую борьбу с Советским Союзом, когда мир, где наличествовали две сверхдержавы, функционировал на основе принципов, не имевших никакого отношения к системе равновесия сил. В биполярном мире гипотеза, будто бы конфликт приведет ко всеобщему благу, изначально беспочвенна: любой выигрыш для одной из сторон означает проигрыш для другой. По существу, в холодной войне Америка одержала победу без войны, то есть ту самую победу, которая вынудила ее взглянуть в лицо дилемме, сформулированной Джорджем Бернардом Шоу: «В жизни существуют две трагедии. Одна из них – так и не добиться осуществления самого сокровенного желания. Другая – добиться».

Американские лидеры так часто трактовали свои ценности как нечто само собой разумеющееся, что крайне редко сознавали, до какой степени эти ценности могут восприниматься другими как революционные и нарушающие привычный порядок вещей. Ни одно

иное общество не утверждало, будто этические нормы точно так же применимы к ведению международных дел, как и к поведению индивидуумов – иными словами, такого рода представление в корне противоречит сущности *raison d'état* Ришелье. Америка утверждала, что предотвращение войны является столь же законным деянием, как и дипломатический вызов, и что она выступает не против перемен как таковых, а против определенной методики перемен, в частности против использования силы. Какой-нибудь Бисмарк или Дизраэли высмеял бы одно лишь предположение, будто бы предметом внешней политики является не столько суть совершающихся событий, сколько метод их совершения, если бы подобное вообще находилось в пределах их понимания. Ни одна из наций никогда не предъявляла к себе моральных требований, как это сделала Америка. И ни одна из стран не терзалась разрывом между абсолютным по сути характером своих моральных ценностей и несовершенством той конкретной ситуации, где их следовало применить.

* * *

Во времена холодной войны уникальный, присущий одной лишь Америке подход к вопросам внешней политики был в высшей степени адекватен вызову. В условиях глубокого идеологического конфликта лишь одна страна – Соединенные Штаты – обладала всей совокупностью средств – политических, экономических и военных – для организации обороны некоммунистического мира. Нация, находящаяся в подобном положении, в состоянии настаивать на собственной точке зрения и часто способна уйти от проблем, стоящих перед государственными деятелями обществ, находящихся в менее благоприятном положении, ведь средства, имеющиеся в распоряжении последних, обязывают их добиваться целей менее значительных, чем их чаяния, причем ситуация потребовала бы даже этих целей добиваться поэтапно.

В мире времен холодной войны традиционные концепции силы были существенным образом подорваны. В большинстве исторических ситуаций имел место синтез военного, политического и экономического могущества, причем в целом налицо оказывалась

определенная симметрия. В период холодной войны различные элементы могущества стали четко отделяться друг от друга. Бывший Советский Союз являлся в военном отношении сверхдержавой, а в экономическом смысле – карликом. Другая страна вполне могла быть экономическим гигантом, а в военном отношении – ничтожно малой величиной, как в случае с Японией.

После окончания холодной войны различные элементы могущества обретут, вероятно, большую гармонию и симметрию. Относительная военная мощь Соединенных Штатов будет постепенно уменьшаться. Отсутствие четко обозначенного противника породит давление изнутри, дабы переключить ресурсы на выполнение других первоочередных задач, не связанных с оборонной сферой, причем этот процесс уже начался. Когда угроза более не носит универсального характера и каждая страна оценивает с точки зрения собственных национальных интересов угрожающие конкретно ей опасности, те общества, которые благополучно пребывали под защитой Америки, будут вынуждены принять на себя более значительную долю ответственности за свою безопасность. Таким образом, функционирование новой международной системы приведет к равновесию даже в военной области, хотя для достижения подобного положения могут потребоваться десятилетия. Еще четче эти тенденции проявятся в экономической сфере, где американское преобладание уже уходит в прошлое, – бросать вызов Соединенным Штатам стало более безопасно.

Международная система XXI века будет характеризоваться кажущимся противоречием: фрагментацией, с одной стороны, и растущей глобализацией, с другой. На уровне отношений между государствами новый порядок, пришедший на смену холодной войне, будет напоминать европейскую систему государств XVIII–XIX веков. Его составной частью станут по меньшей мере Соединенные Штаты, Европа, Китай, Япония, Россия и, возможно, Индия, а также великое множество средних и малых стран. В то же время международные отношения впервые обретут истинно глобальный характер. Передача информации происходит мгновенно; мировая экономика функционирует на всех континентах синхронно. На поверхность всплывет целый ряд проблем, таких как вопрос распространения ядерных технологий, проблемы окружающей среды, демографического

взрыва и экономической взаимозависимости, решением которых можно будет заниматься только в мировом масштабе.

Согласование различных ценностей и самого разнообразного исторического опыта у сопоставимых с Америкой по значимости стран будет для нее новым явлением, крупномасштабным отходом как от изоляционизма предшествующего столетия, так и от гегемонии де-факто времен холодной войны, причем каким образом это осуществится, постарается прояснить настоящая книга. В равной степени и другие основные участники игры, приспособляясь к возникающему мировому порядку, сталкиваются с рядом затруднений.

Европа – единственная часть современного мира, где функционировала система одновременного существования множества государств, – является родиной концепций государства-нации, суверенитета и равновесия сил. Эти идеи господствовали в международных делах на протяжении почти трех столетий подряд. Но никто из прежних приверженцев на практике принципа *raison d'état* не силен до такой степени, чтобы стать во главе нарождающегося международного порядка. Отсюда попытки компенсировать свою относительную слабость созданием объединенной Европы, причем усилия в этом направлении поглощают значительную часть энергии участников этого процесса. Но, если бы даже они преуспели, под рукой у них не оказалось бы никаких апробированных моделей поведения объединенной Европы на мировой арене, ибо такого рода политического организма еще никогда не существовало.

* * *

На протяжении всей своей истории Россия всегда стояла особняком. Она поздно вышла на сцену европейской политики – к тому времени Франция и Великобритания давно прошли этап консолидации, – и к этой стране, по-видимому, неприменим ни один из традиционных принципов европейской дипломатии. Находясь на стыке трех различных культурных сфер – европейской, азиатской и мусульманской, – Россия вбирала в себя население, принадлежавшее к каждой из этих сфер, и поэтому никогда не являлась национальным государством в европейском смысле. Постоянно меняя очертания по

мере присоединения ее правителями сопредельных территорий, Россия была империей, несравнимой по масштабам ни с одной из европейских стран. Более того, после каждого очередного завоевания менялся характер государства, ибо оно вбирало в себя совершенно новую, беспокойную нерусскую этническую группу. Это было одной из причин, почему Россия ощущала себя обязанной содержать огромные вооруженные силы, размер которых не шел ни в какое сравнение со сколь-нибудь правдоподобной угрозой ее безопасности извне.

Разрываясь между навязчивой идеей незащищенности и миссионерским рвением, между требованиями Европы и искушениями Азии, Российская империя всегда играла определенную роль в европейском равновесии, но в духовном плане никогда не была его частью. В умах российских лидеров сливались воедино потребности в завоеваниях и требования безопасности. Со времен Венского конгресса Российская империя вводила свои войска на иностранную территорию гораздо чаще, чем любая из крупных держав. Аналитики часто объясняют русский экспансионизм как производное от ощущения отсутствия безопасности. Однако русские писатели гораздо чаще оправдывали стремление России расширить свои пределы ее мессианским призванием. Двигаясь вперед, Россия редко проявляла чувство меры; наталкиваясь на противодействие, она обычно погружалась в состояние мрачного негодования. На протяжении значительной части своей истории Россия была вещью в себе в поисках самореализации.

Посткоммунистическая Россия оказалась в границах, не имеющих исторического прецедента. Как и Европа, она вынуждена будет посвятить значительную часть своей энергии переосмыслению собственной сущности. Будет ли она стремиться к восстановлению своего исторического ритма и к воссозданию утраченной империи? Переместит ли она центр тяжести на восток и станет принимать более активное участие в азиатской дипломатии? Исходя из каких принципов и какими методами будет она реагировать на смуты у своих границ, особенно на переменчиво-неспокойном Среднем Востоке? Россия всегда будет неотъемлемой составной частью мирового порядка и в то же время в связи с неизбежными потрясениями, являющимися

следствием ответов на поставленные вопросы, потенциально таит для него угрозу.

Китай также оказался лицом к лицу с новым для него мировым порядком. В течение двух тысяч лет Китайская империя объединяла свой собственный мир под владычеством императора. По правде говоря, временами этот порядок демонстрировал собственную слабость. Войны в Китае случались не реже, чем в Европе. Но поскольку они обычно велись между претендентами на императорскую власть, то носили скорее характер гражданских, чем внешних, и рано или поздно неизбежно приводили к возникновению новой центральной власти.

До начала XIX века Китай никогда не имел соседа, способного оспорить его превосходство, и даже не помышлял о том, что такое государство может появиться. Завоеватели извне, казалось, свергали китайские династии только для того, чтобы слиться с китайской культурой до такой степени, чтобы продолжать традиции Срединного царства. Понятия суверенного равенства государств в Китае не существовало; жившие за его пределами считались варварами, и на них смотрели как на потенциальных данников – именно так был принят в XVIII веке в Пекине первый британский посланник. Китай считал ниже своего достоинства направлять послов за границу, но не гнушался использовать варваров из дальних стран для разгрома варваров из соседних. И все же это была стратегия на случай чрезвычайных обстоятельств, а не повседневно функционирующая система наподобие европейского равновесия, и потому она не породила характерного для Европы постоянного дипломатического механизма. После того как Китай в XIX веке оказался в униженном положении объекта европейского колониализма, он лишь недавно – после Второй мировой войны – вошел в многополюсный мир, что является беспрецедентным в его истории.

Япония также отсекала от себя все контакты с внешним миром. В течение пятисот лет, вплоть до момента, когда была насильственно «открыта» коммодором Мэтью Перри в 1854 году, Япония вообще не снисходила до того, чтобы позаботиться о создании равновесия сил среди противостоящих друг другу варваров или о приобретении данников, как это делал Китай. Отгородившись от внешнего мира, она гордилась единственными в своем роде обычаями, поддерживала свою

воинскую традицию в гражданских войнах и основывала свое внутреннее устройство на убежденности, что ее в высшей степени своеобразная культура невосприимчива к иностранному влиянию, стоит выше его и в конце концов скорее подавит его, чем усвоит.

В годы холодной войны, когда основной угрозой безопасности Японии являлся Советский Союз, она оказалась в состоянии отождествить свою внешнюю политику с политикой отстоящей от нее на несколько тысяч миль Америки. Новый мировой порядок с его многообразием вызовов почти неизбежно заставит гордую своим прошлым страну пересмотреть прежнюю ориентацию на единственного союзника. Япония обязательно станет более чувствительной к равновесию сил в Азии, чем Америка, которая расположена в ином полушарии и ориентирована на три других направления: атлантическое, тихоокеанское и южноамериканское. Китай, Корея и Юго-Восточная Азия приобретут для Японии совершенно иное значение, чем для Соединенных Штатов, и это явится импульсом для более автономной и более ориентированной на собственные интересы японской внешней политики.

Что касается Индии, которая сейчас превращается в ведущую державу Южной Азии, то ее внешняя политика представляет собой последнее подогретое древними культурными традициями воспоминание о золотых днях европейского империализма. Субконтинент до появления на нем британцев никогда на протяжении целого тысячелетия не представлял собой единого политического целого. Британская колонизация была осуществлена малыми военными силами, потому что местное население изначально видело в ней лишь смену одних завоевателей другими. Но, когда установилось единое правление, власть Британской империи была подорвана народным самоуправлением и культурным национализмом, ценностями, привнесенными в Индию самой же метрополией. И все-таки в качестве государства-нации Индия новичок. Поглощенная борьбой за обеспечение продуктами питания своего огромного населения, она во время холодной войны оказалась участником движения неприсоединения. Но ей еще предстоит избрать соизмеримую с собственным самосознанием роль на сцене международной политики.

* * *

Таким образом, ни одна из ведущих стран, которым предстоит строить новый мировой порядок, не имеет ни малейшего опыта существования в рамках нарождающейся многогосударственной системы. Никогда прежде новый мировой порядок не создавался на базе столь многообразных представлений, в столь глобальном масштабе. Никогда прежде не существовало порядка, который должен сочетать в себе атрибуты исторических систем равновесия сил с общемировым демократическим мышлением, а также стремительно развивающейся современной технологией.

В ретроспективном плане, похоже, все системы международных отношений обладают неизбежной симметрией. Как только они созданы, становится трудно вообразить, каким путем пошла бы история, если бы был сделан иной выбор, да и вообще, был ли этот иной выбор возможен. В процессе становления того или иного международного порядка выбор широк и многообразен. Но каждое конкретное решение сужает набор не востребуемых вариантов. Поскольку усложнение мешает гибкости, выбор, сделанный максимально рано, всегда имеет судьбоносный характер. Будет ли международный порядок относительно стабилен, как после Венского конгресса, или весьма непрочен, как после Вестфальского мира и Версальского договора, зависит от степени, в какой он согласует чувство безопасности составляющих его обществ с тем, что они считают справедливым.

Две международные системы, оказавшиеся наиболее стабильными, а именно порожденная Венским конгрессом и возглавляемая Соединенными Штатами после окончания Второй мировой войны, имели то преимущество, что строились на общности взглядов. Государственные деятели, собравшиеся в Вене, были аристократами, для которых существовали одни и те же моральные запреты и основополагающие принципы; а американские лидеры, сформировавшие послевоенный мир, являлись порождением исключительно цельной и жизнеспособной интеллектуальной традиции.

Возникающий сейчас порядок должны будут строить государственные деятели, которые представляют совершенно разные культуры. Они руководят бюрократическими системами такой сложности, что зачастую энергия этих государственных деятелей в большей степени уходит на приведение в действие административной машины, а не на определение цели. Они добились высокого положения благодаря качествам, которые не всегда нужны для управления, еще менее годятся для создания международного порядка. При этом единственная действующая модель многогосударственной системы была создана западными обществами, и многие из участников международного порядка ее могут отвергнуть.

И все же возвышение и крушение прежних мировых порядков – от Вестфальского мира до наших дней – есть единственный источник опыта, на который можно опереться, пытаясь понять, какого рода вызов может быть брошен в лицо современным государственным деятелям. Уроки истории не являются автоматически применимым руководством к действию; история учит по аналогии, проливая свет на сходные последствия сопоставимых ситуаций. Однако каждое поколение должно определить для себя, какие обстоятельства на самом деле являются сопоставимыми.

Америка на вершине: империя или лидер?
(Из книги Г. Киссинджера «Нужна ли Америке внешняя политика?»)

На заре нового тысячелетия Америка вкушает плоды своего могущества, превосходящего мощь величайших империй прошлого. От военной сферы до бизнеса, от науки до технологий, от высшего образования до массовой культуры, Америка господствует в мире в беспрецедентных масштабах. В последнее десятилетие XX века доминирующее положение Америки сделало ее незаменимой в деле обеспечения международной стабильности. Соединенные Штаты играли роль посредника в самых горячих точках, а на Ближнем Востоке они в буквальном смысле стали участником процесса мирного урегулирования. Страна настолько втянулась в эту роль, что почти автоматически стала назначать себя посредником, иногда даже там, где заинтересованные стороны ее об этом не просили, например в конфликте между Индией и Пакистаном по поводу Кашмира в июле 1999 года. Соединенные Штаты стали считать себя как источником, так и гарантом сохранения демократических институтов во всем мире, все чаще видя себя в роли судьи, определяющего, насколько демократичны выборы в других странах, и применяли экономические санкции или прибегали к иным средствам давления, если им казалось, что эти выборы недостаточно демократичны.

В результате американские войска разбросаны по всему миру – от равнин Северной Европы до рубежей противостояния в Восточной Азии. Американское вмешательство во имя сохранения мира повсюду оборачивается постоянным военным присутствием. На Балканах Соединенные Штаты выполняют, по сути, ту же функцию, которую ранее выполняли Австро-Венгерская и Османская империи, когда они создали протектораты, разъединившие две воюющие этнические группы. США доминируют в международной финансовой системе, являются крупнейшим источником инвестиционного капитала, наиболее привлекательным прибежищем для инвесторов, а также самым крупным рынком для иностранных экспортеров. Во всем мире американская поп-культура задает вкусовые стандарты, хотя время от времени это и вызывает негодование то в одной, то в другой стране.

90-е годы оставили нам парадоксальное наследие. С одной стороны, Соединенные Штаты достаточно сильны, чтобы настаивать на своей позиции и проводить ее в жизнь, невзирая на обвинения в стремлении к мировому господству. В то же время в рецептах, которые США прописывают миру, нередко прослеживаются или их внутренние проблемы, или сентенции времен холодной войны. В результате доминирующее положение страны сочетается с реальной возможностью оказаться в стороне от многих тенденций, влияющих на мировой порядок и, в конечном счете, преобразующих его. В мире наблюдается странная смесь уважения к Америке, покорности ее воле и время от времени раздражения тем, что она предписывает [другим], непонимания ее долгосрочных целей.

Любопытно, что сам народ Америки нередко испытывает к американскому превосходству глубокое безразличие. Насколько можно судить по двум важным барометрам – средствам массовой информации и ощущениям конгрессменов, – интерес американцев к внешней политике сегодня находится на низшей из возможных отметок. Поэтому благоразумные политики предпочитают избегать внешнеполитических дискуссий и считать мировое лидерство скорее фактором, формирующим мироощущение американцев, чем их требованием более серьезно относиться к стоящим перед США проблемам. Последние президентские выборы были третьими по счету, в ходе которых внешняя политика оказалась за рамками серьезных дискуссий. Американское превосходство, особенно в 90-е годы, в меньшей степени покоилось на стратегических замыслах и в большей – на тактических решениях, призванных удовлетворить избирателей, хотя в экономической сфере оно обеспечивалось технологическими успехами и обусловленным ими ростом производительности. Все это порождало искушение действовать так, как если бы Соединенным Штатам вовсе не нужна была долгосрочная внешняя политика и они могли ограничиваться лишь реакцией на отдельные вызовы по мере их возникновения.

* * *

Находясь в апогее своего могущества, Соединенные Штаты оказались в двусмысленной ситуации. Перед лицом, быть может, самых глубоких и всеобъемлющих потрясений, с какими когда-либо сталкивался мир, они не в состоянии предложить идеи, адекватные возникающей новой реальности. Победа в холодной войне искушала самодовольством; удовлетворенность сложившимся *status quo* побуждала проецировать на будущее текущую политику; впечатляющие экономические успехи давали политическим лидерам соблазн смешивать стратегическое мышление с экономическим, понижая чувствительность к политическому, культурному и духовному воздействию глубоких трансформаций, вызываемых американским технологическим прогрессом.

Совпавшее по времени с окончанием холодной войны, это сочетание самодовольства и процветания породило ощущение особой «американской миссии», выразившееся в двойном мифе. В стане левых многие увидели в Соединенных Штатах главного арбитра по внутриполитическим вопросам во всем мире. Приверженцы этого взгляда стали действовать так, как если бы у Америки всегда имелось в наличии правильное демократическое решение, пригодное для любого общества, независимо от его культурных или исторических особенностей. Для них внешняя политика стала аналогом политики социальной. Они преуменьшают значение победы в холодной войне, поскольку считают, что историческое развитие и неизбежное движение к демократии сами по себе привели бы к распаду коммунистической системы. Среди правых некоторые полагают, будто крах Советского Союза произошел в значительной мере автоматически – в результате решительных изменений американской риторики (вспомним «империю зла»), а не вследствие полувековых усилий девяти последних администраций. И на основании такого рода умозаключений они считают, будто решение всех сложных мировых проблем лежит в признании гегемонии США и беззастенчивом утверждении американского всемогущества. Каждый из этих взглядов затрудняет детальную разработку долгосрочного подхода к проблемам меняющегося на наших глазах мира. Подобное противоречие в [подходах к выработке] внешней политики приводит к тому, что кто-то предлагает заняться благородной миссионерской деятельностью, а кто-то считает самоценным [дальнейшее] аккумулятивное усиление мощи. Споры

фокусируются на том, ценности или интересы, идеализм или реализм должны определять американскую внешнюю политику. Правильное же решение состоит в том, чтобы [гармонично] соединить то и другое; ни один серьезный американский специалист по внешней политике не может отвлечься от традиций исключительности, в которых сформировалась американская демократия. Но он не может также игнорировать обстоятельств, в которых эта исключительность себя проявляет.

* * *

Сегодня не только Соединенные Штаты, но и многие европейские государства отвергают принцип невмешательства во внутренние дела других стран в пользу идей гуманитарной интервенции или вмешательства на основе следования всемирной юрисдикции. В сентябре 2000 года на саммите ООН, посвященном наступлению нового тысячелетия, этот подход был одобрен и поддержан многими другими государствами. В 90-е годы Соединенные Штаты по гуманитарным соображениям предприняли четыре военные операции – в Сомали, на Гаити, в Боснии и Косово; другие страны возглавили такие операции еще в двух местах – в Восточном Тиморе (Австралия) и в Сьерра-Леоне (Великобритания). Все эти интервенции, кроме интервенции в Косово, были санкционированы ООН.

В то же время претерпевает метаморфозы и господствовавшее прежде представление о национальном государстве. В соответствии с общепринятым подходом каждое государство называет себя нацией, но не все из них являются таковыми, если исходить из принятого в XIX веке определения нации как языковой и культурной общности. Из «великих держав» на пороге нового тысячелетия только демократические государства Европы и Япония соответствуют этому определению. Китай и Россия имеют национальную и культурную сердцевину, но с многочисленными этническими добавками. Соединенные Штаты все настойчивее связывают свою национальную идентичность с мультиэтничностью. В остальном мире преобладают государства со смешанным этническим составом, и целостности многих из них угрожает опасность со стороны населяющих их

меньшинств, требующих автономии или независимости на основе теорий XIX и XX веков, провозглашающих идеи национализма и самоопределения. Даже в Европе падение рождаемости и рост иммиграции создают опасность мультиэтничности.

Исторически сложившиеся национальные государства, которые осознают, что их размеры не позволяют им играть определяющую роль в глобальном мире, стремятся объединиться в более крупные структуры. Наиболее яркий пример такой политики являет собой Европейский Союз. Но и в Западном полушарии возникают подобные транснациональные группировки, такие как Североамериканское соглашение о свободной торговле (NAFTA) и Mercosur в Южной Америке или Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (ASEAN) в Азии. Под эгидой Китая и Японии идея о создании элементов зоны свободной торговли возникла и в Азии.

Каждое из этих новых образований, определяя свою идентичность, побуждается – иногда подсознательно, но чаще осознанно – желанием противопоставить себя государствам, доминирующим в данном регионе. Для ASEAN конкурентами служат Китай и Япония (а впоследствии, возможно, Индия). Для Европейского Союза и Mercosur'a – это Соединенные Штаты, порождающие новых соперников, по мере того как они преодолевают прежних.

В прошлые столетия даже не столь значительные преобразования приводили к масштабным войнам; войны, разумеется, случаются и в нынешней международной системе, однако они никогда не вовлекают великие державы в конфликт друг с другом. Ядерный век изменил как значение, так и роль силы, во всяком случае в той мере, в какой это касается взаимоотношений между ведущими державами. До его начала войны чаще всего вспыхивали из-за территориальных споров или доступа к ресурсам; победы добивались во имя усиления могущества и влияния своего государства. В наше время территориальный фактор как элемент государственного могущества утратил свою прежнюю значимость; технологический прогресс может гораздо сильнее укрепить мощь той или иной страны, чем любые территориальные приобретения. Сингапур, у которого нет практически никаких ресурсов, за исключением интеллектуального потенциала населения и его лидеров, обладает куда большим доходом в расчете на душу населения, чем намного более крупные и щедро одаренные ресурсами

страны. При этом он частично использует свое богатство для создания – по крайней мере в местном масштабе – впечатляющих вооруженных сил, призванных остудить пыл алчных соседей. В сходном положении находится и Израиль.

Обладание ядерным оружием снизило вероятность войн между ядерными державами – впрочем, это утверждение вряд ли останется верным, если продолжится расползание этого оружия среди стран с иными представлениями о ценности человеческой жизни или еще не знакомых с его разрушительной силой. До наступления ядерной эры государства вступали в войны, считая, что последствия поражения или даже компромиссного решения менее приемлемы, чем сам конфликт; именно такой ход рассуждений привел Европу к Первой мировой войне. Но если речь идет о ядерных державах, такой выбор разумен только в самых безнадежных случаях. Большинство лидеров основных обладающих ядерным оружием стран убеждено, что последствия ядерной войны будут более тяжелыми, чем последствия уступок, необходимых для достижения компромисса [между конфликтующими сторонами], и даже, возможно, чем последствия поражения. Парадокс ядерной эры заключается в том, что увеличению ядерного потенциала – и, следовательно, общей военной мощи – неизбежно сопутствует уменьшение желания ею воспользоваться.

Все другие формы могущества также претерпели революционные изменения. До конца Второй мировой войны государственная мощь была относительно однородной: ее составляющие – военная, экономическая или политическая – дополняли друг друга. Общество не могло быть сильным в военном отношении без того, чтобы не занимать лидирующего положения в остальных областях. Однако во второй половине XX века различные волокна этого каната явно начали расплетаться. Отдельные государства внезапно обрели мощную экономику без заметного увеличения армии (например, Саудовская Аравия) или развили огромную военную мощь вопреки явно стагнирующей экономике (свидетельство тому – бывший Советский Союз).

* * *

В XXI столетии, похоже, эти волокна сплетаются вновь. Судьба СССР показала, что односторонняя установка на военную мощь не может обеспечить стабильности, особенно в век экономической и технологической революций, когда посредством современных коммуникаций в каждый дом на планете входит отчетливое осознание огромного разрыва в уровне жизни [в различных странах]. Вдобавок на глазах всего лишь одного поколения наука совершила такой скачок, какого не делала за всю историю человечества. Компьютер, интернет и растущие возможности биотехнологии придали техническим и прикладным наукам такую свободу действий, о которой не могли и помыслить предыдущие поколения. Передовая система технического образования стала условием роста государственной мощи в длительной перспективе. Ныне она играет роль мускулатуры и жизненной энергии в теле общества; без нее увядают все остальные виды могущества.

Глобализация распространила власть экономики и технологий по всему миру. Возможность мгновенной передачи информации сделала решения, которые принимаются в одном регионе, заложниками решений, принимающихся в других частях мира. Глобализация привела к беспрецедентному, хотя и неравномерному процветанию, и необходимо еще выяснить, не ускоряет ли она кризисные явления с таким же успехом, с каким порождает всеобщее благоденствие, не создает ли она тем самым предпосылки глобальной катастрофы. Помимо этого, глобализация – при всей ее неизбежности – может привести и к нарастанию гнетущего ощущения бессилия, поскольку решения, влияющие на судьбы миллионов, выходят из-под контроля местных властей. Возникает опасность того, что современные политики могут не совладать с изощренным характером экономики и технологии...

Но самой глубинной причиной того, почему в 90-е годы Америка столкнулась с трудностями в выработке внятной стратегии поведения на мировой арене, где ее положение является столь значимым, стало то, что характер американской роли в современном мире оспаривался представителями трех различных поколений, исповедовавшими весьма отличные подходы к внешней политике. В этой борьбе сошлись ветераны холодной войны 50-х и 60-х годов, стремившиеся использовать свой опыт в новых обстоятельствах; активисты движения

против войны во Вьетнаме, ищущие применения вынесенных ими уроков в формировании мирового порядка; и молодое поколение, полагающееся на собственный опыт и затрудняющееся принять взгляды как поколения холодной войны, так и вьетнамских протестантов.

Стратегии времен холодной войны стремились уладить противоречия между ядерными сверхдержавами с помощью политики сдерживания Советского Союза. Хотя они не забывали и о невоенных аспектах проблемы (по большому счету план Маршалла был столь же важен, как и НАТО), политики этого поколения настаивали на том, что в международных отношениях наличествует постоянная силовая составляющая, и ее значимость определяется способностью предотвратить советскую военную и политическую экспансию.

Эти стратегии ослабили, а на какое-то время и вовсе устранили из американского сознания исторически сложившееся противоречие между идеализмом и силой. В мире, где доминировали две сверхдержавы, идеологические требования и потребность соблюдать баланс сил почти сливались. Внешняя политика превратилась в своеобразную игру с нулевой суммой, в которой выигрыш одной стороны был проигрышем другой.

Помимо политики сдерживания, главные усилия американской дипломатии времен холодной войны были направлены на то, чтобы инкорпорировать побежденных противников, Германию и Японию, в формирующуюся мировую систему в качестве полноправных членов. Эта задача, абсолютно беспримерная в отношении государств, вынужденных безоговорочно капитулировать менее чем за пять лет до этого, была хорошо понятна поколению американских руководителей, сформировавшихся во времена Великой депрессии 30-х годов. Поколение, организовавшее сопротивление Советскому Союзу, усвоило «новый курс» Франклина Рузвельта, курс, который, ликвидировав существовавшую в Америке пропасть между ожиданиями [населения] и экономической реальностью, восстановил политическую стабильность. Это же поколение защищало демократию во Второй мировой войне.

* * *

Вьетнамская война разрушила единство идеологии и стратегии, характеризовавшее мышление тех, кого мы теперь называем «величайшим поколением». Несмотря на то что внутри страны все, кому была небезразлична внешняя политика, продолжали поддерживать принцип американской исключительности, применение этого принципа в конкретных случаях стало предметом глубокого и длительного обсуждения.

Шокированные разочаровывающим вьетнамским опытом, многие интеллектуалы, некогда поддерживавшие политику холодной войны, перестали мыслить стратегическими категориями, другие стали отвергать самую суть послевоенной внешней политики США. Администрация президента Билла Клинтона – первая, в составе которой было много тех, кто в свое время протестовал против действий США во Вьетнаме – воспринимала холодную войну как пример непонимания, неизлечимого в силу американской непреклонности. Она отвергала идею превосходства национальных интересов и с недоверием относилась к применению силы, допустимому лишь в каком-то «бескорыстном» случае, то есть тогда, когда не затрагивались непосредственные американские интересы. Не раз, причем на нескольких континентах, дело доходило до того, что президент Клинтон приносил извинения за действия своих предшественников, исходивших из ошибочных, на его взгляд, принципов холодной войны. Но холодная война не была политической ошибкой, хотя, разумеется, в ходе нее ряд ошибок действительно был допущен; дело касалось вопросов выживания государства. Как ни странно, целым рядом стран, которые традиционно рассматривали дипломатию в качестве средства примирения интересов, эти претензии [Клинтона] на беспристрастность были восприняты как частный случай непредсказуемости и даже ненадежности [Соединенных Штатов].

Разумеется, Соединенные Штаты не могут, да и не должны возвращаться к политике времен холодной войны или к дипломатии XVIII века. Современный мир гораздо сложнее и требует намного более дифференцированных подходов [к возникающим проблемам]. Нельзя ни потакать собственным слабостям, ни проявлять самодовольство протестных времен. Во всяком случае, оба эти стиля мышления относятся к завершившейся эпохе, аргументы которой

кажутся поколению, родившемуся после 1960 года, слишком неясными и академичными.

Это поколение еще не вырастило лидеров, способных быть приверженными последовательной и ориентированной на далекую перспективу внешней политике. Более того, некоторые его представители задаются вопросом, нужна ли нам вообще какая-то внешняя политика. В глобализованном экономическом мире поколение, родившееся после холодной войны, относится к Уолл-стриту или Силиконовой долине так же, как их родители относились к государственной службе в Вашингтоне. Такое восприятие отражает приоритет, придаваемый экономике над политикой, приоритет, вызванный в том числе и растущим нежеланием заниматься делом, подразумевающим постоянное присутствие на публике, что слишком часто ведет к краху карьер и репутаций.

* * *

Поколение, родившееся после холодной войны, мало интересуется дебатами по поводу войны в Индокитае, поскольку в массе своей оно незнакомо с деталями тех событий и считает эти рассуждения непонятными. Равным образом оно не гнушается исповедовать ориентацию на собственные интересы, каковую ежедневно проявляет в экономической сфере (хотя время от времени и призывает к национальному бескорыстию, чтобы успокоить собственную совесть). Являясь продуктом системы образования, уделяющей очень мало внимания истории, это поколение нередко не видит перспектив развития международных отношений. Оно соблазнено идеей создания безопасной глобальной среды как компенсации за напряженную конкуренцию, пронизывающую их частную жизнь. На таком фоне легко прийти к мысли, что преследование собственных экономических интересов в конечном счете почти автоматически приведет ко всеобщему политическому примирению и демократии.

Такой подход стал возможен лишь по причине почти полного исчезновения страха перед мировой войной. В этом новом мире поколение американских лидеров, родившихся после холодной войны (включающее как тех, кто ранее участвовал в протестных движениях,

так и тех, кто окончил школы бизнеса), находит для себя возможным придерживаться той точки зрения, что внешняя политика – это или политика экономическая, или политика, призванная учить остальной мир американским добродетелям. Неудивительно, что со времен холодной войны усилия американской дипломатии все более сводились к предложениям, способствующим принятию американского подхода [к тем или иным проблемам].

Но экономический глобализм не заменяет собой мирового порядка, хотя и может быть его существенным компонентом. Уже сам по себе успех глобализированной экономики станет источником неурядиц и напряженности как внутри государств, так и в отношениях между ними, что с неизбежностью окажет соответствующее давление на мировых политических лидеров. Между тем во многих частях света национальное государство, пока еще остающееся единицей политической ответственности, подвергается влиянию двух противоположных тенденций: или распадается на этнические компоненты, или растворяется в больших региональных объединениях.

До тех пор пока поколение новых национальных лидеров будет стеснено в выработке недвусмысленных представлений об обоснованных национальных интересах, его уделом будет прогрессирующий паралич, а не моральное возвышение...

Новый миропорядок – иначе хаос **(Из статьи Г. Киссинджера, опубликованной в газете «The Independent», Великобритания)**

Сегодня, когда новая американская администрация готовится приступить к исполнению своих обязанностей в обстановке серьезнейшего финансового и международного кризиса, крайне нелогичными кажутся утверждения о том, что неурегулированный характер международных отношений сам по себе создает уникальную возможность для созидательной дипломатии.

В такой возможности присутствует мнимое противоречие. С одной стороны, финансовый кризис нанес мощнейший удар по репутации Соединенных Штатов. Если американские оценки в области политики зачастую оказывались противоречивыми, то рекомендации США в области мирового финансового порядка никто, в общем, не оспаривает. Но сейчас во всем мире распространилось разочарование по поводу того, как США этим порядком управляют.

В то же время масштабы бедствия уже не позволяют остальному миру прятаться за спиной американского господства и американских провалов.

Каждой стране придется задуматься над тем, какой она внесла вклад в возникший кризис. Каждый будет теперь изо всех сил стремиться устранить те условия, которые привели к краху. В то же время каждому придется посмотреть правде в глаза и признать, что проблемы кризиса можно преодолеть лишь совместными усилиями.

Даже самые богатые страны столкнутся с сокращением имеющихся ресурсов. Каждому государству придется пересмотреть свои национальные приоритеты. Если возникнет система совместимых приоритетов, то появится новый мировой порядок. Но если разные приоритеты согласовать и выверить не удастся, то произойдет катастрофа, и этот миропорядок расколется на части.

Крах нынешней мировой финансовой системы совпал по времени с многочисленными политическими кризисами в различных точках планеты. Никогда прежде в самых разных уголках мира одновременно не происходило такого большого количества изменений, о которых тут же становилось известно всем благодаря современным средствам

коммуникации. Альтернативой новому международному порядку является хаос.

Финансовый и политический кризисы на самом деле тесно взаимосвязаны, потому что в период экономического процветания возник раскол между экономической и политической организацией нашего мира.

Мир экономики стал «глобализованным». Его институты проникли повсюду, и действует он, исходя из того, что глобальный рынок является саморегулирующимся механизмом.

Финансовый кризис показал, что это только мираж. Он продемонстрировал отсутствие глобальных институтов, способных смягчать удары и изменять тенденции. И неизбежно возникает следующая ситуация: когда испытывающее удары кризиса общество обращается к национальным политическим институтам, они в своей деятельности руководствуются главным образом внутренними соображениями, а не интересами мирового порядка.

Каждая крупная страна пытается решить встающие перед ней проблемы в основном самостоятельно, откладывая коллективные действия на потом, когда натиск кризиса ослабеет. Так называемые пакеты экстренной помощи появляются поштучно, отдельно в каждой стране. И в целом те внутренние кредиты, которые стали причиной краха, благодаря им просто подменяются казалось бы неисчерпаемыми государственными кредитами. И пока они не дают ничего, кроме сдерживания возникающей паники.

Международный порядок в политической и экономической сфере не возникнет до тех пор, пока не появятся общие правила, по которым смогут ориентироваться и сверять свой путь разные страны.

В конечном итоге гармонизации политической и экономической системы можно добиться лишь двумя способами: создав международную политическую систему регулирования тех же масштабов, что и мировой экономический порядок; или сократив охват экономических институтов до таких размеров, когда ими смогут управлять существующие политические структуры, что может привести к новому меркантилизму на региональном уровне.

Новое глобальное соглашение по образу и подобию Бреттон-Вудского – это самый предпочтительный вариант. И роль Америки в такого рода предприятии будет определяющей. Это парадокс, но

американское влияние будет огромным, если сопоставить его со скромностью нашего поведения. Нам следует откорректировать ту добродетельность и праведность, которая была характерна для позиций и действий Америки по многим направлениям, особенно после распада Советского Союза.

Это эпохальное событие и последовавший за ним период почти непрерывного экономического роста заставили слишком многих приравнять мировой порядок к принятию американских схем и замыслов, включая наши внутренние предпочтения.

В результате этого возник некий неустрашимый унилатерализм (на который постоянно жалуются европейские критики). Это своего рода настойчивый консилиум, требующий от стран доказывать свою пригодность к вступлению в международную систему – иными словами, свое соответствие американским предписаниям.

Со времен инаугурации президента Джона Кеннеди (John F. Kennedy) полвека тому назад в Америке не было ни одной новой администрации, на которую возлагались бы столь огромные надежды. Случай беспрецедентный: все главные актеры на мировой сцене открыто заявляют о своем стремлении к преобразованиям, которые навязал им глобальный кризис, причем преобразования эти они хотят осуществлять во взаимодействии с США.

Экстраординарное воздействие избранного президента на представления человечества – это важный элемент в формировании нового мирового порядка. Однако оно лишь предоставляет возможность, но не определяет курс.

В конечном итоге главная задача состоит в том, чтобы определить и сформировать общие озабоченности большинства стран, а также всех ведущих государств в отношении экономического кризиса, отнеса туда коллективный страх перед террористическим джихадом. Затем все это должно быть превращено в общую стратегию действий, подкрепленную осознанием того, что новые вопросы, такие как распространение оружия массового уничтожения, энергетика и изменения климата, невозможно решать в рамках отдельной страны или региона.

Самую большую ошибку новая администрация совершит в том случае, если позволит себе почивать на лаврах собственной популярности, которой она пока пользуется. Дух взаимодействия и

сотрудничества, который возник в настоящий момент, следует направить в русло стратегии высшего порядка, способной перешагнуть через рамки споров и разногласий недавнего прошлого.

В равной степени в создании нового мирового порядка важную роль играет Китай. Взаимоотношения между сторонами, которые начинались в основном как стратегическая схема сдерживания общего противника, с годами превратились в один из краеугольных камней международной системы.

Китай позволил Америке хвастаться своим расточительным потреблением, скупив американские долги. Америка помогла модернизировать и реформировать китайскую экономику, открыв свои рынки для ее товаров.

Обе стороны переоценили прочность этой схемы. Но пока она действовала, мир переживал эпоху невиданного глобального развития. Такая схема развеяла страхи по поводу роли и места Китая в мире, когда эта страна в полной мере проявила себя как ответственный член клуба сверхдержав. Возникло общее мнение о том, что враждебные отношения между этими столпами международной системы приведут к разрушению достигнутого и не принесут пользы никому. Такую убежденность необходимо сохранять и укреплять.

Обе страны, находящиеся на противоположных берегах Тихого океана, нуждаются в двустороннем сотрудничестве для ликвидации последствий мирового финансового кризиса. Сегодня, когда глобальный финансовый крах разрушил китайские экспортные рынки, эта страна сосредоточила усилия на развитии своей инфраструктуры и внутреннего потребления.

Набрать обороты будет нелегко. Темпы роста китайской экономики могут временно упасть ниже показателя в 7,5 процента. А специалисты по Китаю всегда говорили, что это та пограничная черта, ниже которой возникает угроза политической нестабильности. Америка нуждается в сотрудничестве с Китаем, чтобы решить проблемы своего бюджетного дисбаланса и предотвратить возникновение такой ситуации, когда взрывоопасный дефицит вызовет пожар разрушительной инфляции.

Какого рода глобальный экономический порядок возникнет в будущем – это в значительной степени зависит от того, как Китай и Америка будут строить свои взаимоотношения в ближайшие годы.

Разочаровавшись в США, Пекин может начать присматриваться к исключительно азиатской региональной структуре, база для которой уже существует в виде формата АСЕАН плюс три (Китай, Япония, Южная Корея – прим. перев.).

В то же время если в Америке усилится протекционизм или если она начнет относиться к Китаю как к противнику на долгие времена, то самосбывающееся пророчество может разрушить все шансы на создание мирового порядка.

Такой возврат к меркантилизму с его государственным вмешательством в хозяйственную деятельность и к дипломатии XIX века расколел мир на соперничающие между собой региональные блоки. А это будет иметь опасные и длительные последствия.

Китайско-американские отношения нужно поднять на новый уровень. Сегодняшний кризис можно преодолеть лишь при осознании общности целей. Такие вопросы, как распространение оружия массового уничтожения, энергетика и изменения климата, требуют укрепления политических связей между Китаем и Соединенными Штатами.

Нынешнее поколение лидеров имеет возможность трансформировать взаимоотношения государств по обе стороны Тихого океана в «проект общей судьбы», как это было с трансатлантическими отношениями в послевоенный период. Разница состоит в том, что существующие сегодня вызовы имеют в большей мере политический и экономический характер, нежели военный.

Этот проект должен включать и такие страны, как Япония, Корея, Индия, Индонезия, Австралия и Новая Зеландия, которые могут присоединиться к нему в рамках общих тихоокеанских и региональных структур, занимающихся конкретными вопросами, например энергетикой, нераспространением оружия массового уничтожения и охраной окружающей среды.

Сложность обретающего свои очертания нового мира требует от Америки в большей степени исторического подхода со взглядом на перспективу. Она должна отказаться от своих настойчивых заявлений о том, что каждая проблема должна решаться в рамках определенных программ с конкретными временными рамками, которые зачастую увязываются с политическими процессами в нашей стране.

Мы должны научиться действовать в рамках реально достижимого. Мы должны быть готовы к тому, чтобы добиваться конечной цели постепенно, с учетом всех нюансов.

Международный порядок может быть постоянным лишь в том случае, если его участники вносят свой вклад не только в его создание, но и в его сохранение. Таким образом, Америка и ее потенциальные партнеры обретают уникальную возможность превратить момент кризиса в предвидении надежды.

2008 г.

Америка и Россия

Отношения с Россией

(Из книги Г. Киссинджера «Нужна ли Америке внешняя политика?»)

Отношения Запада с Россией всегда были пронизаны двойственностью. Для европейских стран Россия остается относительно новым игроком на международной сцене. Отсталая, загадочная, неконтролируемая, огромная, она решительно заявила о себе Европе только в XVIII веке. В его первой четверти Россия все еще воевала со шведскими захватчиками в самом центре той территории, которую теперь занимает Украина. Менее чем через пятьдесят лет, во время Семилетней войны, русские армии стояли уже на подступах к Берлину. Еще одним поколением позже, после поражения Наполеона, русские войска заняли Париж.

Более автократичная, чем любое европейское государство, Россия практиковала мистическую и националистическую форму христианства в виде русского православия – государственнической церкви, легитимизировавшей российское стремление к экспансии и престижу. Хотя Россия и принимала участие в дипломатических переговорах, проводившихся на основе концепции баланса сил, она не распространяла эти принципы на отношения с соседними странами. Она провозгласила зону своих интересов на Балканах, где защищала как панславистское движение, так и свое право оберегать православных христиан от мусульманской Оттоманской империи, а также в Средней Азии, где преследовала колониальные и религиозно-миссионерские цели.

Россия всегда была страной уникальной, особенно если сравнивать ее с европейскими соседями. Раскинувшись на одиннадцати часовых поясах, Россия (даже в ее нынешнем постсоветском виде) обладает территорией, большей, чем любое другое современное государство. Санкт-Петербург ближе к Нью-Йорку, чем к Владивостоку, который, в свою очередь, ближе к Сиэттлу, чем к Москве. Страна подобных масштабов не должна бы страдать от клаустрофобии. Тем не менее

проблема ползучего экспансионизма красной нитью проходит через всю российскую историю. На протяжении четырех веков Россия жертвовала благосостоянием своего населения в пользу [возможности наносить] безжалостные удары вовне, угрожая всем своим соседям. Столетия такой жертвенности породили в российском самосознании представление об особой миссии России, отчасти во имя собственной безопасности, отчасти во имя утверждения высочайших нравственных принципов, якобы ведомых России.

Исторические достижения и амбиции России соответствовали ее масштабам. Дважды размеры страны и выдержка народа помешали завоевателям покорить Европу: Наполеону в XIX веке и Гитлеру в XX. Но в результате каждого из этих гигантских напряжений сил нации Россия использовала мир для навязывания своих автократических принципов всюду, где побывали ее армии: это делалось во имя консерватизма через Священный Союз в XIX веке и во имя коммунизма – в веке XX.

В обоих этих случаях Россия переоценивала свои возможности и терпела крах: в Крымской войне в XIX веке и в годы распада Советского Союза. На протяжении всей ее истории, при всех ее взлетах и падениях Россия настойчиво, терпеливо и искусно вела дипломатические дела: с Пруссией и Австрией она выступала против призрака французского господства; с Францией – против имперской Германии; с Англией, Францией и гитлеровской Германией – с целью избежать изоляции; с Соединенными Штатами и Великобританией – чтобы не допустить катастрофы во время Второй мировой войны; и, наконец, в период холодной войны она стремилась отколоть Европу от Соединенных Штатов с помощью комбинации ядерного шантажа и поддержки движений, изображавших Америку как величайшую угрозу миру в ядерный век.

* * *

История России породила в Европе романтическую ностальгию по временам сотрудничества [с этой страной] вкупе с неясным страхом перед российской обширностью и непостижимостью. Многие в Германии объясняют собственные национальные катастрофы тем, что

Германия пренебрегла заветом Бисмарка постоянно крепить дипломатические отношения с Россией; Франция помнит, что в двух мировых войнах ее спас союз с Россией. Историческая память Великобритании более трезва и менее сентиментальна, слишком многое в ее истории связано с сопротивлением угрозам России на Босфоре и на подступах к Индии.

Историческая память этих стран поддерживается общественным мнением, побуждающим свои правительства служить связующим звеном в отношениях между Россией и Соединенными Штатами. Вот почему некоторые европейские лидеры поговаривают о том, чтобы когда-нибудь в отдаленном будущем пригласить Россию вступить в Европейский Союз. Та же причина скрывается за попытками всех ведущих европейских держав установить особые отношения с Россией, чтобы предотвратить повторение известных истории случаев давления с ее стороны, а также в качестве страховки от подобных же действий соседей.

Американский опыт общения с Россией не носит столь непосредственного характера. В XIX веке Россию рассматривали как уменьшенную копию европейской автократии; после большевистской революции 1917 года для многих она стала воплощением основного зла. Соединенные Штаты не устанавливали дипломатических отношений с Советским Союзом до начала 1934 года. В 30-х годах некоторые небольшие группы, подстегнутые подъемом нацизма, увидели в коммунизме наилучшую преграду фашизму и провозвестника нового и более справедливого мирового порядка. Вторжение Германии в СССР породило чувство доброжелательности в отношении жертвы нападения, а также некоторую сентиментализацию советской действительности. Президент Франклин Рузвельт рассматривал Советский Союз как один из столпов зарождающегося мирового устройства. Очевидно, он был убежден, что ни века царской автократии и империализма, ни то, что жизнь целого поколения прошла под знаком сталинизма, не станут непреодолимым препятствием для послевоенного советско-американского сотрудничества.

Медовый месяц оказался очень коротким. Сталинская непримиримость, коммунистическая идеология, советская оккупация Европы вплоть до берегов Эльбы и раздел Германии привели к

возникновению атмосферы подозрительности и враждебности. Международные отношения приобрели четко выраженный биполярный характер; две противостоящие сверхдержавы взирали друг на друга через границу, проведенную в центре Европы, и множили свои ядерные потенциалы по обе ее стороны.

В течение всех этих сорока лет конфронтации незначительное меньшинство в США – и несколько более крупные группы в Европе – подвергали сомнению установки, лежавшие в основе атлантической политики холодной войны. Сторонники возвращения к политике советско-американского товарищества времен Второй мировой войны, иногда используемые инициаторами коммунистической борьбы за мир, даже если они и не имели к данной инициативе прямого отношения, порицали Соединенные Штаты за их чрезмерное увлечение ядерной стратегией и политикой с позиции силы. На протяжении последних двадцати лет холодной войны с СССР велись переговоры, в основном касавшиеся контроля над вооружениями, но мотивированные осознанием того факта, что какими бы ни были расхождения обеих сторон по идеологическим и геополитическим вопросам, ядерное оружие означает риск катаклизма, угрожающего самому существованию цивилизации, и что долг двух ядерных сверхдержав состоит в ограничении или устранении этого риска.

* * *

Эти переговоры привели к образованию трех течений в американском общественном мнении: сторонники первого полагали, что советская политическая система преобразится (или уже преобразилась) в результате самого процесса переговоров; апологеты второго подхода рассматривали коммунизм как главную, если не единственную угрозу миру во всем мире и были уверены, что прочного мира можно достичь только при помощи крестового похода против коммунизма; третья же группа характеризовалась надеждой удерживать СССР в узде путем комбинирования дипломатических и стратегических усилий до тех пор, пока он не выдохнется, коммунистическое идеологическое рвение не изживет себя и

Советский Союз из идеологической конструкции не превратится в государство, преследующее традиционные национальные интересы.

Споры между сторонниками этих трех подходов прекратились с окончанием самой холодной войны. Но поскольку первые две группы исходили из одной и той же предпосылки, а именно той, что российская проблема явилась почти исключительно следствием коммунистической идеологии и структуры, американские кремленологи после окончания холодной войны все больше заиклись на внутренних изменениях, происходивших в Москве. По мере того как коммунизм переставал быть загадкой, отношения атлантических стран с Россией все в меньшей мере строились на геополитических соображениях и все более принимали в расчет ее внутривластную ситуацию, что, в свою очередь, предполагало повышенное внимание к личности российского лидера Бориса Ельцина.

Западные демократические страны стали действовать так, как если бы внутрисоветские реформы были главным, если не единственным ключом к устойчивым взаимоотношениям. Россию рассматривали не как серьезную силу, но как объект снисходительного внимания к ее внутренним проблемам.

Действуя так, как будто они сами были частью российского внутривластного процесса, западные лидеры на протяжении всего срока правления Бориса Ельцина осыпали его похвалами, стремясь укрепить его приверженность реформам. Президент Клинтон, выступая по поводу отставки Ельцина, говорил о том, что Россия стала «плюралистической политической системой и гражданским обществом, конкурирующим на мировых рынках и подключенным к интернету». Уход Ельцина он объяснил его «твердой уверенностью в праве и возможности российского народа выбирать своего собственного лидера». Между тем едва ли не все прочие обозреватели считали отставку Ельцина результатом умелой манипуляции российской конституцией, позволившей ему посадить на свое место воспитанного в КГБ протеже, которого еще полгода назад никто не знал, и тем самым обезопасить существование самого себя и своей семьи в постпрезидентские годы.

Многие россияне, не усматривая большой разницы между внешней и внутренней политикой России, стали ассоциировать Соединенные

Штаты с ельцинской эпохой, отмеченной черным рынком, беззащитной спекуляцией, массовой преступностью и государственным капитализмом, когда огромные промышленные предприятия попадали в руки их прежних коммунистических руководителей под прикрытием приватизационных лозунгов. Такое положение дел дало возможность националистам и коммунистам утверждать, что вся [сложившаяся при Ельцине] система носила мошеннический характер и была навязана Западом, чтобы ослабить Россию.

В порядке общего утверждения следует заметить, что когда внешняя политика в отношении России отождествляется с попытками определять российскую внутреннюю политику, возможности повлиять на действия российского государства на международной арене уменьшаются. Но исторически именно внешние действия России представляли собой величайший вызов международной стабильности. Западные демократии, приняв так близко к сердцу драматические события в России, дали российским лидерам возможность отвлечь своих сограждан от разочаровывающей повседневности, вызывая к жизни образы российского славного прошлого.

Каковы бы ни были достоинства подобных взглядов в рискованный период отхода России от коммунизма и сколь бы значительными ни выглядели достижения Ельцина в следовании курсом, позволившим избежать катастроф, сегодня мир имеет дело с русским политическим деятелем нового типа. В отличие от своего предшественника, который отточил зубы в яростной борьбе с коммунистической партией, Путин вышел из мира тайной полиции. Продвижение в этой таинственной иерархии предполагало сильную приверженность национализму и характер холодного аналитика. Это ведет к внешней политике, подобной многовековому курсу царизма, опиравшемуся на веру народа в [особую] русскую миссию и нацеленному на доминирование над теми соседями, которых нельзя покорить. Что же касается других государств, то обычно их внешняя политика включает в себя сочетание методов давления и убеждения, причем соотношение между этими методами определяется путем тщательной, терпеливой и осторожной балансировки сил.

* * *

31 декабря 1999 года, за день до своего производства в президенты, тогда еще премьер-министр Путин писал: «Никогда не случится, если это вообще возможно, чтобы Россия стала похожа на Соединенные Штаты или Великобританию. Для русских сильное государство – не аномалия, от которой следует избавляться. Напротив, они видят в его лице гаранта порядка, инициатора и главную движущую силу любых перемен». В своем инаугурационном обращении в мае 2000 года Путин четко отметил имперские традиции России: «Мы должны знать свою историю, знать ее такой, какая она есть, извлечь из нее уроки и всегда помнить о тех, кто создавал российское государство, защищал его достоинство и сделал его великой, могучей и сильной державой».

Как Россия, так и Соединенные Штаты исторически приписывали своим обществам особую глобальную миссию. Но в то время как американские идеалы рождались из представлений о свободе, российские происходили из ощущения совместного страдания и всеобщей покорности властям. Американские ценности открыты для всех, российские же сберегаются для русской нации, исключая даже малые народности империи. Американский идеализм заигрывает с изоляционизмом, русский – дает толчок экспансионизму и национализму.

Эта позиция нашла отражение в документе по вопросам российской политики национальной безопасности, принятом 3 октября 1999 года, когда Путин был еще премьер-министром, и подписанном им в качестве одного из первых официальных документов, после того как он стал исполняющим обязанности президента в январе 2000 года: «Создать единое со странами Содружества Независимых Государств экономическое пространство», то есть включить в него все прежние республики, входившие в Советский Союз (за исключением государств Балтии, которые не являются членами Содружества, но тем не менее постоянно испытывают давление со стороны России).

Документ не определяет, что имеется в виду под «единым пространством» или как такая амбициозная задача может быть ограничена только экономической сферой. Встретившись с почти единодушным сопротивлением таким планам, российская [внешняя]

политика при Ельцине и в еще большей степени при Путине попыталась с помощью присутствия российских войск, поддержки гражданских войн или экономического давления сделать независимость этих стран как можно более болезненной, с тем чтобы возвращение в российское лоно показалось им меньшим злом.

Такая политика приносит успехи. В Молдове коммунистическая партия недавно выиграла выборы. Безжалостное давление оказывается на Грузию: экономическое, через манипулирование экспортом энергоресурсов, а также военное и политическое, выражающееся в поддержке антиправительственных группировок. Подобное давление испытывают также Азербайджан и Узбекистан. Беларусь уже фактически является сателлитом России. Украину раздирают внутренние противоречия, причиной многих из которых является Россия, которая в то же время может облегчить положение осажденного правительства (разумеется, также ответственного за некоторые трудности). Расширяя свое влияние на всей территории бывшей империи, Россия искусно использует процесс приватизации, скупая промышленные предприятия в бывших республиках Советского Союза и тем самым увеличивая свое экономическое влияние.

Одна из ключевых проблем в отношениях атлантических государств с Россией заключается в том, можно ли побудить ее к пересмотру своего традиционного представления о безопасности. С позиций своего исторического опыта Россия просто обязана проявлять особый интерес к безопасности на всей ее обширной территории, и, как было сказано выше, Западу надлежит быть очень осторожным, чтобы не приближать границы своего объединенного военного блока вплотную к России. Но равным образом у Запада есть обязательства побудить Россию отказаться от своих намерений доминировать над соседями. Если Россия успокоится в своих нынешних границах, ее отношения с внешним миром быстро улучшатся. Но если реформы создадут укрепившуюся Россию, вновь обращенную к политике гегемонизма, – а именно этого и боится большинство ее соседей – неизбежно вернется и напряженность времен холодной войны.

Соединенным Штатам и их союзникам необходимо установить два приоритета в их отношениях с Россией. В первую очередь нужно постараться, чтобы к мнению России с уважением прислушивались в

возникающей системе международных отношений; необходимо сделать все для того, чтобы Россия почувствовала, что она участвует в принятии многосторонних решений, особенно касающихся ее безопасности. В то же время Соединенные Штаты и их союзники должны постоянно подчеркивать – вопреки любым своим пристрастиям, – что их обеспокоенность сохранением баланса сил отнюдь не исчезла с окончанием холодной войны. Соединенные Штаты не должны смиряться с поддержкой Россией ядерной программы Ирана, ее систематическими нападениями на американскую политику в Персидском заливе, особенно в отношении Ирака, и ее стремлением поддерживать группировки, провозгласившие своей целью демонтаж того, что российские лидеры упорно называют американской гегемонией. Соединенные Штаты должны уважать законные интересы России в области безопасности. Но это предполагает, что российское понимание законности должно быть совместимо с независимостью соседних государств, а сама Россия должна серьезно относиться к американской обеспокоенности распространением ядерных и ракетных технологий.

* * *

На развитие российской внутренней политики нельзя смотреть как на индикатор содержания внешней, всегда волновавшей ее соседей. Связь между рыночной экономикой и демократическим государством – а также между демократическим государством и мирной внешней политикой – далеко не так очевидна, как это может показаться с позиций здравого смысла. Западной Европе понадобились столетия, чтобы процесс демократизации принес свои плоды, что не исключало целого ряда катастрофических войн. В России, у которой нет необходимых капиталистических или демократических традиций и которая не переживала ни периода Реформации, ни эпохи Просвещения, ни века Великих [географических] открытий, соответствующая эволюция, скорее всего, будет проходить непросто. На раннем этапе этот процесс может даже побудить российских лидеров искать народной поддержки, апеллируя к националистическим чувствам.

Но при всех этих оговорках Соединенные Штаты и атлантические государства весьма заинтересованы в России, экономически развивающейся и демократизирующейся, в России, которая впервые в своей истории сосредоточивается на проблемах внутреннего развития и не ищет безопасности, пускаясь во внешние авантюры. Им следует быть терпеливыми, но они не должны ставить на карту безопасность соседей России или свою собственную. Сама же Россия должна получить все стимулы, для того чтобы пересмотреть свои исторические приоритеты. Ее гигантский арсенал ядерного оружия, даже если в технологическом отношении он не слишком пригоден для наступательных действий – а может быть, даже благодаря этому обстоятельству, – обеспечивает ей щит безопасности от посягательств на ее территорию в духе Наполеона или Гитлера. И даже неядерные вооружения стали сегодня столь совершенны, что войны прежнего типа между ведущими державами становятся все менее и менее вероятными.

Для доброжелательно настроенных иностранных государств наиболее острая проблема, связанная с Россией, состоит в том, сможет ли потенциально могучая держава, имеющая бурную историю, создать систему устойчивых отношений с остальным миром? Сократившись в своей европейской части до границ времен Петра Великого, Россия стоит перед задачей привыкнуть к утрате империи, причем как раз в тот период, когда она занята созданием институтов, исторически ей совершенно незнакомых.

Атлантические союзники должны донести до России, что считают осуществляемые ею преобразования историческими, и помогать ей, как только возможно. Но сколь бы сочувственными ни были эти государства в своих устремлениях, они окажут себе плохую услугу, если сделают вид, что Россия уже завершила процесс реформирования, который на самом деле находится в зачаточном состоянии, или если они примутся поздравлять российских лидеров с приобретением качеств, которые им еще только предстоит продемонстрировать. Войдет ли Россия во всемирную торговую систему в качестве надежного партнера, будет в большой степени зависеть от ее способности ввести у себя прозрачную законодательную систему, предсказуемую правительственную структуру и подлинную, а не олигархическую рыночную экономику. По мере того как эти цели

будут достигаться, естественные ресурсы России и большой запас квалифицированной рабочей силы, безусловно, привлекут значительный приток иностранных инвестиций.

* * *

Некоторые воображают, что Европа может помочь России интегрироваться в международное сообщество, действуя в качестве посредника между Россией и Соединенными Штатами. Премьер-министр Тони Блэр претендует на особую роль Великобритании, имея в виду спорный вопрос противоракетной обороны. Другие намекают на возможность вступления России в НАТО в качестве конечной цели. Кое-кто спекулирует вокруг возможного членства России в Европейском Союзе в качестве противовеса Соединенным Штатам или Германии.

Но ни один из этих курсов не является подходящим для ближайших двух десятилетий. Членство России в НАТО превратит Атлантический альянс в инструмент безопасности типа мини-ООН или, напротив, в антиазиатский – особенно антикитайский – альянс западных индустриальных демократических государств. Российское членство в Европейском Союзе, с другой стороны, разделило бы два берега Атлантики. Такой шаг неизбежно подтолкнул бы Европу в ее поисках самоидентификации к дальнейшему отчуждению от Соединенных Штатов и заставил бы Вашингтон проводить соответствующую политику в остальном мире. Институциональные отношения между Россией и Европой, более близкие, чем отношения Европы с Соединенными Штатами, или даже сравнимые с ними, произвели бы переворот в трансатлантических взаимоотношениях – вот почему Путин так прилежно обхаживает кое-кого из американских союзников [в Европе].

Любой серьезный историк признает важную роль России в построении нового мирового порядка, отнюдь не поощряя ее возврата к прежней исторической модели. Похожая дилемма стояла перед Европой в конце наполеоновских войн. Несмотря на опасения относительно возрождения французского милитаризма, Европа все же сумела встроить Францию в свою систему международных

отношений. Союз четырех – России, Великобритании, Австрии и Пруссии – защитил Европу от усиливавшейся в военном отношении Франции. В то же время Франция была уравнена в правах с членами этого Союза предоставлением ей места в так называемом «Согласии Европы» (Concert of Europe), занимавшемся политическими проблемами, которые влияли на европейскую стабильность.

Похожее решение необходимо принять и для создания современного мирового порядка. НАТО должна сохраняться как препятствие возрождению российского империализма. Одновременно индустриально развитым демократическим странам следует создать надежную систему сотрудничества с Россией. Политические консультации в рамках Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) должны получить дальнейшее развитие, быть подняты до уровня глав государств и периодически созываться для обсуждения международной ситуации. Россия уже принимает участие во встречах глав государств «Большой восьмерки». Именно таким образом в Европе можно будет выстроить новый порядок, причем с Запада на Восток, а не с Востока на Запад, как этого кое-кому хотелось бы.

Не отвергайте Путина *(Из статьи Г. Киссинджера, распространенной Tribune Media Services)*

...Спор о противоракетной обороне, которому уже почти полвека, вновь разгорелся после объявления планов о размещении элементов американской системы ПРО в Чехии и Польше. Опять звучат знакомые аргументы эпохи холодной войны: Россия ставит под сомнение необходимость развертывания этой системы и утверждает, что на самом деле она предназначена для подавления российских стратегических сил, а не отражения иранской угрозы, как заявляет администрация Буша.

Но помимо инвектив Кремль выдвинул смелую инициативу по развитию беспрецедентного сотрудничества между Россией и НАТО с целью отражения ракетной угрозы со стороны Ирана.

У концепции противоракетной обороны в США непростая судьба. Проект системы ПРО, предложенный президентом Ричардом Никсоном в 1969 году, не удалось провести через Конгресс. Для того чтобы сохранить его ядро, в 1972 году администрация Никсона подписала Договор о противоракетной обороне, который заморозил разработки противоракетных систем обеих сторон, а также впервые наложил ограничения на рост советских наступательных вооружений.

Резкое изменение международной обстановки в последующие десятилетия потребовало пересмотра принятых ранее решений. Во-первых, распад Советского Союза устранил на обозримое будущее концептуальную базу доктрины сдерживания, основанного на способности к взаимному уничтожению. Во-вторых, технический прогресс сделал противоракетную оборону гораздо более реалистичным проектом. В-третьих, распространение ядерного оружия и ракетной технологии создало беспрецедентную опасность случайных запусков и ракетных ударов со стороны стран-изгоев.

Не следует забывать и о моральном аспекте. Если бы произошло даже самое ограниченное ядерное нападение, то как бы президент объяснил населению, что, обладая технологией, позволяющей сгладить его последствия или вообще предотвратить их, он предпочел оставить страну незащищенной?

Эти соображения убедили администрацию Буша выйти в 2002 году из Договора о ПРО и начать создание глобальной системы противоракетной обороны, призванной отражать ограниченные нападения, особенно со стороны стран-изгоев. Размещение элементов системы началось на Аляске, а некоторые из уже имеющихся радаров в других регионах интегрируются в систему. Радар в Чехии и небольшое число ракет-перехватчиков в Польше станут первыми новыми объектами за пределами Соединенных Штатов, создаваемыми непосредственно для нужд противоракетной обороны.

Россия приняла выход США из Договора о ПРО в 2002 году практически без возражений, но планируемое размещение военных объектов в Польше и Чехии вызвало у нее нервную реакцию. В этом нет ничего удивительного. Москва всегда испытывала большой интерес к противоракетной обороне.

В настоящее время американо-российский диалог идет по традиционной модели. Но за ним стоят не только стратегические соображения. После переломного выступления президента Владимира Путина в Мюнхене на его поведение накладывает отпечаток глубокое неприятие приближения военной инфраструктуры НАТО к границам России в нарушение предыдущих договоренностей, которые, по мнению Москвы, гарантировали, что этого не произойдет. Прежде всего это касается новейших военных технологий.

Аргумент США о том, что система ПРО создается для отражения атак со стороны Ирана, отвергается на том основании, что ракеты, способные достичь территории США, будут у Ирана не ранее чем через 10 лет. Поэтому, по мнению России, развертывание системы ПРО по своему характеру является частью плана, направленного против российских интересов. Тактика Москвы отражает эту риторику. Она начала интенсивную дипломатическую кампанию по давлению на НАТО и США с целью отказа от размещения ПРО в Центральной Европе. Она взяла назад свои заверения в том, что ни одна российская ракета не будет направлена на территорию НАТО.

Но кое-что указывает и на более конструктивный подход. Путин сделал интригующее предложение, потенциально имеющее глубокое стратегическое значение: для отражения иранской угрозы связать российские радары, предназначенные для слежения за пусками ракет, – существующие в Азербайджане или проектируемые на юге России – с

системой противоракетной обороны США и НАТО. В нынешнем виде это предложение неприемлемо, но оно содержит в себе видение реализации параллельных стратегических интересов, которое может создать прецедент ответа на другие глобальные вызовы.

На глазах у России и Соединенных Штатов возникает мировой порядок, несущий в себе как угрозы, так и перспективы, с которыми в одиночку не может справиться национальное государство, каким бы мощным оно ни было. Распространение оружия массового поражения, радикальный джихадизм, вопросы экологии, глобальная экономика – все это требует международного сотрудничества. Похоже, это находит понимание на уровне президентов и министров иностранных дел. Отношения имеют дружественный характер и характеризуются серьезными усилиями по налаживанию сотрудничества. Однако в общественном сознании появляются элементы, напоминающие о холодной войне.

Нельзя допустить закрепления этой тенденции. Соединенные Штаты и Россия более не ведут конкуренцию за глобальное лидерство. Оборонные меры каждой из сторон не направлены против другой, поскольку каждой из них грозят иные, более серьезные опасности.

Многие американцы понимают, что многие глобальные проблемы лучше всего решать в рамках американо-российского сотрудничества. Более того, возможно, это единственный путь их решения. Точно так же и российские лидеры не могут не осознавать, что глобальное соперничество с Соединенными Штатами не принесет их стране никакой пользы.

Разумеется, у каждой из сторон есть национальные интересы, которые не обязательно совпадают. Америке нужно выказать большее понимание российских озабоченностей. Москва должна понять, что требование принимать Россию такой, какая она есть, было услышано и что угрозы – не самый лучший способ достижения общих целей.

Вопрос о противоракетной обороне представляет собой самый насущный вызов. Для Америки альянс НАТО всегда служил основой ее выхода из изоляции и участия в международных делах. Поэтому не нужно требовать отказа от соглашений с Чехией и Польшей, призванных подчеркнуть их связи с Америкой и признанных лидерами США важными для безопасности страны.

Но Америка может и должна привести планируемое развертывание в соответствие с заявленной целью отражения угроз со стороны стран-изгоев и определить конкретные шаги, отделяющие размещение противоракет в Центральной Европе от стратегии гипотетической и крайне неправдоподобной войны с Россией.

За этими рудиментами традиционного контроля над вооружениями виднеется перспектива нового подхода к международному порядку. Инициатива Путина по связыванию систем предупреждения НАТО и России может быть или стать историческим прецедентом ответа на угрозы, стоящие перед всеми странами одновременно. Это одна из тех схем, которые легко поставить под сомнение аргументами технического характера, но, возможно, как и рейгановская программа «звездных войн», она является провозвестником будущего, открывающего совершенно новые творческие возможности. Она позволяет увидеть контуры поистине глобального подхода к проблеме распространения ядерного оружия, ответ на которую до сих пор давался политикой отдельных государств. Этот подход может стать предтечей решения других вопросов подобного масштаба.

Разумеется, вполне возможно (или даже наиболее вероятно), что предложение Кремля является главным образом тактическим маневром: выявить несуществующие американские планы против стратегических сил России; расколоть НАТО, поставив российские предложения на обсуждение Совета Россия-НАТО; наконец, выдвинуть новые инициативы, обусловленные отказом от размещения элементов американской системы ПРО в Польше и Чехии.

Жаль, если так. Ведь успешный диалог – и даже серьезные усилия по проведению такового – потребует рассмотрения переговоров с Ираном о нераспространении в кардинально новых рамках, а со временем, возможно, приведет к более широкому подходу к другим глобальным вызовам. Поэтому российская инициатива заслуживает подробного изучения. Как бы функционировала такая система? Как бы предлагаемая система отвечала на собственные предупреждения? Как в ней могут участвовать другие страны с аналогичными интересами?

Если на эти вопросы может быть дан конструктивный ответ – если, иными словами, заинтересованные страны объединят свои стратегии по вопросам нераспространения, – то могут возникнуть новые рамки для решения множества других проблем. Спор вокруг самого

разрушительного оружия может перерасти в прокладывание пути к более безопасному миру.

2007 г.

Путин остается влиятельным лидером **(Из статьи Г. Киссинджера, распространенной Tribune Media Services)**

Инаугурацию Дмитрия Медведева и его вступление на посту президента Российской Федерации логично оценивать как продолжение двух сроков президента Владимира Путина, господства одной и той же кремлевской элиты, а также проведения агрессивной внешней политики.

Я убежден, что подобная оценка является упрощенной и преждевременной.

С одной стороны, структура власти в Москве является намного более сложной, чем принято считать на Западе. Это всегда казалось достаточно странным, почему при основной задаче – удержать власть – Путин на пике популярности, которая позволила бы ему внести поправки в конституцию, чтобы продлить срок своего пребывания на посту президента России, выбрал сложный и извилистый путь пересест в кресло премьер-министра.

У меня сложилось впечатление, что в российской политике настал новый этап и изменения уже идут полным ходом. Переезд Путина из Кремля в здание российского правительства в этом смысле символичен. Медведев заявил, что он собирается возглавить Совет Национальной Безопасности как гарант российской конституции. Он заявил также о том, что его действия способствуют укреплению имиджа российской внешней политики. Утверждение, что президент разрабатывает внешнюю политику и политику безопасности, а премьер-министр ее реализует, стало мантрой российских чиновников от Медведева и Путина вниз. Я не столкнулся ни с одним из российских политиков или правительственных чиновников, кто бы сомневался, что происходит перераспределение власти. Все они в этом были полностью уверены.

Путин остался мощным и весьма влиятельным лидером. Он рассматривается большинством россиян как лидер, который преодолел унижение и хаос 1990-х годов, когда русское государство, его экономика и идеология рухнули после распада Советской империи. Восстановление экономики России зависело в тот момент от

иностранной помощи, а внешняя политика России была пассивной. Вполне вероятно, что Путин присвоил себе право следить за действиями своего преемника; вполне возможно, что он держит открытой возможность стать кандидатом на будущих президентских выборах.

Каким бы ни был конечный результат, русские выборы знаменует собой переход от фазы консолидации к периоду модернизации. Добровольная уступка власти правителем, который не был обязан это сделать, послужило беспрецедентным событием в истории России. Растущая сложность российской экономики породила необходимость в строгом регулировании правовых процессов и четких правовых процедурах, что уже и предзнаменовало появление нового лидера – Дмитрия Медведева. Работа российского правительства – по крайней мере первоначально – с двумя центрами власти может в перспективе эволюционировать в систему сдержек и противовесов, аналогов которой до сих пор не существовало.

Эволюция российской формы правления в демократическую отнюдь не предопределена, разумеется, и мотив для подобной эволюции никак не связан с нашими теоретическими представлениями о природе демократии. Но и на Западе не было предпосылок для эволюции демократии. В конце концов, Великая хартия вольностей была документом, предназначенным для гарантии прав аристократии, а не большинства людей.

Каковы могут быть последствия для американской внешней политики? В течение нескольких последующих месяцев Россия будет занята выработкой практических средств для разработки и реализации политики национальной безопасности. Администрации Буша и аппарату президента было бы целесообразно дать России некоторую возможность выработать свою концепцию путем ограничения публичных обсуждений.

Что касается долгосрочной перспективы, то после распада Советского Союза в 1991 году череда американских администраций действовали так, как будто создание российской демократии было основной американской задачей. Часто звучали выступления, осуждающие российские действия в разных ситуациях, и демонстрировались жесты времен холодной войны.

Сторонники такой политики утверждают, что трансформация российского общества является предпосылкой для создания более гармоничного международного порядка. Они утверждают, что если нынешняя власть в России находится под международным давлением, то страна постепенно развалится так же, как это случилось с Советским Союзом. Политика диктовать россиянам свою волю и вторгаться в их суверенные дела ошибочна как с точки зрения геополитики, так и с точки зрения морали.

Есть, несомненно, отдельные группы и люди в России, которые смотрят на Америку как на тех, кто поможет им ускорить построение демократии. Но почти все наблюдатели сходятся во мнении, что подавляющее большинство россиян считают, что Америка слишком самонадеянно лезет во внутренние дела России. Такая среда, скорее всего, способствует националистическим настроениям и очень враждебна.

Было бы жаль, если эти настроения сохранятся, потому что во многом мы являемся свидетелями одного из самых перспективных периодов в истории России. Воздействие современных открытых обществ и взаимодействие с ними является более длительным и интенсивным, чем в любой предыдущий период русской истории – даже перед лицом некоторых репрессивных мер. Чем дольше это продолжается, тем большее влияние это окажет на политическую эволюцию России.

Значение нашего общества диктует американская приверженность демократической эволюции. Но темпы ее неизбежно будут русскими. Мы можем повлиять на это лишь спокойным терпением и пониманием темпов исторического процесса, чем попытками обиженного разъединения и каких-то общественных призывов.

Это тем более важно, что геополитические реалии предоставляют необычную возможность для стратегического сотрудничества между бывшими противниками по холодной войне. США и Россия контролируют 90 процентов ядерного оружия в мире. Россия содержит наибольшую часть суши той или иной страны, примыкающей к Европе, Азии и Ближнему Востоку. Прогресс в достижении стабильности относительно ядерного оружия на Ближнем Востоке и в Иране требуется – или в значительной степени способствует – российско-американскому сотрудничеству. Империалистическая

внешняя политика царской и советской России была связана со слабостью почти всех стран, примыкающих к границам России. Это позволило России в ходе полутора веков неумолимо продвигаться, почти как естественной силе, от Волги до Эльбы, вдоль берегов Черного моря, на Кавказ и на подходах к Индии. В Азии она проникла до Тихого океана, в Маньчжурию и в Корею. Русский импульс способствовал формированию характера самодержавной власти в Кремле, что позволило царю и советским правителям вести политику без особых ограничений. Безопасность стала синонимом дальнейшего расширения, и внутренняя законность была достигнута в основном за счет демонстраций власти за рубежом.

Эти условия коренным образом изменены. Соседи России преодолели слабость. 2500 миль границы с Китаем является демографической проблемой; к востоку от озера Байкал 6,8 млн. россиян сталкиваются с 120 млн. китайцев в провинции вдоль общей границы. На столь же протяженной границе Россия имеет дело с воинствующим исламизмом, расширяющим зоны своего влияния в южной России. На западе лежит западная граница России, где Россия должна адаптироваться к потере имперской истории, ведь за западной границей лежат территории, связанные с Россией в течение сотен лет. Но русская стратегическая инициатива была ограничена возникающими реалиями, в том числе новыми членами НАТО – бывшими странами Варшавского договора.

Хотя население России переживает всплеск национальной гордости, ее лидеры понимают риск изменения нового международного порядка традиционными методами России. Они знают, что значительное большинство мусульманского населения России (около 25 млн. человек) весьма нелояльно к государству. Система здравоохранения нуждается в капитальном ремонте; инфраструктура должна быть восстановлена. Впервые в истории Россия обязана сосредоточиться на осуществлении своих внутренних реформ.

Несмотря на направленную конфронтацию риторики, на издевательский стиль, который разработан в империалистический период, российские лидеры осознают ограничения своих стратегических возможностей. В самом деле, я бы охарактеризовал российскую политику при Путине как поиск надежного стратегического партнера, и Америка является весьма

предпочтительным выбором. Русская обеспокоенная риторика в последние годы отражает, в частности, изменение кажущейся нам непроницаемости российской внешней политики. Президенты двух стран создали конструктивные отношения, но так и не смогли преодолеть институциональные привычки, сформированные во времена холодной войны. С российской стороны выборы в Государственную думу и выборы президента дали российским лидерам возможность апеллировать к националистическим чувствам после воспринимаемого россиянами десятилетия национального унижения.

Этот отход от диалога не влияет на основополагающую реальность. Три вопроса доминируют в политической повестке дня: безопасность, Иран и отношение России к своим прежним изживенцам, особенно к Украине.

Из-за своего ядерного перевеса Россия и Америка имеют специальное обязательство принимать на себя инициативу в глобальных ядерных вопросах, таких как распространение ядерного оружия. Там были конструктивные предложения, такие как повышение прозрачности в вопросе ядерной безопасности и связывание антибаллистических систем противоракетной обороны двух стран, отмечается в коммюнике президентов Буша и Путина в Сочи в апреле этого года. Но до сих пор не выработано совместное соглашение.

Следует разрешить четыре вопроса в отношении ядерного оружия. Сумеют ли Россия и США прийти к консенсусу в отношении разработки Ираном ядерного вооружения? Согласны ли они с иранской ядерной программой? Согласны ли они предотвратить опасность и встать на путь дипломатии? Согласованы ли меры, которые следует предпринять в случае провала переговоров?

У меня сложилось впечатление, что по двум первым вопросам США и России удалось в значительной мере прийти к консенсусу. Что касается остальных вопросов, обе стороны должны иметь в виду, что крайне сложно будет преодолеть проблему путем двусторонних переговоров. Вопрос отношений с Украиной является одним из самых сложных и щепетильных в международной политике. США с учетом урока холодной войны и с их традиционными универсальными представлениями видят в проблеме Украины потенциальную угрозу войны и ищут пути ее преодоления. Для России этот вопрос является

прежде всего одним из болезненных потрясений. России приходится мириться с новой действительностью. Подлинная независимость Украины необходима для мирного существования международной системы и должна быть однозначно поддержана США. Создание тесных политических связей между Европейским Союзом и Украиной, в том числе членство в Европейском Союзе, имеет важное значение. Но движение западной системы безопасности от реки Эльбы до подступов к Москве приводит к эмоциональной негативной реакции российского руководства, которая и будет определять решение всех других вопросов. Следует не форсировать события и спокойно решать проблему за столом переговоров, чтобы определить возможность достижения прогресса по другим вопросам.

Сочинская декларация президентов Буша и Путина, принятая в апреле этого года, содержит «дорожную карту» для развития стратегического диалога между двумя странами. Воплотить ее в жизнь – задача для новых администраций как в Москве, так и в Вашингтоне.

2008 г.

Барабаны войны

(Из интервью Г. Киссинджера *The Daily Squib*)

...Соединенные Штаты минимизируют Китай и Россию, и последним гвоздем в их гроб будет Иран, который, конечно же, главная цель Израиля. Мы позволили Китаю увеличить свою военную мощь, дали России время, чтобы оправиться от советизации, дали им ложное чувство превосходства, но все это вместе быстрее приведет их к гибели. Мы, как отличный стрелок, не нуждаемся в выборе оружия, подобно новичкам, и, когда они попытаются, мы сделаем «банг-банг». Грядущая война будет настолько серьезной, что только одна сверхдержава может выиграть, и это будем мы. Вот почему ЕС так торопились, чтобы сформировать свою сверхдержаву, потому что они знают, что грядет, и, чтобы выжить, Европе придется быть единым целым сплоченного государства. Эта безотлагательность говорит мне, что они хорошо знают, чего ждать от нас. О, как я мечтал об этом восхитительном моменте!

Контролируя нефть, вы контролируете нации; контролируя пищу, вы контролируете народы.

Если вы обычный человек, то вы можете подготовиться к войне, переехав в сельскую местность, но вы должны взять оружие с собой, так как повсюду будут бродить орды голодных. Хотя элита будет иметь собственные убежища и приюты для специалистов, они должны быть столь же осторожными во время войны, как рядовые граждане, так как их убежища тоже будут под угрозой

Мы говорили нашим военным, что нам придется взять на себя семь ближневосточных стран из-за ресурсов, и они практически завершили свою работу. Вы знаете, какого я мнения о наших военных, но я должен сказать, что они выполняли приказы излишне рьяно этот раз. Это всего лишь последняя ступенька, так как Иран действительно нарушает баланс. Как долго Китай и Россия будут стоять и смотреть, как Америка убирает их? Великий русский медведь и Китайский дракон будут вынуждены пробудиться от спячки, и в это время Израиль должен будет бороться изо всех сил, чтобы убить как можно больше арабов – столько, сколько он сможет. Надеюсь, если все пойдет хорошо, половина Ближнего Востока станет израильской. Наша

молодежь обучалась за последнее десятилетие или около того в компьютерных играх, это интересно видеть по новым играм Call of Duty и Warfare 3, которые отражают именно то, что грядет в ближайшем будущем с его интеллектуальным программированием. Молодые люди в США и на Западе готовы, потому что они были запрограммированы, быть хорошими солдатами, пушечным мясом, и, когда им прикажут выйти на улицы и бороться с сумасшедшими китайцами и русскими, они будут подчиняться приказам. Из пепла мы будем строить новое общество, и в нем останется только одна сверхдержава, и это будет глобальное правительство, которое выигрывает. Не забывайте, что Соединенные Штаты имеют лучшее оружие, которого не имеет никакой другой народ, и мы покажем это оружие миру, когда придет нужное время.

2012 г.

Путин ищет выход

***(Из интервью Г. Киссинджера по телевидению Чарли Роуз,
23.02.2014)***

...Ни один русский из тех, что я когда-либо встречал, не может легко рассматривать Украину как совершенно отдельное государство. Она была частью России на протяжении 300 лет. История России и Украины была переплетена в течение нескольких сотен лет до этого. Так, эволюция Украины является вопросом, который движет всех россиян...

Президент России Владимир Путин не собирается усугублять серьезную потерю престижа в связи с кризисом на Украине, независимо от того, как это получится. До сих пор Путин делал то, что он вынужден был делать. Но теперь, когда он сказал, что нет никаких русских солдат в Крыму, он не должен издавать особый приказ для русских солдат о выводе войск. Вместо этого он может просто позволить им раствориться среди населения. Хотя Путин потеряет определенный престиж после этого, однако это будет не так плохо, как при других сценариях.

Украинский кризис

Чем закончится украинский кризис

(Из интервью Г. Киссинджера для *The Washington Post*,
06.03.2014)

Все публичные дискуссии об Украине сегодня – это сплошная конфронтация. Но знаем ли мы, куда идем? За свою жизнь я видел четыре войны, которые начинались с огромным энтузиазмом и народной поддержкой и которые мы потом не знали, как закончить, выйдя из трех таких войн в одностороннем порядке. Испытание для политика не в том, как она начинается, а как она заканчивается.

Слишком часто украинский вопрос изображается как решающее сражение: пойдет Украина на запад или на восток. Но если Украина хочет выжить и процветать, она не должна превращаться в форпост одной стороны против другой. Она должна стать мостом между ними.

Россия должна признать, что попытки превратить Украину в государство-сателлит и за счет этого снова передвинуть российские границы обрекают ее на повторение самосбывающегося цикла взаимных мер давления в отношениях с Европой и США.

Запад должен понять, что для России Украина никогда не станет обычным иностранным государством. Российская история началась с Киевской Руси. Оттуда пришло русское православие. Украина входила в состав России на протяжении столетий, но и до этого их история была тесно переплетена. Самые важные сражения за свободу России, начиная с Полтавской битвы 1709 года, происходили на украинской земле. Черноморский флот, посредством которого Россия проецирует силу в Средиземноморье, базируется на основе соглашения о долгосрочной аренде в крымском городе Севастополе. Даже такие прославленные диссиденты, как Александр Солженицын и Иосиф Бродский, настаивали на том, что Украина – это неотъемлемая часть российской истории, да и самой России тоже.

Европейский Союз должен признать, что медлительность его бюрократии и подчинение стратегического элемента внутренней политике на переговорах об отношениях Украины с Европой привели к

тому, что переговорный процесс превратился в кризис. Внешняя политика – это искусство расставления приоритетов.

Решающий элемент – это сами украинцы. Они живут в стране со сложной историей и многоязычным составом. Западная часть Украины была присоединена к Советскому Союзу в 1939 году, когда Сталин и Гитлер делили трофеи. Крым, на 60 процентов состоящий из русских, вошел в состав Украины только в 1954 году, когда украинец по происхождению Никита Хрущев наградил эту республику в честь 300-летней годовщины договора России с казаками. Запад страны – это в основном католики; восток в подавляющем большинстве исповедует русское православие. Запад говорит на украинском; восток говорит в основном по-русски. Любая попытка одной части Украины доминировать над другой, что превратилось в закономерность, со временем приведет к гражданской войне или к расколу страны. Если рассматривать Украину как составляющую конфронтации между Востоком и Западом, то любые перспективы создания международной системы сотрудничества в составе России и Запада – и в особенности России и Европы – будут разрушены на десятилетия.

Украина независима всего 23 года. До этого она с XIV века находилась под чьей-то, но всегда зарубежной властью. Неудивительно, что ее лидеры не научились искусству компромиссов и еще в меньшей степени освоили навыки видения исторической перспективы. Политика Украины после обретения независимости отчетливо показывает, что корень проблемы заключается в попытках украинских политиков навязать свою волю непокорной и упорствующей части страны. Сначала это делает одна фракция, а затем – другая. В этом суть конфликта между Виктором Януковичем и его главной политической соперницей Юлией Тимошенко. Они представляют два крыла Украины и не желают делиться властью. Мудрая политика США в отношении Украины должна включать поиск возможностей для сотрудничества двух частей страны. Мы должны стремиться к примирению фракций, а не к доминированию одной из них.

Но Россия и Запад, а главное – все многочисленные украинские фракции – не следуют этому принципу. Каждая из сторон лишь усугубляет ситуацию. Россия не сможет навязать военное решение без самоизоляции, и произойдет это тогда, когда ее протяженные границы

находятся в ненадежном состоянии. Для Запада демонизация Владимира Путина – это не политика; это оправдание отсутствия таковой.

Путин должен прийти к пониманию того, что, несмотря на все его недовольства и жалобы, политика военного давления приведет лишь к началу новой холодной войны. Соединенным Штатам, со своей стороны, не следует обращаться с Россией как со сбившейся с правильного пути страной, которую нужно терпеливо учить правилам поведения, установленным Вашингтоном. Путин – серьезный стратег на поле российской истории. Понимание американских ценностей и психологии не является его сильной чертой. А понимание российской истории и психологии никогда не было сильной чертой американских политических лидеров.

Руководители со всех сторон должны вернуться к анализу результатов и последствий, вместо того чтобы состязаться в позировании. Вот мои представления об исходе, соответствующем ценностям и интересам безопасности всех сторон:

1. Украина должна иметь право свободно выбирать свои экономические и политические связи, в том числе с Европой.
2. Украина не должна вступать в НАТО. Этой позиции я придерживался еще семь лет назад, когда впервые возник этот вопрос.
3. Украина должна иметь все возможности для создания правительства, соответствующего выраженной воле ее народа. Мудрые украинские лидеры в таком случае отдадут предпочтение политике примирения разных частей страны. В международном плане они должны проводить политику, сопоставимую с политикой Финляндии. Эта страна не оставляет никаких сомнений в своей полной независимости и сотрудничает с Западом в большинстве областей, но в то же время тщательно избегает политической враждебности по отношению к России.
4. По правилам существующего мирового порядка недопустимо, чтобы Россия аннексировала Крым. Но отношения Крыма с Украиной можно сделать более спокойными. В этих целях Россия должна признать суверенитет Украины над Крымом. Украина должна расширить крымскую автономию на выборах в присутствии зарубежных наблюдателей. Этот процесс должен включать устранение

любых недомолвок и неопределенности относительно статуса Черноморского флота в Севастополе.

Это принципы, а не предписания. Знакомые с этим регионом люди знают, что некоторые из них придутся не по нраву той или иной стороне. Но сейчас важнее не абсолютная удовлетворенность, а сбалансированная неудовлетворенность. Если не будет найдено какое-то решение на основе этих или аналогичных элементов, то сползание к конфронтации ускорится.

Время для принятия такого решения наступит довольно скоро.

Что делать Украине

(Из интервью Г. Киссинджера украинским СМИ. По материалам агентства roletika.com.ua, 25.06.2014)

...Я всегда был адвокатом независимой Украины, но при этом я всегда откровенно выступал против членства Украины в НАТО. Украине необходимо стать членом Европейского Союза и сохранить хорошие отношения с Россией. Однако США и ЕС необходимо помнить о стратегической важности Украины...

Я поражен красотой и духовной силой Украины. Я по-новому взглянул на Украину как на страну, которая, несмотря на все войны и бедствия, сохранила себя и свою высокую культуру.

Страна с такой большой историей заслуживает большого будущего.

Приложение

Зигмунд Бжезинский

Сможет ли Россия стать империей?

(интервью З. Бжезинского для СМИ)

У России нет потенциала для империи
(из интервью З. Бжезинского газете «Polityka», Польша, 13
июля 2010 г.)

– Недавно в интервью для «Rzeczpospolita» вы в оптимистическом духе высказывались о происходящих в России переменах. Чарльз Купчан (Charles Kupchan) открыто призывает принять Россию в НАТО. Это умещается в голове?

– По поводу России – я оптимист, потому что я пессимист по отношению к самой России.

– То есть?

– Я пессимист в отношении того, что России удастся достичь своих прежних имперских целей. У России уже нет такого потенциала. Это становится очевидно, когда смотришь на экономическую, демографическую, научную статистику, не говоря уже о геополитическом окружении: на востоке и на юге от России появляются могучие, перенаселенные азиатские государства. У России нет выбора. Ей нужно идти в сторону Запада. И в интересах Запада, чтобы она пошла в этом направлении.

– Чтобы она вступила в НАТО?

– Тут встает вопрос: что важнее – присутствие России в НАТО, то есть, фактически уничтожение Альянса, или постепенное усиление связей России с НАТО, что может его усилить, ничего при этом не портя.

– Что вы имеете в виду под уничтожением Альянса?

– НАТО – это союз с широким военным сотрудничеством. У всех стран-членов есть взаимный доступ к военным планам друг друга. Согласилась бы Россия, чтобы американские офицеры сидели в Москве и смотрели ее планы? Согласилась бы Америка на такое же

присутствие россиян в Брюсселе или Вашингтоне? Это непродуманные идеи.

– С Германией получилось.

– Немцы были на лопатках и были убеждены, что они сами виноваты в своем положении. У россиян еще нет такого же отношения к сталинизму. Но это меняется. У молодого поколения появляется понимание, что Россия должна сделать выбор, и что это должен быть выбор в пользу Запада. Таков исторический процесс. Но его результатов еще нужно подождать.

– А кто из нас их дожждется?

– Многие. Я думаю, что в течение 20–25 лет этот процесс изменит понимание сущности России.

Россия не «переварит» Украину
(из интервью З. Бжезинского газете «Newsweek Polska»,
Польша, 27 декабря 2010 г.)

– В последнее время Россия делает свой имидж более теплым, отказывается от риторики силы, идет в дипломатическую атаку. Достаточно вспомнить хотя бы недавние визиты президента Дмитрия Медведева в Варшаву и Брюссель. Это видимость или реальные изменения?

– До определенной степени – это серьезные изменения, вызванные сложной внутренней ситуацией в России. Финансово-экономический кризис последних трех лет убедил московские элиты в том, что Россия сильно зависит от общемировой ситуации, что экономике и обществу угрожают стагнация, коррупция и отсутствие модернизации. Это, конечно, не означает, что Россия извлекает из этого выводы в сфере функционирования демократии в этой стране или конституционного устройства. Но россияне начинают понимать, что их будущее в значительной мере зависит от качества отношений с Западом.

– Какова сегодня реальная сила России в мире? Неоимперские амбиции могут вызывать беспокойство, но есть ли реальные шансы на возрождение державы масштаба Советского Союза?

– Повторения не будет. При этом в долгосрочной перспективе у России есть шанс стать успешным государством благодаря ее сырьевым ресурсам, экономическому потенциалу, а также размеру

территории и умному, работающему народу. Только все эти элементы должны быть мудро использованы, что, к сожалению, в российской истории, не всегда становилось правилом.

– *Возможно ли все-таки возрождение сильного российского влияния, по крайней мере, на постсоветском пространстве? Хотя бы на Украине, которая в последнее время сделала заметный поворот в сторону Москвы?*

– Это очень чувствительный аспект. Я все же считаю, что современная Россия не «переварила» бы уже Украины.

– *Почему?*

– Так как Украина существует в качестве независимого государства уже более 20 лет. Представьте, как изменилась психика поляков между 1919 и 1939 годом. Обладание собственным, независимым государством оказывает колоссальное влияние на психику, особенно молодых людей. Этот опыт нельзя сравнивать в полной мере, так как в Польше ощущение национального сознания было развито гораздо сильнее. Однако факт, что Украина уже 20 лет является независимым государством со своей территорией, армией, национальными цветами и даже, что немаловажно, футбольными командами, которые вполне неплохо функционируют, формирует ощущение самоидентификации с национально-государственным суверенитетом. Попытка это подавить или превратить Украину в страну-сателлит, а потом и в часть империи, закончилась бы для России очень плохо.

– *Вопрос только, думают ли нынешние киевские властные элиты подобным образом?*

– Украина сейчас, действительно, очень уступчива в отношении России. Но формально она остается независимой и быстрее, чем Москва, движется в сторону Запада. Благодаря этому она начинает тянуть в сторону Запада и Россию, что выгодно Европе и особенно Польше.

– *Есть еще вопрос внутренней расстановки властных сил в самой России. Как вы оцениваете роль президента Медведева? Может ли он стать самостоятельным политиком или он только марионетка в руках ведущего неоимперскую политику премьера Владимира Путина?*

– Мы все прекрасно знаем, каким образом Медведев оказался на троне. Однако все очевиднее становится то, что президент начинает мыслить иначе, чем Путин, по крайней мере в отношении будущего

России. Впрочем, это не единственный такой случай в российской элите. Но это не означает, что в ближайшем будущем чаши политических весов перевесят в пользу Медведева. Точно то, что в России начинает происходить нечто важное. Это течение – повод для осторожного оптимизма в размышлениях о будущем этой страны.

– Пришло ли время для того, чтобы поляки стали иначе оценивать россиян?

– Это изменение уже происходит. Его можно заметить в разговорах Бронислава Коморовского с Дмитрием Медведевым, в (правда, запоздалом) признании ответственности России и лично Сталина за катынское преступление. Это подтверждает идею, что в политике свою роль играет время. Позиция поляков в отношении немцев в последнее время тоже принципиально изменилась. Это не значит, что обо всем забыто, но исторические травмы все больше отдаляются от опыта современных поляков. И это нормальный исторический процесс.

– Может ли Польша вести в отношении России самостоятельную политику, или эта политика должна быть завязана на наше членство в ЕС и НАТО?

– В вашем вопросе уже содержится ответ. Какие у нас есть возможности для ведения самостоятельной политики? Экономический бойкот? Мы перестанем поставлять в Россию товары? Существует ли польское ядерное оружие, которое угрожает России? О чем вообще речь?

– Однако не так давно у нас были политики, которые пытались, по крайней мере на вербальном уровне, вести себя с Россией жестко.

– Есть и такие политики, которые хотят одновременно воевать и с Германией, и с Россией. Это рецепт ослабления отношений с США.

– В какой степени отчетливые изменения в восприятии нашей страны и улучшение имиджа Польши стали результатом потепления отношений между Москвой и Вашингтоном?

– Только до определенной степени. Гораздо более существенной причиной этих изменений стало убеждение, что в Польше установилась стабильная, настоящая и все более укореняющаяся демократия, что Польша – это современное государство, в котором происходит далеко идущая модернизация. Что польская экономика, в отличие от всех других европейских стран, крепко стоит на ногах. Хотя, конечно, следует быть очень осторожным, думая о будущем

Польши. К этому нужно еще добавить внешнюю политику в отношении Германии и России, приближенную к позиции большинства западных европейцев. Все это влияет на улучшение имиджа Польши.

– Как нынешняя американская администрация видит роль Центральной и Восточной Европы в своей внешней политике? Звучит мнение, что знаменитая «перезагрузка» в отношениях между Москвой и Вашингтоном происходит ценой нашего региона. Можно сказать, что мы немного ревнуем, что нам не уделяется столько же внимания, сколько во времена администрации Джорджа Буша.

– Детская ревность не может быть исходным пунктом для ведения мудрой внешней политики. Требовать, чтобы Америка постоянно доказывала свою заинтересованность, симпатию, любовь к Центрально-Восточной Европе – это ребячество. То, что Польша является партнером США – это очевидно. Правда, не равным партнером, так как диспропорция между двумя этими странами, наверное, понятна и видна всем. Но не будем забывать, что именно Америка привела в НАТО не только Польшу, Чехию, Словакию или Венгрию, но и страны Балтии. Америка поддерживает военные связи с Польшей, а Польша, в свою очередь, сотрудничает с США в Афганистане, а до этого сотрудничала в Ираке. Так что к чему это постоянное требование доказательств более глубокой заинтересованности Центральной Европой? Факты говорят сами за себя.

– Может быть, постоянное ожидание заинтересованности со стороны Вашингтона просто является доказательством польских комплексов и ощущения недооцененности?

– Это уже вопрос психологии, а не дипломатии.

– В Польше довольно распространено мнение, что улучшение отношений России и США ослабляет нашу безопасность.

– То есть Польша чувствует себя в безопасности, когда Америка не в ладах с Россией, и под угрозой, когда эти отношения улучшаются?

– Может быть, это у нас осталось от времен Рейгана.

– Но Рональд Рейган уже давно не президент, Европа не разделена, а Польша уже не страна-сателлит. Действительно, сложно требовать, чтобы американская политика опиралась на такого рода комплексы.

– У Америки наверняка есть более серьезные заботы, чем у нас. Означают ли последние изменения глобального масштаба, прежде всего рост значения таких крупных развивающихся стран как Китай, Индия, Бразилия, Россия, конец доминирующей позиции Соединенных Штатов? Со всех сторон звучит паникерское мнение, что время Америки подходит к концу.

– Перемены действительно происходят и имеют большое значение. Китай становится государством, доминирующим во всем регионе и претендующим на роль глобальной державы. И весьма правдоподобно, что он ей станет. Но это не означает, что Америка приходит в упадок. Америке еще предстоит сыграть важную роль, и если посмотреть на статистику, США до сих пор обладают огромным потенциалом.

– Несмотря на внутренние проблемы с гигантским госдолгом или дефицитом бюджета?

– Эти проблемы касаются также многих других стран. Китай еще должен преодолеть сильную социальную отсталость. А Соединенные Штаты должны предпринять большие усилия по оздоровлению своего устройства и финансово-экономической системы, о чем американское общество начинает говорить все громче, сознавая такую необходимость. И в этом заключается тот потенциал, который должна использовать Америка.

Необходимо создать «широкий Запад» с Россией
(из интервью З. Бжезинского газете «Polska», Польша, 1
апреля 2013 г.)

– В своей новой книге «Стратегическое видение» вы пишете о необходимости создания долгосрочного стратегического проекта, охватывающего весь Евразийский континент. Вы считаете, что лишь подобное образование может стать стратегическим партнером США? Но как объединить Евразию? Возможен ли общий список стратегических задач для ЕС, России и Китая?

– Вы вкладываете в мои уста слова, которых я не говорил. Я не писал о формировании «евразийского стратегического союза» и тем более «объединенной Евразии». В книге речь идет только о создании более широкой системы противовесов, которая поможет сохранить стабильность на всем евразийском суперконтиненте. В последние 20 лет Евразия «лежала в дрейфе». С одной стороны, набирал силу Китай, с другой – Европа переживала сложности с укреплением политического сотрудничества, а одновременно Турция и Россия продолжали пребывать на периферии Запада. Поэтому я бы советовал Соединенным Штатам найти более тонкую и продуманную стратегию на Ближнем Востоке, и поэтому я подчеркиваю необходимость создания «широкого Запада», который бы включал в себя евроатлантическое сообщество, а также Россию, Украину или Турцию. Разумеется, достижение конечной цели займет много времени (я полагаю, нам придется подождать этого несколько десятилетий), впрочем, я подробно пишу об этом в своей книге.

– В последнее время интеграция внутри Европейского Союза тоже кажется все более проблематичной: вместо того, чтобы двигаться к сплоченности, ЕС трещит по швам. Как вам кажется, реально ли в долгосрочной перспективе создать сильную политическую структуру, объединенную вокруг еврозоны? Какие альтернативы есть у Европы?

– Вы совершенно справедливо отметили, что процесс дальнейшей интеграции внутри ЕС становится все более сложным. Брюссель не использовал период относительной стабильности, чтобы выстроить настоящую общность, и расхлебывает сейчас последствия этого бездействия. Рассчитывать на то, что валютный союз сможет заменить

настоящее политическое объединение, тем более что страны еврозоны функционировали в ней на разных условиях, было недальновидно. Однако я не разделяю мнения, что Евросоюз может распасться. Сейчас, на самом деле, под вопросом только членство Великобритании, а остальные страны, как представляется, хотят оставаться членами ЕС. Тем не менее, напряженность внутри всей структуры существует, последним примером стала ситуация на Кипре. Европейские лидеры и общественность, между тем, осознают, что распад Евросоюза был бы для них катастрофой. Кроме того, в последние несколько месяцев США все более решительно высказываются в пользу создания трансатлантической зоны свободной торговли. Если бы переговоры на эту тему, действительно удалось довести до конца, это стало бы невероятно сильным импульсом общественно-экономического развития для Америки и Европы. Со временем такое экономическое сотрудничество естественным образом может перерасти в военное взаимодействие. Когда это произойдет, можно будет говорить о настоящем и жизнеспособном Западе, реализующим свои интересы по всему миру.

– Говоря об этих интересах, нельзя забыть о России. В своей книге вы подчеркиваете, что в настоящий момент ситуация в этой стране нестабильна, но со временем средний класс совершит там вестернизацию. Это реально? В истории еще не было примеров, чтобы России, несмотря на неоднократные попытки, удалось внедрить у себя западные стандарты. Почему вы считаете, что сейчас все может выйти иначе?

– Вы спрашиваете, может ли появление среднего класса России привести к вестернизации России, одновременно подразумевая, что это невозможно. На мой взгляд, это крайне антиисторический подход. Запад стал демократическим не тысячу лет назад, а пришел к демократии путем эволюции. Понадобилось время, чтоб выработать существующие сейчас институциональные решения и создать принципы, которые ассоциируются сегодня с западной политической системой. В России данный исторический процесс начался гораздо позже, что совершенно не означает, что эта страна не может пойти тем же путем. Невозможно отрицать, что российский средний класс становится все более заметным. Он открыт миру и начинает перенимать те политические ценности, которые традиционно

связываются с Западом. Многие представители российского среднего класса учились за границей, а сейчас активно инвестируют на Западе свои средства. Это дает основания предположить, что постепенно современные мыслящие россияне приведут к изменению политическую систему в своей стране.

– Польша лежит на границе двух больших образований: с одной стороны – валютный союз, а с другой – Россия строит союз Евразийский. История учит, что такое местоположение всегда приносило нам несчастья. Как нам из этого выбраться, сколько у нас осталось времени на принятие стратегического решения?

– Спокойнее. Говорить, что Россия «создает Евразийский союз», было бы преувеличением. Она, а в первую очередь президент Путин, хотела бы его создать, но сейчас это лишь пожелания, а не свершившийся факт. На формальном уровне Кремль, конечно, будет уговаривать постсоветские государства присоединиться к своей концепции укрепления сотрудничества, достаточно, однако, посетить эти страны, чтобы понять, что местные элиты слишком привыкли к идее суверенитета, им нравится факт обладания собственным независимым государством. И это абсолютно неудивительно. Ведь каждый предпочел бы быть президентом, премьером, министром, генералом или послом своей страны, а не членом бюрократии, которая пытается выстроить новую национальную империю, исходя из собственного понимания этноса. Я не верю, что российская идея создания Евразийского союза завершится успехом. Кроме того, в ситуации, когда Запад укрепит свои силы, а Китай сохранит нынешний темп развития, положение России между ними будет крайне неудобным.

– Какая судьба ждет страны – участницы проекта «Восточное партнерство»? Поляки хотели жить, как на Западе, и мы вступили в Евросоюз, но может ли этот сценарий повториться в случае украинцев и белорусов? Каковы шансы, что Польша покажется им настолько привлекательной, чтобы превратиться в точку отсчета для понимания собственных желаний и устремлений?

– Украинцы и белорусы, которые хотят стать частью Запада, думают об этом вовсе не из зависти к Польше. Они хотят этого, так как связывают свои, используя ваше определение, «желания и устремления» с Европой, а заодно надеются упрочить свою

независимость. Я вынужден с сожалением констатировать, что время от времени их заставляют заключать различные соглашения с Россией, которая старается таким завуалированным способом восстановить российскую империю. Европа, несомненно, обладает большим потенциалом, который можно было бы использовать для демократизации и общественной трансформации государств, лежащих за восточной границей Польши, но чтобы достичь этого результата, необходима долгосрочная стратегия действий. Аналогичная концепция необходима также в отношении Турции и России. К сожалению, такой стратегии у Европы нет.

– В своей книге вы перечисляете много задач, которые должны взять на себя Соединенные Штаты для сохранения мирового баланса сил. Какие последствия нам грозят, если ничего не будет сделано? Вы говорите об угрозе идеологической войны между Китаем и США, подчеркиваете опасность националистических тенденций в Восточной Азии. Следует ли готовиться к мрачному сценарию: росту напряженности, который мог бы привести к Третьей мировой войне?

– Давайте не будем преувеличивать: пока нет никаких оснований, чтобы рисовать мрачные сценарии. Я полагаю, что Запад стоит перед лицом новых вызовов, и некоторые из них могут оказаться довольно опасными. Однако сегодня основная опасность – это не перспектива появления ужасного гегемона вроде Сталина или Гитлера. Главная проблема – это состояние глобального хаоса. Поэтому самая важная задача современности – выработать методы, при помощи которых сильнейшие мировые государства начнут формировать трансконтинентальную систему глобального сотрудничества.

Приведут ли события на Украине к Третьей мировой войне?

(из интервью З. Бжезинского для «The American interest», 6 марта 2014 г.)

– Давайте быстро разберемся и развеим страх, что эта ситуация в Украине приведет к Третьей мировой войне. Мы точно можем представить себе, какой ход событий приведет к такому результату, но этого не будет, не так ли?

– Я так не думаю, разве что – но у этого есть очень малая вероятность – Владимир Путин потерял чувство реальности и стал жертвой клинической мегаломании. Насчет этого есть сомнения. Операция в Крыму, похоже, является рационально сконструированной, с предохранительным клапаном.

– А вы не думаете, что администрация Обамы слишком остро или неправильно отреагирует на эту ситуацию, чтобы каким-то образом компенсировать впечатление о себе, что она была слишком пассивной в прошлом?

– Более вероятно, что мы столкнемся с такими трудностями: Путин с меньшей вероятностью применит военную силу против Украины, если украинцы будут достаточно сплоченными и решительно воспротивятся. Однако если он применит силу и они окажут сопротивление, возникнет значительный локальный конфликт, который будет иметь угрожающие последствия для непосредственных соседей на запад от Украины, стран, которые ранее были частью советской империи.

В этом контексте, хотя я и не думаю, что мы можем непосредственно вмешаться в конфликт в наших интересах, бесспорно, будет предоставление помощи украинцам, а именно в виде вооружений, дипломатической поддержки и т. д. В интересах США, чтобы сопротивление было эффективным и результат не был вполне определен одной стороной, если начнутся военные действия. Если сообщить Москве об этом намерении не слишком дерзким способом, то это может уменьшить вероятность, какой бы она ни была,

дальнейшего российского вторжения. Поэтому мы не должны быть пассивными, но мы и не должны быть гиперактивными.

– Если вы уже упомянули о вероятности следующих событий, то проблема заключается в том, что мы не знаем, какими являются сейчас мотивы у Путина. Есть разные мнения: от тезиса, что «Крым является просто попыткой сохранить лицо, чем-то компенсировать потерю своего человека в Киеве», вплоть до мысли, что он не намерен останавливаться на Днепре, и стремится захватить всю Украину и включить ее в состав российского государства. Разве эта неопределенность не является частью дилеммы?

– Трудно понять, как Путин мог вычислить, что его действия в Крыму сделают украинцев в Киеве менее склонными оказывать ему сопротивление. Поэтому если это не внезапный взрыв плохо рассчитанной активности, операция в Крыму может стать первым этапом в череде шагов, которые он планирует, возможно, для разжигания полезных для него волнений на востоке Украины. Целью будет продемонстрировать, что Украина скатывается к анархии, создавая, таким образом, основания для широкой российской интервенции, а потому нам надо спросить себя: «Как мы можем отреагировать, чтобы этого не произошло, и если это таки произойдет, как мы сможем сделать последствия для России длительными и дорогими?».

– Правильно, мы должны действовать сейчас так, чтобы сделать возможные амбиции Путина относительно дальнейшей экспансии настолько дорогими, чтобы мы могли сдерживать их. Но, как вы говорите, мы не должны реагировать слишком остро. Некоторые люди выступают за мобилизацию НАТО, а я думаю, что это глупо и даже опасно.

– Я не думаю, что мобилизация НАТО имеет смысл, поскольку, с одной стороны, это очень серьезное занятие. Но НАТО не может сидеть и делать вид, что ничего не происходит. Союзники должны собраться, мы должны сформировать планы действия на случай различных ситуаций. Мы должны рассмотреть, возможно, предложение о возвращении части американских войск в Европу, поскольку мы свели их численность там почти до нуля, и так далее. Но мы можем сделать это, только если у нас будет серьезная стратегия и

чувство равновесия между сдерживанием и капитуляцией с одной стороны и сдерживанием и ослаблением напряжения – с другой.

– Я рад, что вы сказали об «ослаблении напряжения» [accommodation]. Это словосочетание не принадлежит к неприличным. Очевидно, что Россия имеет жизненно важные интересы в Украине. Она расположена рядом с Россией и так будет всегда. Так было уже, по крайней мере, 400 лет. Соединенные Штаты далеко. Другими словами, хотя и баланс сил в некотором объективном смысле, возможно, и не очень неровный, баланс интересов, который так же важен, складывается не в нашу пользу.

– Мы намного сильнее и богаче, так что я не думаю, что баланс сил складывается не в нашу пользу. Но он не складывается столь категорично в нашу пользу, что мы можем просто щелкнуть пальцами, и россияне будут делать то, что мы захотим – в отличие от гипотетической ситуации с серьезным кризисом в Мексике.

Я думаю, что мы занимаемся этим кризисом, и нам надо быть последовательными. Мы должны рассчитать осторожно, но и твердо, какой может быть эскалация напряжения, которой мы хотели бы избежать, и какие соблазны могут привлечь россиян к поиску какого-либо образа, в который мы сможем вместе прийти к какому-либо соглашению относительно модели для Украины (как я уже писал во многих других изданиях), которая была бы похожа на финскую модель. Финляндия является частью Запада – политически, социально, культурно – но в то же время поддерживает хорошие отношения с Россией и не является членом НАТО.

Причины этого обстоятельства очень интересные, как вы, конечно, знаете: россияне решили не делать Финляндию после Второй мировой войны своим сателлитом, как я думаю, по двум причинам. Одной из них является то, что финны очень хорошо сопротивлялись в Зимней войне...

– Именно так.

– Но другой причиной было то, что Сталин был обеспокоен, что если СССР сведет Финляндию до статуса сателлита, то Швеция присоединится к Западу, а это было бы плохо для СССР.

Швеция на самом деле тайно это и сделала. Но именно тот факт, что финны очень хорошо воевали, усиливает мой аргумент, что если

украинцы будут хорошо сопротивляться, если до этого дойдет, то россияне могут пойти навстречу.

– Давайте перейдем на некоторое время к нарративу, который присутствовал на Западе в сплетнях относительно Крыма. Все вытягивают исторические аналогии. Я уже слышал несколько. Самая распространенная, конечно, объясняет, что ситуация сейчас похожа на холодную войну, за исключением того, что это совсем не так, разве нет? Сейчас в этой ситуации отсутствует какой-либо идеологический аспект, который хотя бы отдаленно напоминал о холодной войне. А потом я слышал, как кое-кто говорит, должен предположить, что довольно правдоподобно: одна неприятная шайка мошенников и бандитов проводит Олимпиаду, а потом оккупирует другую страну. Аналогия, очевидно, касалась Олимпийских Игр в Мюнхене 1936 года и Чехословацкого кризиса, что произошел после них. Кое-кто еще говорит о второй Крымской войне. Но ни одна из этих аналогий много мне не объясняет. Или есть другие исторические аналогии, менее обманчивые и более полезные?

– Ну, это зависит от того, чем все закончится. Одна из аналогий, которая приходит мне на ум, – это Мюнхенское соглашение 1938 года, которое расчленило Чехословакию, и на которую согласился Запад. А потом, через несколько месяцев, ободренный этим Гитлер атаковал и оккупировал всю Чехословакию. Теперь мы знаем, что немецкий генштаб был готов восстать против него на первом этапе, потому что думал, что он погружает их в войну, которая будет слишком дорогой и, возможно, ее не удастся выиграть. Но после того, как он устроил переворот и получил Судеты, а Запад смирился с этим, Гитлер стал смелее, а немецкие военные решили, что, возможно, он и прав, и поддержали его. А потом через полгода мир погрузился в войну.

Я не думаю, что это произойдет и в этот раз, потому что в ядерную эпоху тотальную войну между нами и русскими невозможно представить. Но косвенный конфликт возможен. И лучший способ избежать этого косвенного конфликта – намекнуть прямо сейчас, что если он все-таки взорвется, то у нас не будет другого выбора, кроме как принимать в нем участие. И, опять же, если украинцы особенно хорошо окажут сопротивление, мы должны дать понять Москве, что у нас не будет выбора, кроме как оказать некоторую поддержку, но мы не будем принимать непосредственное участие в конфликте.

– Поговорим немного о последствиях того, что уже произошло для борьбы с распространением ядерного оружия, и что может произойти в будущем, если русские попытаются оккупировать не только Крым. В Будапештском меморандуме от 5 декабря 1994 года украинцы отказались от ядерного оружия, что осталось на их земле с советских времен, в обмен на обещание, что Москва будет уважать их территориальную целостность и суверенитет. Можно было бы сделать вывод из этого, что для украинцев отказ от ядерного оружия был плохой идеей, потому что если бы они ее сохранили, то Крым не находился бы сейчас под российской оккупацией. Вы согласны с этим аргументом? И что важнее, видите ли вы какие-либо последствия для борьбы с распространением ядерного оружия от всей этой ситуации, что будут влиять на поведение других государств во всем мире?

– Невозможно сделать из этого полезный вывод. Бесспорно, если бы у Украины до сих пор еще было ядерное оружие, то можно предположить, что россияне не играли бы в ту игру, которую они сейчас ведут в Крыму.

– Конечно, это спекулятивный вопрос, но как вы думаете, другие страны, включительно Иран, например, сделают из этого выводы?

– Ну, это интересная мысль. Возможно, вы правы. Это еще один негативный аспект того, что делает Путин.

Но самое негативное в том, что делает Путин, – это то, что все его действия [в Крыму] не являются необходимостью. Почему он это делает? Это не усилит Россию и не увеличит доверие к ней. Это не сделает Россию в долгосрочной перспективе привлекательной, все более – как мы надеялись бы – демократическим и благополучным государством. Я думаю, что то, что происходит это, возможно, прежде всего, трагедия для самой России.

– Наш коллега Вячеслав Иноземцев утверждает, что русские, возможно, могли бы вполне приручить украинцев, если бы делали все время правильные вещи, привлекательные, в отличие от неправильных, издевательств и агрессии.

– Да, я думаю, что Путин все испортил. У меня есть ощущение после просмотра его недавней пресс-конференции [интервью взято 6 марта], что он несколько тронут, находится в неопределенности и ищет дорогу наощупь. И я думаю, что в этом контексте есть еще возможность закончить все рационально. Но не ползая. Не объявляя,

как любят некоторые из наших мыслителей в международных делах, что у нас нет выбора, что мы не имеем никакого влияния, что нет ничего, что мы можем сделать. И не так, как британцы, похоже, склонны утверждать: «Ну, в наших банках есть много российских денег...».

– Относительно вашего первого наблюдения, я упоминаю здесь о Кубинском кризисе 1962 года. Администрация Кеннеди была сильной, но оставила Хрущеву путь к отходу. Невозможно закрыть для агрессора все пути для отступления, если надо избежать конфронтации. Если Путин сделал ошибку и хочет сделать шаг назад, то мы должны держать двери или окна открытыми, чтобы он мог это сделать.

– Это правильно.

– Давайте обсудим ваше второе замечание о британских банкирах в лондонском Сити. Кое-кто утверждает, что где бы ни держали Путин и связанные с ним олигархи свои деньги, эти банкиры настолько влиятельные, что имеют возможность существенно ослабить любой смелый удар Запада в ответ на то, что произошло. И это, по мнению этих людей, касается и Уолл-стрит, и лондонского Сити. Я вижу в этом смысл, но я не могу полностью поверить в эти аргументы в такое время, в период повышения геополитических ставок. Но мне интересно, что вы думаете.

– Я не настолько параноик, чтобы думать, что банкиры тайно управляют нами. Но банкиры, без сомнения, имеют большое влияние, особенно в политических системах, в которых деньги все чаще становятся тем механизмом, который смазывает «демократический процесс».

– На этом мы пока закончим. Я с вами согласен. Итак, теперь вопрос, что касается побочного влияния того, что произошло, на политику администрации США в отношении Ближнего Востока. Очевидно, что госсекретарь Керри и президент ясно дали понять, что они зависят в той или иной степени от России в сирийском вопросе и связанном с ним иранском. И сейчас многие фактически говорят: посмотрите, когда вы доверяете россиянам, чтобы они помогли вам в этих делах, они разворачиваются и оккупируют Крым... Но они вообще могли быть для нас полезными? Я должен сказать, что никогда не верил в то, что россияне намеревались быть для нас

полезными партнерами в вопросах Сирии и Ирана, и мне это сейчас как раз представляется более очевидным, чем когда-либо раньше.

– Я смотрю на это несколько иначе. Я думаю, что у россиян все-таки есть интерес быть полезными для нас в этих случаях, и не потому, что они хотят спасти нас, а потому, что сама Россия может подвергнуться негативному воздействию, если в этом регионе разразится слишком масштабный конфликт. В конечном счете если Иран будет обладать ядерным оружием, с большей вероятностью он будет угрожать интересам России, чем нашим, особенно если будет распространяться дальше конфликт между суннитами и шиитами. Аналогично и с Сирией: у них там есть остаточные интересы, они были и присутствуют там уже в течение долгого периода времени. Их вполне могут оттеснить оттуда во время конфликта сунниты, которые точно не настроены дружелюбно по отношению к России.

Проблема здесь заключается в том, что россияне могут прийти к выводу, даже если и будет так, что мы пострадаем больше, чем они, и поэтому они могут поддаваться искушению выпустить этого демона из клетки. Я думаю, что они ошиблись бы, если бы заняли такую близорукую позицию. Вспомним, что со 140 миллионами человек, проживающих в России, мусульмане составляют от 25 до 30 миллионов человек. Это много. И их ярость постоянно усиливается. Они географически близко, зато мы далеко.

А потом посмотрите на чрезвычайно сильную реакцию со стороны турков, по крайней мере, на вербальном уровне, на то, что происходит в Украине. Министр иностранных дел Турции, который является важным, значимым и вдумчивым политиком, Ахмет Давутоглу вылетел в Киев и сделал чрезвычайно громкие заявления о том, что Турция не может игнорировать то, что происходит, и то, как, в частности, повлияет на безопасность его страны то, что сейчас происходит в Крыму.

– *Это неоосманское мышление. Турки воевали с Россией по меньшей мере 13 раз в зависимости от того, как считать.*

– Да, и они даже победили в некоторых из них! Поэтому если бы я был россиянином, я бы спросил себя: действительно ли я хочу обострения отношений между всеми мусульманами и русскими, такой ситуации, которая уже есть в Дагестане и Ингушетии, и которая может снова взорваться в Чечне, хоть и была уже там жестоко подавлена, и

так далее? Так что я думаю, что россиянам, которые считают, что управлять ими не должен только один лидер, который, к тому же, возможно склонен к мегаломании, следует поразмыслить как-то над этим.

– Когда мы думаем о выборе наших возможных реакций, как непосредственно связанных с украинским кризисом, так и других, наши союзники имеют в этом процессе ключевое значение. Очевидно, наши европейские союзники в этом случае играют важнейшую роль. И я должен сказать, что считаю позиции, которые господствуют сейчас внутри Европейского союза, несколько непрозрачными. Я не могу понять, что на самом деле думают немцы, французы, англичане и даже поляки, не говоря уже, что они думают вместе, или даже имеют ли они общее понимание ситуации, спрятанное за поверхностным слоем совместных публичных заявлений. Трудно эффективно поддерживать связь с союзниками, которые не высказывают прямо собственных мыслей. Каково ваше ощущение того, как все оценивают страны на западе от Украины?

– Когда вы говорите, что европейцы не могут прийти вместе до общего мнения, то это отчасти правда, но отчасти это не является правдой. В конце концов, они были вместе в Киеве. Три министра иностранных дел Польши, Германии и Франции провели переговоры по заключению мирного соглашения. Это были, соответственно, страна, расположенная рядом, которая может пострадать больше всего; самая мощная европейская страна, которая имела проблемные отношения с Россией в прошлом; и страна, которая давно является крупным игроком в европейских делах и исторически имеет добрые отношения с Россией. Все три участвовали в подготовке сделки. Теперь, конечно, мы увидим, что эта сплоченность сохранится в условиях напряжения и угроз, которые создал Путин. Но я думаю, что если Путин переусердствовал, она выстоит – хотя, как вы говорите, интересы отдельных лиц и различия в национальных интересах могут породить проблемы. И здесь мы, в частности, возвращаемся к тому, что британцы заинтересованы в том, чтобы их лондонский Сити играл своеобразную роль глобального Лас-Вегаса для мировых финансов.

– А как насчет других союзников, в частности, на Дальнем Востоке и, особенно, Японии? Японский оборонный истеблишмент, конечно, внимательно наблюдает за внешней политикой администрации

Обамы, и он не особенно убежден в последовательности США. Один чиновник сказал мне недавно в частной беседе, что японцы не уверены, могли бы ли мы выступить в роли союзника или посредника, если Япония и Китай столкнутся в борьбе за острова в Южно-Китайском море. Как мы отреагируем на кризис в Украине, будут внимательно наблюдать в Токио и Дели, и делать выводы, что это значит для них. У вас есть ощущение, что нынешняя администрация осознает, что то, что она делает, будет иметь последствия за пределами Европы, за пределами Ближнего Востока, в частности, в Восточной и Южной Азии?

– Мы должны быть очень осмотрительными, давая понять, что Япония является нашим основным союзником в Тихом океане. Однако Япония необязательно будет нашим основным союзником на материковой части Азии. Но мы должны придерживаться курса, в котором напряжение между Китаем и Японией не будет заставлять нас делать выбор. А это уже зависит, как я думаю, в свою очередь, от того, насколько эффективно мы сможем вести разговоры с японцами и отговорить их от совершения действий, которые будут напоминать китайцам, что они были жертвами японской агрессии. В то же время мы должны сказать китайцам: «Не раздувайте скандал до неслыханных размеров, потому что этим вы не заставите нас оставить в одиночестве Японию; мы тихоокеанская держава и являемся ею с 1905 года».

И мы можем сделать это, необязательно прибегая к словам, которые звучат как угрозы, как «сдвиг» (в направлении Азии), который создал такое впечатление у китайцев в определенный момент.

Я думаю, что в этом контексте мы должны научиться управлять этими отношениями. И в конце концов, мы можем также в частных разговорах с китайцами просто сказать им: «Смотрите, мы понимаем ваш интерес к этим островам, потому что, хотя и они сейчас маловажны, вокруг них могут быть какие-нибудь нефтяные месторождения или что-то другое, и, возможно, вам надо урегулировать этот спор в суде, так что мы будем готовы помочь». И мы можем также попросить их одновременно: «Вы же понимаете, поражает, что в прошлом вас силой заставили уступить России примерно 750 тысяч квадратных километров вашей земли. Так почему

же вы так агрессивно цепляетесь за японцев, игнорируя эту другую проблему?».

– Ну, они неофициально заново заселяют эти территории...

– Совсем неофициально, и очень медленно, по некоторым оценкам, за рубежом уже живут 2 миллиона. Но дело в том, что если у вас есть претензии к соседям, то на ком из них вы сосредотачиваетесь, определенным образом свидетельствует о том, как вы мыслите.

– Этот психологический багаж истории всех тянет вниз, и это касается как и России в ее отношениях с Украиной, так и Китая в его отношениях с Японией.

– Да, это правда. Но другая обида на Россию также мучает сердце китайцев. Прошло сколько – лишь около 40 лет с того времени, как китайцы убили немало российских пограничников на острове Даманский?

– И последний вопрос: оправданно или нет, но в мире есть ощущение, что Соединенные Штаты немного устали, отвлеклись внутренними проблемами, что мы хотим побыть в покое некоторое время. Есть опасения, что ревизионистские силы, которые недовольны статус-кво по той или иной причине, будут более склонны действовать под влиянием обид, если они подумают, что Соединенные Штаты стали недостаточно внимательны. Кое-кто интерпретирует крымский кризис как свидетельство чрезмерного спокойствия США, и опасается, что он может предвещать лавину будущих кризисов, если мы неотреагируем со всей энергией. Вы верите в лавинную теорию современных и будущих неприятностей?

– Ну, я хотел бы увидеть какие-нибудь примеры.

– Кое-кто сказал бы, что китайцы построили свою новейшую систему противовоздушной обороны исходя из этого общего контекста.

– А как мы отреагировали? Мы направили против нее два бомбардировщика, которые пролетели прямо сквозь нее. И с тех пор проблемы больше нет.

Это правда, что аргументы, подобные этим, легче придумывать в мире, который является угрожающим, опасным и нестабильным. И именно сейчас он таким и является.

Очевидно, как вы предположили в своем вопросе о том, неотреагируем ли мы слишком остро на то, что сейчас происходит в

Украине, нужно быть осторожными, чтобы не вызывать огромной эскалации напряжения и взрыва иррационального конфликта в тот момент, когда мир очень встревожен. И, как я уже утверждал, мы не живем в эпоху нашей гегемонии. До сих пор мы преобладаем своей силой, но уже не являемся гегемоном. И это требует другого шаблона поведения – не отказа от применения силы в случае необходимости, а скорее отказа от опоры на нее в качестве первого или основного инструмента для ответа.

Украина – цена за возрождение СССР
(из интервью З. Бжезинского «EuroNews», Франция, 7
марта 2014 г.)

Москва и Запад продолжают играть мускулами в одном из самых острых политических кризисов после окончания холодной войны.

Збигнев Бжезинский, советник и член правления Центра стратегических и международных исследований при университете Джонса Хопкинса, автор многочисленных книг, советник по национальной безопасности при президенте Джимми Картере в свои 85 лет остается одним из наиболее уважаемых мыслителей в области геостратегической политики. Он согласился ответить на вопросы корреспондента «Евроныус» в Вашингтоне Штефана Гробе о кризисе в отношениях Украины и России.

– Доктор Бжезинский, большое спасибо, что согласились уделить нам время. Еще два десятилетия назад вы предостерегали от ситуации, в которой Россия будет запугивать Украину и стараться дестабилизировать украинское государство. Вы писали об этом. Позвольте задать такой вопрос: нынешние действия Путина, их вопиющая дерзость для вас стали неожиданностью?

– Вовсе нет, потому что он говорил о крахе Советского Союза, как о величайшей катастрофе XX века. Просто задумайтесь, что это значит. Первая мировая война – миллионы убитых. Вторая мировая война – миллионы, и миллионы, и миллионы убитых, а еще Холокост. Холодная война – угроза ядерной катастрофы для всего человечества. Нет, нет – все это не столь значимо, как исчезновение государства, в котором он был тайным агентом КГБ. Он хочет возродить Советский Союз. И Украина – цена за это. Если он сможет заполучить Украину, он может попытаться реализовать свою мечту.

– Но теперь, похоже, Путин смахивает все фигуры с шахматной доски. Понимает ли он, что делает? Есть ли у него какой-то план в связи с Украиной?

– Безусловно, он следует каким-то расчетам, но, на мой взгляд, на краткосрочную перспективу. Мне кажется, что когда он принимал это решение, то планировал идти дальше. В том случае, если не будет

реакции со стороны Украины, если не будет никакой реакции со стороны Запада, он мог бы повторить такой трюк дальше на Востоке Украины, присоединяя район за районом, и в результате расчленив Украину, и по своему выбору назначить правительство в Киеве.

– *Вы были советником по национальной безопасности президента Картера, когда Советский Союз вторгся в Афганистан. Если бы вы были советником по национальной безопасности президента Обамы теперь, когда русские вторглись на Украину, что бы вы посоветовали?*

– Мы должны дать понять русским, что если они серьезно настроены развивать сотрудничество с Украиной, но не на 100 % на своих условиях, мы готовы им в этом поспособствовать, потому что мы не хотим, чтобы в отношениях с Украиной существовала монополия. Эта страна нуждается в помощи, ей нужна стабильность. И мы, и русские могли бы сотрудничать в этом. В то же время мы можем заверить русских: нашей целью не является заманить Украину в НАТО, что русские могли бы рассматривать, как военную угрозу. К тому же большая часть украинцев не стремятся в НАТО, но они хотят быть независимыми. Так что все это вполне совпадает с политической реальностью. Но, в то же время, мы должны дать понять, очень спокойно, не в унижительной манере, что если он (Путин) с этим не согласен, если он собирается идти дальше и угрожать Украине, последствия неизбежны. Если русские не отступятся от Крыма, я гарантирую, что большинство украинцев, которые не испытывают антироссийских настроений, изменят точку зрения.

– *Какие способы давления есть у США и Европы?*

– Могут быть приостановлены экономические договоренности. Счета россиян за рубежом могут быть заморожены. Существует много подобных способов, дать россиянам понять, что такие действия в географическом центре Европы, могут обернуться для них реальными материальными потерями.

Путин заиклен на прошлом

(из интервью З. Бжезинского «EuroNews», 20 января 2013 г.)

– Г-н Бжезинский, спасибо, что согласились на интервью. С вашей помощью мы проанализируем внешнюю политику Барака Обамы и

предложенную им идею национальной безопасности.

– Рад быть вместе с вами.

– Для управления госдепартаментом и министерством обороны Обама пригласил двух бывших сенаторов, Джона Керри и Чака Хейгела. У обоих за плечами опыт войны во Вьетнаме. Это простое совпадение или эти назначения несут в себе скрытый посыл?

– И то, и другое. Не думаю, что его выбор основан на уроках войны во Вьетнаме. Но, с другой стороны, это была одна из самых больших авантур США на мировой шахматной доске. И, в этом смысле, оба различны, но достаточно мудры, чтобы сделать правильные выводы и извлечь уроки из тех событий.

– Можем ли мы говорить о доктрине президента Обамы?

– Да, существует доктрина Обамы. Но я часто повторяю, хотя при этом несколько рискую, что доктрина есть, но у президента нет стратегии. Думаю, что Керри и Хейгел смогут внедрить стратегию в эту доктрину.

– И какой должна быть стратегия?

– Нужно обозначить точку отсчета. Признать, что традиционные мировые конфликты, произошедшие за последние 200 лет, не должны повторяться в будущем. Я имею в виду, что понятие глобальной гегемонии одной державы в прошлом, даже самой мощной державы. Но в то же время, могут возникнуть другие конфликты, спровоцированные потенциально высокими рисками. Вот почему наш ответ должен быть разумным, разносторонним и совместным с другими влиятельными государствами. И, руководствуясь нашим историческим опытом, это поможет избежать глобальных конфликтов, подобных тем, которые имеются в нашем историческом прошлом.

– Первый год второго срока президента США всегда является многообещающим, потому что к этому моменту у президента накоплен большой внешнеполитический капитал. Впереди – четыре полных года и никаких забот о переизбрании. Как должен Обама использовать этот капитал? Каковы должны быть его приоритеты?

– Я считаю, что приоритеты в известной степени продиктованы тем, с чем мы уже сталкиваемся: растущее напряжение и конфликты на Ближнем Востоке, причём на разных фронтах; речь идёт не только о традиционном палестино-израильском противостоянии. У сирийского конфликта большой потенциал по усилению региональной

напряжённости. Обама должен учитывать риски, связанные с Ираном. А кроме того, если вы посмотрите на карту мира, и если вы взглянете на, если можно так сказать, южную границу Евразии – начиная с Северной Кореи, через Индию и Китай, Афганистан и Пакистан, Иран, Ирак, Сирию, вплоть до Суэцкого канала и Египта, а там и до Нигера и Мали – мы сталкиваемся с целым поясом взрывоопасных условий.

– Давайте поговорим о Европе. Некоторые наблюдатели считают, что при Обаме Америка превращается в европейскую страну. Сейчас я могу принять это как комплимент, но на деле, это, конечно же, острый сарказм. Мы знаем, что у Европы сейчас множество проблем, что многое пошло не так, но мы также знаем, что в итоге Европа продемонстрировала чувство ответственности и крепкое политическое руководство. Я хотел бы спросить вас: есть ли чему поучиться Америке у Европы в этих условиях?

– Безо всяких сомнений – да. Глядя на Европу, мы видим, что многие её проблемы – почти что отражение наших собственных: серьёзные финансовые проблемы, социально-экономические конфликты, глубокая внутренняя поляризация, политический тупик и отсутствие общего и убедительного видения будущего. Так что мы все можем поучиться друг у друга решению общих проблем. Но я с оптимизмом смотрю на обе стороны. Я думаю, что мы сумеем обуздать свои проблемы и что европейцы, особенно Евросоюз, смогут преодолеть неприятности.

– Глядя на конкуренцию между США и быстроразвивающимися глобальными державами – Китаем, Индией, Россией – Америке всё ещё нужна Европа? Может, сегодня Европа нужна Америке как никогда?

– Вы назвали Китай, Индию и Россию быстроразвивающимися странами. Если взглянуть повнимательнее, только одна из них развивается, две других – нет. Одна борется с ностальгией по прошлому, у другой несколько преувеличенное мнение на свой счёт, с учётом общей социально-экономической ситуации при большом потенциале и многообещающих перспективах. Страна, которая развивается – это Китай. И, конечно же, мы должны к нему внимательно присматриваться. А Европа – уже и так сущность огромного значения: это наш основной торговый партнер, наш главный глобальный союзник, и потенциально имеет большую

жизнеспособность и возможность внести большой вклад в глобальное развитие. При условии, что европейцы серьезно отнесутся к вопросу о том, какого будущего для себя они хотят. В Европе сейчас есть некоторые тенденции к партикуляризму, какое-то ностальгическое желание повернуть назад. Но это не решит проблем Европы. Сегодня Европе необходимы дальновидные руководители, подобные тем, что были несколько десятилетий назад и которых сегодня так не хватает.

– *Политическая напряженность в отношениях с Россией резко возросла после принятия «Закона Магнитского», ответа российских законодателей, запретивших американцам усыновлять российских детей, и после увольнения сотрудников московской редакции «Радио Свобода». На этом фоне, как вы оцениваете «перезагрузку» Обамы? Окончилась ли она, как утверждают многие наблюдатели, полным провалом? Не был ли Обама слишком наивен?*

– Я абсолютно убежден, что не провал, и не думаю, что проводимая политика была наивной. Во-первых, это был достаточно лимитированный шаг. Он происходит от компьютерной терминологии. Что такое перезагрузка компьютера? Это действие ничего не меняет в компьютерной системе. Это скорее реорганизация, приспособление к новым реалиям. Это происходило и довольно успешно. Просто ситуация сейчас усложнилась из-за возвращения к власти Путина. И нынешний Путин менее эффективен и менее привлекателен, чем Путин во время первого срока. Он заиклен на прошлом, на идее Великой России, на своеобразном Советском Союзе, но под другим названием. Это нереальные цели, которые вряд ли поддержит большинство россиян.

– *Станем ли мы свидетелями «перезагрузки» отношений с Россией во время второго срока Обамы?*

– Будут как сложные, так и позитивные моменты. Как согласие, так и разногласия в разных вопросах.

**Авантюризм Путина приведет к крупному конфликту
(из интервью З. Бжезинского для CNN USA, 31 августа
2014 г.)**

– Збигнев, позвольте мне начать с простого вопроса. Может ли администрация Обамы описать то, что происходит в Украине, как российское вторжение в эту страну?

– Я думаю, в первую очередь, мы должны отметить, что, на самом деле, это мнение разделяет большая часть международного сообщества. А как еще это можно назвать? Российские войска переходят границу. Российские танки пересекают границу. Россия постоянно ведет артиллерийские обстрелы через границу. Кроме того, там есть и пророссийски настроенные украинцы, которых вооружила Россия.

Это военная операция, направленная против соседнего государства и, следовательно, она является серьезной угрозой для всего мира.

– Збигнев, Запад неправильно понимает Путина? Что может заставить его изменить свое поведение? Как вы оцениваете взаимодействие западного альянса и РФ?

– Ну, здесь есть два аспекта. Первый: нет никаких сомнений в том, что то, что произошло в Украине (Евромайдан и отстранение от власти Януковича. – Ред.) стало серьезным ударом по личным и международным амбициям Путина, а именно по его планам воссоздать нечто вроде Советского Союза. Называя это Евразийским союзом, в котором Россия, на основе поддержки самой важной для него страны, Украины, также Беларуси и других бывших советских республик, в некотором смысле становится доминирующей силой, как это было в Российской империи и в том же СССР.

Решение Украины не идти по этому пути создало серьезные проблемы для планов Путина и дало пример другим странам, которые все больше показывают, что они хотели бы иметь отдельный статус. Посмотрите на колебания в Казахстане, в Узбекистане, яркий пример – недавняя встреча в Беларуси. С другой стороны, есть Запад. И я думаю, что мы очень медленно убеждаем Путина, что он не может пройти весь задуманный путь. Я думаю, что мы должны были

действовать раньше в обеспечении более открытой поддержки Украины.

Мы должны быть готовы заявить публично и России, и всем остальным странам: Украина сейчас находится в состоянии защиты. Поэтому мы собираемся предоставить Украине оборонительное вооружение, подчеркиваю – только оборонительное вооружение, которое может быть использовано против вторжения танков, против вторжения артиллерии. В большой мере это оружие даст возможность украинцам почувствовать, что они могут более эффективно защищать свои города, чем это происходит сегодня.

– В конце этой недели состоится саммит НАТО в Уэльсе. Какими будут результаты этой встречи на высшем уровне?

– Главным результатом будет подтверждение, что НАТО является активным и значимым альянсом, готовым предпринять любые необходимые меры, чтобы защитить свою коллективную безопасность. И уже в ближайшем будущем мы должны принять четкое решение по дислокации постоянных баз сил НАТО, в частности, в странах Балтии, в числе которых будут американцы, немцы, британцы, французы, в том числе даже итальянцы, которые в настоящее время особенно стремятся к более активной роли в альянсе.

Может быть, базы будут стоять и в Польше, но Польша является более самодостаточным в значительной степени государством. Но, это точно будут страны Балтии. Русские хорошо знают, что эти страны – это не Украина. А, кроме того, Путин явно указал, что в случае успеха в Украине, чтобы то ни было, он будет делать то же самое в прибалтийских государствах, где есть значительное российское меньшинство жителей, проживающих очень близко к границе с Россией.

– Збигнев, недавно «Washington Post» в редакционной статье написало, что президент Обама был слишком пассивен в своей реакции на этот конфликт. Статья заканчивалась словами: «Настало время для президента Обамы перестать говорить нам, что Соединенные Штаты не могут делать и сказать нам, что они могут сделать». Я полагаю, главным аргументом Обамы станет призыв не поддаваться панике. Как вы считаете?

– Я вижу это немного по-другому. Я думаю, что он был очень четким в своих реакциях и достаточно сильным в оценках российской

агрессии по отношению Украины. Но у него есть союз, есть альянс, в который в общей сложности входит 25 или более государств, некоторые из них являются очень сдержанными. Они все очень рады иметь защиту в виде Америки и НАТО. Но не все из них готовы нести свое бремя, чтобы стоять вместе с США.

Это займет некоторое время, чтобы мобилизоваться всем странам, но уже сейчас канцлер Меркель, очень сильная фигура в мировой политике, поддерживает сильные реакции. Президент Франции Олланд начинает реагировать таким же образом. Премьер Британии Кэмерон глубоко обеспокоен происходящим, и многие другие лидеры стран. Я думаю, что характер игры меняется. Запад сейчас будет принимать твердую позицию. Я, кстати, думаю, что мы должны поговорить об этом наедине с китайцами, но очень серьезно поговорить.

Россияне, и об этом не так много говорится, утверждают, как бы конфиденциально, что Китай очень сильно их поддерживает. На мой взгляд, реальная ситуация не такая. Я думаю, что они волнуются, я думаю, что они знают, что если авантюризм Путина приведет к крупному конфликту, то это будет очень серьезной угрозой для глобального благополучия. И для Китая это стало бы фундаментальной катастрофой.

Я думаю, что китайцы должны стать более активными в общении с Путиным и должны настоять на том, что применение силы для изменения границ в настоящее время, через десятилетия после Второй мировой войны, не способ борьбы с международными проблемами. Я думаю, что они должны принять эту позицию. Они – крупное государство. Они – наши партнеры. Они не могут молчать, просто сидя на обочине.

Попытка России стать империей обречена на провал (из интервью З. Бжезинского для ТВ Украины, 20 октября 2014 г.)

– В вашей статье, опубликованной в июле в «The Washington Post», вы написали, что у Путина есть три пути, три выбора дальнейшего развития событий в Украине. Первый – он может пойти на примирение с Украиной, прекратив подрывать ее суверенитет и экономику. Второй – он может продолжить спонсировать завуалированное военное вторжение, цель которого – разорвать страну на куски. А еще Путин может просто захватить Украину, используя военную мощь России. Сейчас – спустя три месяца после выхода Вашей статьи – что изменилось? Какой путь избрал Путин?

– Прежде всего, я не смогу сказать точно, какой путь выбран, так как он обычно мне этого не сообщает. И обычно он не получает от меня советов. Но из этих трех альтернатив, на данный момент наиболее вероятна вторая. Некая агрессия – в надежде, что она в итоге она приведет к примирению, а украинцы в ответ признают потерю Крыма. А еще он может выбрать первый вариант, осознавая, что это чрезмерно рискованная и потенциально дорогостоящая политика.

– А какие возможные пути для Украины? Что бы вы могли посоветовать нам? К чему и как нам готовиться?

– Я уверен, что большинство из вас осознают это – я думаю для Украины сейчас – действительно критически важный момент в истории. Что Украина сможет найти себя – стать европейской демократической нацией, которая посвятила себя свободе в такой мере, что любой, кто захочет посягнуть на ее свободу, будет знать, что очень серьезно рискует. Думаю, это должно быть понятно всем «обеспокоенным», которым это было не ясно во время оккупации Крыма Россией. Думаю, сейчас это становится еще большим сигналом, еще большим символом – в свете попыток захватить часть территории Донбаса. <... > Но Украина должна доказать, что она на самом деле решила быть частью Европейского мира. И если Украина преуспеет в этом, произойдет нечто очень важное. Единственной перспективой России будет – смириться с этой реальностью. И в итоге самой стать частью Европы. Если она этого не сделает – превратиться

в разоренного сателлита Китая. Я не думаю, что это хорошая перспектива для России.

– Вы говорите, что мы должны доказать, но, не кажется ли вам, что Украина утратила свой исторический шанс? Он был, например, в 91-ом, когда Украина огласила независимость, но не изменила систему и стала одним из главных примеров коррупции. Он был после «оранжевой революции», но страна не смогла присоединиться ни к ЕС и НАТО. Сейчас уже прошло полгода с тех пор, как у власти – новое правительство, но существенных реформ – не было. Нет ли у вас ощущения, что теперь мы теряем свой третий шанс?

– Я все еще оптимистичен. Но будучи оптимистом, я должен говорить правду моим украинским друзьям. Вы все знаете, что я давний друг Украины. Так вот – вы должны быть готовы к длительному и напряженному периоду попыток, пожертвованию, самодисциплины и законопослушной системе. И вы должны искоренить коррупцию, которая деморализовала не только вашу экономику, но и вашу повседневную жизнь. И даже деморализовала ваши вооруженные силы, – трагическое явление после приобретения независимости 20 лет тому назад. И сейчас вы должны смириться с фактом, что в последующие 10 лет вы должны будете пожертвовать многим, чтобы стать частью Европы. Уверен – вы будете очень успешными в Европе, – у вас есть потенциал быть успешными, потому что вы европейцы.

– Поговорим о нынешней позиции администрации США. Разве это не знак, что страна является глобальным лидером? Вы даже написали книгу о выборе между глобальным превосходством страны или глобальным лидерством. Сейчас санкции – неэффективны. Украине обещают оружие, но непонятно – когда. США выходили из многих сложных ситуаций, таких как холодная война. Как вы считаете, почему Америка так нерешительна сейчас?

– Я не согласен с вами. Исходные условия вашего вопроса в том, что Америка нерешительна. Но вы только посмотрите на западную коалицию, которая накладывает жесткие санкции на Россию. У нас были внутренние разногласия, но президент США Обама, который заявил, что выступает за Украину, преуспел в объединении Европы в поддержку Украины. Сейчас на нашей стороне канцлер Германии

Ангела Меркель с ее жесткой позицией, а также поддержка других европейских стран. Мне кажется, мы на правильном пути.

– *Что касается вашей фразы, которая уже стала классической: «Без Украины Россия перестанет быть империей. С Украиной же, сначала – подкупленной, а после – подчиненной, Россия автоматически станет империей». Как вы думаете, до сих пор ли это так?*

– Сейчас я бы изменил немного мою формулировку. Мне кажется, она может попытаться стать империей. Но это будет провал. Ведь дело в том, что отношение России к Украине заставило многих людей в Беларуси почувствовать себя очень некомфортно в отношении своего будущего. А посмотрите, как казахи отреагировали на действия Кремля. Западный Казахстан сильно населен россиянами. Каждый казах сразу же подумал о «новом Крыме». Не думаю, что создание этой империи будет таким уж успешным. Империя лишь в том случае будет успешной, если России удастся подчинить Украину. Но это очень сложно из-за того, что Запад довольно четко дает понять, что ему не все равно. Но не ожидайте, что Запад будет бороться за вас. Это главное, что вы должны понять. У вас должно быть желание сделать все необходимое, чтобы защитить свою свободу. И тогда, так или иначе, Запад поддержит вас, и ситуация начнет улучшаться.

– *Говоря об этой борьбе, главный вопрос для миллионов украинцев, для тех, кто нас смотрит сейчас, – как остановить Путина? Россия в открытую смеется в ответ на санкции. А рейтинги российского президента только растут. Так что бы вы посоветовали? Каким бы мог стать достойный аргумент для России, заставивший бы ее отступить?*

– Думаю, главный аргумент заключается в том, что для России, если она отступит, есть возможность стать частью успешного Запада. Мы будем рады России. Я очень сомневаюсь, что такое будет с Путиным во главе. Но я думаю, что будущие лидеры России, особенно, если их поддержит возникающий новый средний класс, пойдет этим путем. И я бы сказал, что для России есть лучшее будущее – в качестве ведущей европейской страны. Я думаю, условия в России станут лучше для российского населения. На самом деле, россияне не живут в успешной стране. И демографическая статистика, статистика по доходам,

статистика того, куда девается капитал – все указывает на то, что это сегодня не успешное общество.

– Самая страшное для российского президента – это постоянное падение цен на нефть. Это может стать катастрофой для российского бюджета. Многие люди говорят, что это самые сильные санкции против России, и лучший способ закончить противостояние.

– Думаю, это имеет негативный эффект для России. Но, на мой взгляд, это случилось не из-за намеренного плана Запада. Думаю, это побочный эффект от изменения экономических условий, и, в особенности – изменения в отношении доступности энергетики из разных источников. Не на последнем месте стоит также и самодостаточность Америки.

– Раньше вы предрекли распад Советского Союза. Если говорить о режиме Путина, и о России в целом, то насколько сильна эта страна? Насколько силен режим?

– Думаю, страна ослабла. Режим – относительно сильный. Но если он не будет подкреплён какими-то успехами, улучшением условий жизни российского населения, он не будет достаточно эффективным. И, думаю, это и есть вызов, который стоит перед Путиным. Надеюсь, он поймет – а если и не поймет, то поймут его преемники, – что Европа захочет видеть Россию в своем составе. После того как Украина вступит в Союз, мы будем рады присоединению России к Европе. Россия тогда неизбежно станет более перспективной страной. Даже несмотря на зависимость от своего восточного партнера, у которого есть свои амбиции: экономические, геополитические и даже территориальные.

– Можно ли доверять Путину? Можно ли доверять России? Не играет ли Москва двойную игру: одну игру – на публику, и, в то же время, делает нечто совершенно противоположное руками боевиков.

– Если допустить, что это так, то это лишь подтверждает мой ответ на ваш вопрос, когда я сказал, что более вероятным из трех альтернатив Путина будет второй вариант. Но не думаю, что это сработает в долгосрочной перспективе. И поэтому я до сих пор относительно оптимистичен. Но я должен повторить то, что я уже говорил несколько раз: все зависит от Украины. Страна может быть настолько независимой или зависимой, насколько на то существует желание ее людей и лидеров. Это и есть настоящее национальное

усилие. Первые двадцать лет независимости Украины были потрачены впустую. Не думаю, что мне нужно рассказывать вам, как и благодаря кому. Теперь это вызов для всех вас – сделать так, чтобы следующее десятилетие оказалось успешным. И если вопрос в этом, то я довольно оптимистичен, – и не только насчет будущего Украины, но и насчет будущего России.

– Если говорить обо всех переговорах с Путиным, то не возникает ли ощущения, что решения принимаются не на этих встречах, и эти решения – лишь возможность представить публичности кулуарные договоренности?

– Я не понял вашего вопроса.

– У меня последний вопрос, о Крыме. Есть ли у Украины шанс вернуть Крым, и не станут ли крымские татары еще одной несуществующей нацией в Европе?

– Все зависит от того, что будет происходить между вами и Россией. Но даже больше зависит от того, что будет происходить в самой Украине. Успешная Украина, думаю, сможет договориться с Россией об альтернативных решениях, которые, с одной стороны, удовлетворят ваши исторические интересы, но также, в какой-то степени, обеспечат некоторый доступ России к Крыму, который представляет интерес и для нее. Но я не думаю, что это случится скоро. В то же время, конечно же, вы должны принять все возможные юридические шаги, чтобы иностранный бизнес не смог получать прибыль от проектов на территории Украины, в нарушение международных законов. Чтобы им это было невыгодно. Ведь Крым – конкурентоспособная территория, забранная силой. Другие предприятия и страны не должны пытаться получить выгоду за ваш счет от этой ситуации, давая прибыль лишь для России.

– И самый последний вопрос: миллионы украинцев смотрят сейчас нас. Обращаясь к нашим зрителям, не к политикам, а обычным людям – что вы можете им сказать?

– Во-первых, у них есть поддержка мира. Особенно – демократических стран. И особенно – от США. Во-вторых, и я повторю это в который раз – все зависит от украинцев. Особенно – нового поколения украинцев, которые родились гражданами Украины, а не гражданами Советского Союза. Вы должны убедиться, что Украина станет успешной в экономике, демократии, системе

законопослушности, и не будет деморализована коррупцией. Это – вызов, который вы должны преодолеть. И добиваясь этого, вы сможете договариваться в конструктивной и, в конечном итоге – положительной манере с Россией, которой придется пройти через тот же процесс, если она хочет стать современным обществом.

– Спасибо огромное за то, что были с нами. Вы – легенда. Я очень рад, что смог поговорить с вами сегодня.

– Спасибо вам. И благодарю за то, что позволили мне обратиться не только к вам, но и к украинцам, которым я желаю всего самого лучшего. А еще хочу сказать – без всякого лицемерия – что я также желаю всего самого лучшего россиянам. Потому что российское население заслуживает лучшей власти, чем у них есть сейчас.

Генри Киссинджер
Путинская Россия
(интервью Г. Киссинджера для СМИ)

Процесс еще не закончен...
(Из интервью Г. Киссинджера агентству НВО)

– Каково ваше видение путинской России? Многие иностранные наблюдатели обеспокоены нынешними внутренними тенденциями в России, прежде всего атаками на СМИ, избирательными ударами по «нелояльным» Кремлю олигархам...

– Я знаю Россию с 60-х годов. Мне даже сложно сосчитать, сколько раз я с того времени бывал в Москве. Для меня перемены, происходящие сейчас в России, на самом деле огромны и поразительны. Они имеют чрезвычайно огромное политическое значение. Конечно, процесс еще не закончен, и сделать предстоит гораздо больше, чем уже сделано. Но в целом по отношению к путинской России я настроен весьма позитивно.

2003 г.

**Путин вынужден учитывать склонность русских к
великодержавию**
**(Из интервью Г. Киссинджера для издания «Die Welt»,
Германия)**

Генри Киссинджер (Henry Kissinger): Какова обстановка в Германии?

DIE WELT: Мы, собственно, хотели спросить об этом вас.

Генри Киссинджер: У меня такое впечатление, будто дает всходы новый национализм, правда, иной, чем прежде. Раньше немцы думали, что они самые лучшие воины в мире. Сегодня – хотят быть лучшими в мире пацифистами, превосходить других в нравственности, особенно американцев.

DIE WELT: Германия считается в Европе больным человеком. Насколько больна страна?

Генри Киссинджер: Германия доказала свою жизнеспособность тем, что возродилась после разрушений Второй мировой войны, однако у нее есть по некоторым причинам проблемы с идентификацией. Во-первых, Германия как национальное государство появилось очень поздно, потом были проиграны две мировые войны, немцам пришлось начинать все сначала. Во-вторых, воссоединение Германии стало большей психологической проблемой, чем ожидалось.

DIE WELT: Большая коалиция и канцлер демонстрируют, что желанием проводить реформы не отличаются и политики. Они предпочитают повышать налоги.

Генри Киссинджер: У меня нет сомнений, что госпожа Меркель (Merkel) после убедительной победы на выборах добилась и поддержки реформ. Нет причин сомневаться, что она в этом вопросе изменила мнение.

DIE WELT: Вы знали многих государственных деятелей. Какой вы находите Ангелу Меркель?

Генри Киссинджер: Я знаю Ангелу Меркель с середины девяностых годов. Она не случайно смогла из простого ассистента в институте физики стать генеральным секретарем крупной партии, а потом бороться за высший государственный пост. Один американский тренер по бейсболу однажды сказал: «Везение – это то, что остается после расчета» («Luck is the residue of design»). Эти слова наверняка уместны и в данном случае.

DIE WELT: Политические фигуры всегда являются также симптомом времени. Что олицетворяет Меркель?

Генри Киссинджер: Мы, быть может, являемся свидетелями ситуации, когда историческая необходимость рождает лидера, которого на его пути вверх систематически недооценивали, и теперь, заняв свой пост, он неожиданно становится прекрасным отражением момента, когда речь идет о том, чтобы убедительно и профессионально преодолеть ряд кризисов.

DIE WELT: Почему?

Генри Киссинджер: Ее отказ управлять с помощью харизмы, ее стремление видеть суть вещей, возможно, единственный путь решения

проблем страны. Чисто тактические маневры в нынешнем положении завели бы в тупик.

DIE WELT: Что вы думаете о президенте России Путине?

Генри Киссинджер: У немцев всегда было очень противоречивое отношение к России. Была надменность, но была и симпатия. Существовало мнение, что когда российско-германские отношения складываются хорошо, хорошо обеим странам. Когда страны воюют, плохо обеим из них. Шредер, наверное, испытывал настоящую сентиментальную симпатию к России, что обычно для него не характерно. Запад ждет от Путина, что он возьмет за образец западные институты и будет управлять страной, пользуясь западными стандартами. Но у России огромная психологическая травма. Была проиграна не только коммунистическая революция, лишившая страну также 300-летней истории. Русские, как страна, находятся сегодня на этапе, который они уже переживали во времена Петра Великого. С другой стороны, российское государство никогда не отличалось своими внутренними достижениями, свое «я» оно черпало из имперских амбиций и успехов. Эту империю русские потеряли, и Путин должен править государством, в котором определение господства постоянно имело тенденцию к крайности. Я, конечно, поддерживаю не все проявления путинского правления, но на Западе существует слишком большая самоуверенность, что касается оценки российского президента.

DIE WELT: Вы испытываете симпатии к Путину?

Генри Киссинджер: Надо видеть, что некоторые из его действий объясняются традиционной российской склонностью к великодержавию. Путин, возможно, будет говорить, что сначала должен восстановить авторитет президентского поста, прежде чем заняться тонкостями российской политики.

DIE WELT: Как далеко может заходить Германия в своей политике в отношении России, чтобы не раздражать американцев?

Генри Киссинджер: Мы должны подойти к той черте, когда подобные вопросы возникать больше не будут. Нам нужна дискуссия о том, какими мы представляем себе отношения с Россией на ближайшие десять лет. Соединенные Штаты не могут определить несколько абстрактных пунктов, чтобы им следовали все. Германия и Соединенные Штаты должны прийти к единому пониманию

российской дилеммы с учетом реального исторического опыта. Разумеется, в свете этого понимания нельзя позволить восстановление бывшей империи, но можно отказаться от политики, постоянно подвергающей Россию испытаниям и заставляющей ее постоянно оправдываться и что-то доказывать. Я очень надеюсь, что новое немецкое правительство и администрация США найдут единую позицию. Было бы неверно относиться к России как к врагу. Я не вижу вообще никаких проблем, что касается германо-российской дружбы, если ее целью не является стремление заставить русских занять антиамериканскую позицию.

2005 г.

Путин считает себя реформатором **(Из интервью Г. Киссинджера журналу Time)**

– Преемник Владимира Путина Дмитрий Медведев говорит о том, что хотел бы, чтобы президент Путин остался в Кремле на посту премьер-министра. Это не очень похоже на демократическую передачу власти.

– Безусловно, Путин сегодня доминирующая личность в России. Возглавив список партии «Единая Россия», которая набрала 64,3 процента голосов, он теперь контролирует российский парламент, или Думу. Но я не считаю Россию диктаторским государством. Цифра в 64,3 процента показывает, что значительная часть населения не голосовала за Путина. Должность премьер-министра имеет иную конституционную основу, нежели пост президента. Следовательно, имеется значительный потенциал для постепенного развития. Америка не должна путать внешнюю политику по отношению к России с попытками выдачи рецептов по поводу того, как должен идти исторический процесс. Важно правильно понять и изложить наши приоритеты. Изменить внутреннюю ситуацию в России при помощи американских схем невозможно, особенно в ближайшей перспективе. Россия – это огромная страна, граничащая с Китаем, исламским миром и Европой. Отношения сотрудничества с этой страной крайне важны для обеспечения мира и решения глобальных проблем. Конечно, у нас есть свои предпочтения, свои симпатии, но нам приходится иметь дело с той властью в России, какая есть. И нам следует проявлять определенное понимание тех корректировок, которые приходится делать стране на переходном этапе.

– Как вы можете объяснить ту пропасть, которая существует между восприятием Путина некоторыми людьми на Западе как агрессивного, авторитарного и недемократичного человека, и той поддержкой, которой он пользуется среди россиян?

– В России он популярен по той причине, что стал президентом в плохой для страны период, как считают русские. Путин занял президентское кресло в тот момент, когда развалилась советская империя, а вместе с ней и трехсотлетняя история России. Российский

рубль рухнул. Россияне оценивают его по разнице в уровне жизни сегодняшнего дня и того времени, когда он пришел к власти.

Они также ценят его за то, что он, по их мнению, восстановил Россию и обеспечил ей достойное место на международной арене. Возможно, многие из них считают, что нынешняя система власти более чутко реагирует на запросы общества, нежели предыдущие системы, хотя по западным меркам ее нельзя назвать демократической.

– *Вы много раз встречались с ним. Что он за человек?*

– Он очень умен и эрудирован, хорошо концентрируется на обсуждаемом вопросе, близко знаком с проблемами внешней политики. Он не пытается очаровать вас и произвести впечатление. В нем присутствует сочетание холодности, большого интеллекта, стратегического мышления и русского национализма.

– *Какого рода отношения он хочет установить между Россией и Западом?*

– Я не думаю, что он смотрит на Запад как на единый блок. Поскольку он проводит внешнюю политику, исходя из своего понимания национальных интересов России, он не прочь воспользоваться существующими между западными странами разногласиями, чтобы укрепить позиции своей страны. При этом мысль о том, что Россия должна присоединиться к демократическому сообществу или даже к западному сообществу, не является главным движущим мотивом. Прежде всего, он стремится добиться уважения к России и к тому, что она ищет собственный путь. На мой взгляд, он бы высоко ценил отношения дружбы и сотрудничества с Соединенными Штатами, но при условии четкого понимания и уважения каждой стороной национальных интересов партнера.

– *Как бы вы оценили нынешнее состояние отношений между Москвой и Вашингтоном?*

– У Путина очень хорошие личные отношения с Бушем. Когда Буш во время их самой первой встречи заявил, что заглянул Путину в глаза и увидел в них родственную душу, американская пресса подняла его на смех. Но для Путина это было признание равенства, права на равное партнерство с США. В Буше он уважает то, что президент, как правило, не читает ему лекций. Он не против того, что Буш жестко защищает американские национальные интересы, потому что именно таких действий он ожидает от любого государственного деятеля.

В других вопросах периодически возникают проблемы. Теоретически обе стороны хотят сотрудничать друг с другом, но порой одна сторона поступает так, что это действует на нервы другой. Россия раздражается, когда мы начинаем читать ей наставления по поводу ее внутренней ситуации. Или когда американские представители демонстративно встречаются с оппонентами правящего режима во время визитов высокопоставленных руководителей в Москву. Или когда мы расширяем границы НАТО, приближая их к российским рубежам. Нас же раздражает то, что российские лидеры порой не относятся к соседям как к подлинно независимым государствам. Многие американцы крайне недоброжелательно смотрят на ситуацию внутри России. То есть в наших отношениях есть определенные циклы, а некоторые проблемы имеют давнюю историю.

С другой стороны, есть огромная потребность в сотрудничестве. Существует слишком мощная тенденция относиться к России так, будто она представляет глобальную угрозу США. У России полно своих серьезных проблем. У нее очень длинная и беспокойная граница. У нее просто ужасающая смертность. Сокращается численность населения. Поэтому на Россию не нужно смотреть как на глобальную угрозу. Вместе с тем она хочет, чтобы ее уважали как сильную державу. Вопрос заключается в том, сумеем ли мы наладить конструктивные отношения со страной, в сотрудничестве с которой нуждаемся. Речь идет об Иране, в определенной мере об Ираке, а также о процессе мирного урегулирования на Ближнем Востоке. Русские также являются важными партнерами в таких областях, как энергоресурсы и охрана окружающей среды. Ведь эти вопросы можно решать только в глобальном масштабе, но отнюдь не на основе соперничества.

– Вы упомянули Иран. Считаете ли вы, что из-за выводов последнего доклада американской разведки Соединенным Штатам будет труднее убедить Россию выступить с нами единым фронтом против иранской ядерной программы?

– На мой взгляд, стратегические оценки русских в отношении создаваемых Ираном ядерных проблем очень похожи на наши. Однако тактические выводы, которые они делают на ближайшее будущее, отличаются. Отличие состоит в оценке степени опасности иранской стратегической угрозы. Но если русских убедить в том, что такая

угроза неизбежна, тогда мы объединимся. Вопрос сейчас стоит так: не слишком ли далеко зашел этот процесс, не поздно ли предпринимать важные шаги и действия?

– *Мы вкратце говорили о внутренней ситуации в России. Неужели США не заинтересованы в том, чтобы громко и открыто говорить о таких вещах, как ограничение политических и гражданских свобод?*

– Важно понять то, что представляет собой Путин. Путин – это не Сталин, который считал своим долгом уничтожать любого, кто в будущем мог вступить с ним в противоречия. Путин – это тот человек, который хочет сосредоточить в своих руках власть, необходимую для выполнения ближайших задач. Поэтому мы не наблюдаем общего широкого наступления на гражданские свободы. Мы отмечаем посягательства на гражданские свободы тех организаций, которые, по мнению Путина, угрожают режиму. Процесс этот неоднородный. Да, телевидение под контролем, но пресса обладает значительной свободой. Однако мысль о том, что Америка в силах изменить внутреннюю ситуацию в России путем угроз, ведет к перманентному кризису. Америка должна отстаивать демократические ценности. Она должна защищать права человека. Но одновременно ей следует соотносить данные цели с другими своими интересами.

– *Путин и Буш вступают в последний год своего президентства. Вы встречались и разговаривали с обоими. Чего они могут добиться совместно, прежде чем уйдут в отставку?*

– Путин не хочет, чтобы Соединенные Штаты Америки выступали в роли гегемона, потому что у России по определению не будет на США сдерживающего влияния, если они станут гегемоном. Поэтому он будет пытаться создавать нам противовес там, где это возможно. Он не станет пытаться лишить нас того, что мы имеем, но постарается не дать нам пойти дальше. В то же время, в соответствии со стратегическим замыслом Путина, Америка является логическим партнером для России. Мы с ней не граничим. Нам не нужна российская территория. Мы никогда не пытались отнимать ее территорию, и мы очень сильны. Мы можем взаимодействовать в вопросах глобальной безопасности. Кроме того, связи с нами добавляют России престижа. Все эти реалии дают хорошие возможности, но мы должны суметь привести в соответствие наши миссионерские представления о стратегических целях. Иран, мирный

процесс на Ближнем Востоке, глобальный подход к нераспространению оружия массового уничтожения – вот эти возможности.

– *Что, по мнению России, она может получить благодаря партнерству с США?*

– Прежде всего, безопасность. Во-вторых, престиж. В-третьих, экономическое сотрудничество в глобальных вопросах. Россия граничит с Азией, Ближним Востоком и Европой. И там у нее нигде нет естественных союзников. В России не существует традиции завоевывать на свою сторону союзников там, где у нее не было войск. Исторически она связывает свое величие с экспансионистской внешней политикой. Сегодня империалистический аспект российской политики привел к окончанию холодной войны. У русских больше нет средств, чтобы этим заниматься. Для этого нужна новая российская политика, а также определенное время для ее выработки и для привыкания к ней.

– *Как оценят историки президентство Путина и его значение?*

– Американцам трудно понять русскую психологию. Если взять великих русских реформаторов, таких как Петр I или Екатерина Великая, то они были крайне деспотичны у себя дома, но очень прогрессивны по современным меркам Запада. Екатерина поддерживала тесные взаимоотношения с передовыми философами. Петр год прожил в Европе, а затем постоянно направлял туда посланников. Но что касается внутреннего устройства России, то они считали, что страна должна быть организована таким образом, чтобы возможности общества были максимально сосредоточены на укреплении государства. Если смотреть на Путина в таком контексте, то он считает себя реформатором. Возможно, в истории страны его будут считать знаковой фигурой, но он не демократ.

Как его оценят? Пока рано об этом говорить. Конечно, как значимую личность. Великую? Что ж, посмотрим. Руководитель становится великим, если ему удастся создать систему, которая не зависит полностью от одного человека. Пока не ясно, способен ли Путин сделать это.

2007 г.

Путин считает Майдан «генеральной репетицией» перед Москвой

(Из интервью Г. Киссинджера для агентства CNN, ведущий Ф. Закария, 3.02.2014)

ФАРИД ЗАКАРИЯ: ...По вашему мнению, события на Украине будут представлять для России особый интерес и станут для нее крайне щепетильным вопросом. Объясните, почему Украина так важна для России и ее чувства собственной безопасности.

ГЕНРИ КИССИНДЖЕР: Начнем с того, что образование сегодняшней России началось с Киева.

ФАРИД ЗАКАРИЯ: С Киева, столицы Украины?

ГЕНРИ КИССИНДЖЕР: И Киев когда-то назывался Киевской Русью. Так что политическое и, более того, религиозное развитие России началось в Киеве. Затем произошел раскол, однако с начала... с конца XVII века – начала XVIII века Украина входила в состав России. И я не знаю ни одного россиянина – неважно, диссидент он или занимает проправительственные позиции, – который бы не считал Украину по крайней мере важнейшей частью российской истории. Поэтому русские не могут безразлично относиться к будущему Украины.

Я однозначно за независимую Украину и однозначно за Украину, имеющую органичные отношения с Европой. Однако, чтобы понять российскую позицию, следует взглянуть на историю.

ФАРИД ЗАКАРИЯ: Глядя на то, что происходит на Украине, как вы можете охарактеризовать ситуацию? При просмотре телевидения складывается впечатление, что силы, желающие свободы, демократии и отношений – органичных отношений – с Западом, борются с пророссийски настроенным президентом. Так и есть?

ГЕНРИ КИССИНДЖЕР: Это не мое впечатление. По сути, в стране раскол. Восточная часть – православная и тяготеющая к России. Западная часть – чем дальше, тем в большей мере – католическая и прозападная. Так что, думаю, мнения разделены примерно поровну. Что же касается противоборствующих сторон на Украине, по моим впечатлениям, в каждой есть и демократические, и олигархические

элементы. И я не считаю нынешнего президента неизбежно пророссийским.

ФАРИД ЗАКАРИЯ: Вы хорошо знаете Путина. Вы встречались с ним больше, чем любой американец. Как по-вашему, он наблюдает за событиями на Украине и думает, что все это дело рук Запада и США, которые задумали окружить Россию?

ГЕНРИ КИССИНДЖЕР: Думаю, он видит в этом генеральную репетицию того, что мы хотели бы сделать в Москве.

ФАРИД ЗАКАРИЯ: Смены режима.

ГЕНРИ КИССИНДЖЕР: Смены режима. И оттого, что все это происходит так близко к сочинским Играм, его подозрения лишь усугубляются. Но ведь Путин считает распад Советского Союза большой исторической катастрофой. Очевидно, что крупнейшая республика, получившая независимость, это Украина с ее 50-миллионным населением. И он не может относиться к этому безразлично.

ФАРИД ЗАКАРИЯ: Как вы считаете, администрация Обамы ведет себя правильно?

ГЕНРИ КИССИНДЖЕР: Администрация Обамы склонна делать публичные заявления о драматических событиях, как если бы все можно было решить на воскресном ток-шоу. Не то чтобы я не согласен с курсом администрации, но я не считаю необходимым делать это так публично. И нужно лучше представлять себе долгосрочное историческое развитие.

ФАРИД ЗАКАРИЯ: И вас больше всего беспокоит, что это может глубоко обидеть Россию и усложнить наше сотрудничество с ними по Сирии, Ирану или другим вопросам?

ГЕНРИ КИССИНДЖЕР: Построение отношений между Россией и остальным миром, между Россией и нами – это огромная проблема. Россия на протяжении всей своей истории была империей, и ее самосознание зиждется на имперских достижениях. Они граничат с Китаем – это стратегический кошмар. Они граничат с исламом – это идеологический кошмар. И у них есть граница с Европой, исторически весьма шаткая.

С другой стороны, российские правители на протяжении всей истории правили, создавая впечатление собственной важности за границей. Так как же сплотить страну, показывая себя грозным за

границей, при этом понимая, что возможны – и необходимы – большие компромиссы? Думаю, это главная трудность, с которой сталкивается Путин. И не в наших интересах доводить их до состояния «осажденной крепости», когда они решат, что им нужно показать, на что они способны.

ФАРИД ЗАКАРИЯ: Генри Киссинджер, с вами было приятно побеседовать.

Путин не планировал нападать на Украину
(Из интервью Г. Киссинджера для агентства CNN, ведущий
Ф. Закария. 11.05.2014)

ГЕНРИ КИССИНДЖЕР: ...Надо задать себе следующий вопрос. Он потратил 60 миллиардов долларов на Олимпиаду, у них были церемонии закрытия и открытия, в которых Россия должна была предстать как нормальное, прогрессивное государство. Поэтому невозможно, чтобы он – три дня спустя – по собственному желанию напал на Украину. Нет никаких сомнений...

ФАРИД ЗАКАРИЯ: Объясните. По-вашему, это не было запланировано? Вы полагаете, что он реагировал на события, которые, по его мнению, выходили из-под его контроля?

ГЕНРИ КИССИНДЖЕР: Да. Я думаю, он всегда хотел видеть Украину в подчиненном положении. И всегда каждый влиятельный россиянин, которого я встречал, в том числе диссиденты, такие как Солженицын и Бродский, рассматривали Украину как часть российского наследия.

Но я не думаю, что он планировал форсировать события сейчас. Я полагаю, он планировал постепенное развитие событий. А это – своего рода реакция на то, что он посчитал чрезвычайной ситуацией.

Конечно, объяснить причины его поступка – это не значит одобрить аннексию части другого государства и пересечение границы. Но я думаю, что мы должны сначала решить украинскую проблему, а потом обсуждать отношения с Россией.

РОССИЯ В АМЕРИКАНСКОЙ ГЕОПОЛИТИКЕ

**ЗБИГНЕВ
БЖЕЗИНСКИЙ
ГЕНРИ
КИССИНДЖЕР**

**РОССИЯ
В АМЕРИКАНСКОЙ
ГЕОПОЛИТИКЕ**

the protest, saying it doesn't "imply that anyone believed their presence would have an impact on the decision." He said, "Only if you go."

YTO: People attend an unauthorized anti-Kremlin rally called by opposition leader Alexei Navalny, who is